

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ.

НА КОМЪ ВИНА?

РОМАНЪ

III-ья часть „Развала“

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

===== Право собственности закрѣплено. =====
Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht.

**Тебѣ — обливаемая кровью
и слезами Россія, благовѣрно
посвящаю мой трудъ.**

Нѣсть власти, еще
не отъ Бога.

I.

Было раннее холодное декабрьское утро. Сквозь расписанныя морозомъ большія окна просторнаго кабинета брезжило сѣрое утро. На крышахъ домовъ лежалъ толстый слой въ обиліи выпавшаго наканунѣ снѣга. Въ печкѣ ярко перебѣгалъ по полѣньямъ только что зажженный огонь и придавалъ уютъ, тонувшему въ мутномъ свѣтѣ утра официальному кабинету.

Уже одѣтый, съ блѣднымъ лицомъ, съ котораго короткій сонъ не успѣлъ смахнуть усталость предыдущаго дня, докторъ Манухинъ, стоя сбоку большого письменнаго стола, одной рукой размѣшивалъ сахаръ въ стаканѣ съ кофе, поданнымъ на небольшомъ серебряномъ подносикѣ, вмѣстѣ съ ломтиками бѣлаго хлѣба, намазанными масломъ, въ другой рукѣ держалъ подлѣ уха трубку телефоннаго аппарата. Блондинъ, очень высокаго роста, онъ казался еще выше отъ худого и тонкаго сложенія. Небольшая голова была посажена на длинной шеѣ, свѣтлые короткіе усы не были замѣтны на гладко выбритомъ продолговатомъ и худомъ лицѣ; сѣрые близорукіе глаза смотрѣли ласково, пытливо и умно сквозь пенсне безъ оправы. Въ его манерѣ говорить, въ движеніяхъ сквозила необычайная доброта и мягкость, которыми онъ окутывалъ каждаго, кто къ нему приближался.

— ... Неудобно говорить объ этомъ по телефону; лучше бы вы сами ко мнѣ заѣхали, — продолжалъ докторъ,

начатый по аппарату разговоръ. — Сегодня я могу уѣхать на полчаса позже, значить, въ вашемъ распоряженіи почти часъ времени... ну, вотъ и отлично! Пріѣзжайте поскорѣе, и мы переговоримъ обстоятельно... Да, ужъ я слышу по голосу, что вы волнуетесь. Что дѣлать, милая! Надо запастись большимъ терпѣньемъ...

Манухинъ повѣсилъ трубку, сѣлъ въ мягкое кресло, стоявшее сбоку стола и, проглядывая утреннюю газету, принялся за кофе. Опять раздался телефонный звонокъ.

— Не могу, никакъ не могу, моя милая, — мягко увѣщевалъ кого то докторъ, — я теперь себѣ не принадлежу и частной практикой совсѣмъ не занимаюсь... Изъ тюремъ возвращаюсь домой иногда только къ вечеру... Что же дѣлать, милая! тамъ я нужнѣе: васъ полечить съ такимъ же успѣхомъ другой докторъ, а тамъ я одинъ...

Едва Манухинъ допилъ второй стаканъ кофе, какъ горничная подала ему визитную карточку.

— Проведите сюда, — произнесъ онъ, отставляя со стола подносики со стаканомъ и выходя въ сосѣдную маленькую гостинную навстрѣчу входившей Вѣрѣ Илларионовнѣ.

— Я не опоздала, Иванъ Ивановичъ? — Вѣра Илларионовна протянула доктору руку, которую тотъ, заключивъ въ свои обѣ большія, съ продолговатыми пальцами, мягкія и теплыя руки, на секунду задержалъ. Въ пожатіи его руки было что то совершенно особенное, что то необъяснимо ласковое и душевное, что сразу притягивало къ нему того, кто подавалъ ему руку.

— Нисколько. У насъ есть еще полчаса времени. Пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ. Тамъ мы и побесѣдуемъ. Вы какъ будто бы похудѣли. Здоровы?

— Я здорова, но всѣ событія конечно волнуютъ и беспокоятъ меня! Мужъ нервничаетъ, мечтаетъ пробраться на Донъ... мыслимо ли это, когда у него организмъ еще такъ слабъ. — Вѣра Илларионовна, въ темно-синемъ гладкомъ платьѣ и котиковой шапочкѣ, по прежнему имѣла красивый и представительный видъ. Ея высокая, рослая

фигура слегка похудѣла, что дѣлало ее менѣе громоздкой. Изъ подъ черной вуалетки глядѣли озабоченно и печально каріе добрые глаза.

— Садитесь сюда, Вѣра Илларионовна. — Манухинъ, указавъ ей на мягкое кресло сбоку, сѣлъ подлѣ письменнаго стола.

— Что васъ такъ встревожило? Я вижу его каждый день и ничего новаго не отмѣтилъ.

— На меня онъ произвелъ въ нѣсколько минутъ нашего свиданія, удручающее впечатлѣніе. Вы не находите, милый Иванъ Ивановичъ, что у него сдѣлался отсутствующій взглядъ? Онъ сталъ весь какой-то сѣрый, для меня ясно, что его нервная система окончательно разшатана. Что дѣлать? Какъ помочь ему? Иванъ Ивановичъ, неужели невозможно хоть какимъ нибудь способомъ вытащить его оттуда? Эта неотступно сверлящая мой мозгъ мысль о несчастномъ братѣ, томящемся день и ночь въ ужасномъ каменномъ мѣшкѣ, подъ ежечасной угрозой смерти, не даетъ мнѣ ни минуты покоя.

— Понимаю ваше душевное состояніе, самъ частенько ночи не сплю отъ этихъ же мыслей о заключенныхъ, которымъ готовъ кровью своей помочь, да ничего не подѣлаешь: надо имѣть выдержку и терпѣніе, а то вмѣсто помощи можно испортить все дѣло. Относительно здоровья Михаила Илларионовича вы не слишкомъ волнуйтесь; я за эти мѣсяцы хорошо къ нему приглядѣлся и скажу вамъ по секрету, что онъ многое симулируетъ и даже не очень ловко. Мозгъ его въ порядкѣ, а что онъ ослабѣлъ, отоцалъ и нервы развинчены — это вѣрно. Дѣлаю, что только въ моихъ силахъ, чтобы поддерживать организмъ заключенныхъ. Сейчасъ положеніе ихъ становится такимъ же острымъ, какъ и до большевистскаго переворота. Что касается освобожденія Михаила Илларионовича изъ крѣпости, — тутъ надо запастись терпѣніемъ. Если гарнизонъ меня самого не прикончитъ, чего можно ожидать со дня на день, то обѣщаю вамъ добиться перевода его въ госпиталь.

— Ну, когда же это будетъ, милый докторъ? — горестно вздыхая произнесла Вѣра Илларионовна. Манухинъ широко развелъ руками:

— На это отвѣтить вамъ не могу. Надо выждать благоприятнаго момента, надо лавировать и считаться съ настроеніемъ гарнизона. Вѣдь было распоряженіе вывести финляндскаго генерала - губернатора по постановленію финляндскаго сейма. Я предупреждалъ, что опасно. Гарнизонъ узнавъ объ этомъ, залегъ съ винтовками противъ воротъ крѣпости и конечно стрѣлялъ бы, если бы его вывели. Сейчас настроеніе гарнизона какъ и до октябрьскаго переворота очень угрожающее. Вы бы послушали, что они тамъ говорятъ. Надо благодарить Бога, что удается сдерживать ихъ злобу противъ заключенныхъ, говорилъ Манухинъ. Его убѣжденный тонъ дѣйствовалъ успокоительно на Вѣру Илларионовну.

— Значить, надо ждать? — вздохнула она.

— Да, да. Будемъ ждать и надѣяться.

— Вы увѣрены, Иванъ Ивановичъ, что разсудокъ брата въ порядкѣ?

— Вполнѣ. Онъ размякъ, раскисъ, потерялъ волю и самообладаніе, но мозгъ его въ порядкѣ.

— Онъ что то лепеталъ при свиданіи, и при этомъ какъ то странно смотрѣлъ въ одну точку... потомъ къ чему то прислушивался и бессмысленно улыбался.

— Это онъ при свидѣтеляхъ, а если бы свиданіе съ вами было наединѣ, онъ держалъ бы себя иначе, — улыбнулся докторъ.

— Не смѣю васъ больше задерживать. — Вѣра Илларионовна поднялась съ кресла.

— Да, мнѣ пора ѣхать.

— Вы ѣдете туда, — въ крѣпость?

— Да, надо не опоздать къ подвозу молока, а то гарнизонъ захватить въ свои руки, выпить, и заключенные ничего не получать.

— Всѣ мы, — родные нашихъ несчастныхъ узниковъ, молимся за васъ, милый Иванъ Ивановичъ. Вы единственный защитникъ и охранитель.

— Ну, полно, полно, милая! Дѣлаю то, что подсказываетъ чувство гуманности. На то я и врачъ. — Манухинъ крѣпко пожалъ руку сестрѣ бывшаго всесильнаго министра. — Кланяйтесь мужу. Пусть поправляется. Организмъ у него желѣзный, и въ жены выбралъ себѣ сестру милосердія какихъ мало, да еще съ золотымъ сердцемъ. . . Не падайте духомъ. — Манухинъ проводивъ Вѣру Илларионовну. черезъ нѣсколько минутъ выѣхалъ изъ дому.

Мутное утро начало проясняться. Морозный воздухъ былъ чистъ, и докторъ, выѣхавъ на набережную, съ удовольствіемъ вдыхалъ его. Въ рѣдѣющемъ расплывающемся туманѣ утра легко и четко пронизывалъ воздушную даль, покрытый легкимъ инеемъ, шпицъ крѣпости. Манухинъ вздохнулъ и отвелъ отъ него глаза: десятый мѣсяцъ изо дня въ день мѣсто, гдѣ высился этотъ шпицъ, было центромъ его заботъ и мыслей. Съ широкой гуманностью натуры и ученаго онъ шелъ навстрѣчу страждущимъ, отстраняя вопросъ политическихъ убѣждений или преступленій. Еще недавно ярый либераль и крайній лѣвый, горячо привѣтствовавшій февральскій переворотъ — какъ зарю новой свободной жизни для Россіи, Манухинъ, пройдя черезъ серію разнородныхъ переживаній, начиналъ утрачивать вѣру въ благіе плоды переворота. Онъ чувствовалъ разочарованіе въ своихъ надеждахъ и скорбѣлъ за чистоту революціонной идеи, носителемъ которой былъ со студенческой скамьи.

Преданный наукѣ и болѣе ученый, чѣмъ врачъ, онъ вѣрилъ, что революція откроетъ широкіе горизонты для науки и дастъ возможность свободнаго труда въ освобожденной Россіи. Однако десятый мѣсяцъ послѣ революціи отодвинулъ страну на нѣсколько лѣтъ назадъ, и Манухинъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, слѣдилъ за прогрессирующимъ разложеніемъ народныхъ массъ. Оставалась надежда

на русскую интеллигенцію, на то, что она подымется на борьбу съ темными силами, коверкающими идею свободы. Глядя на тонкую иглу стремящуюся ввысь, Манухинъ съ сокрушеніемъ вспоминалъ прекрасные лозунги первыхъ дней революціи о свободѣ личности, слова и объ отмѣнѣ смертной казни. Все это оказалось красивыми, пущенными въ воздухъ мыльными пузырями. Трубецкой бастіонъ. со своими смѣняющимися заключенными, краснорѣчиво высмѣивалъ довѣрчивыхъ идеалистовъ, вѣрившихъ въ мощь русскаго духа, способнаго провести въ своей странѣ безкровную революцію.

Пройдя черезъ ворота крѣпости въ глубь двора, Манухинъ направился влѣво къ Трубецкому бастіону; пройдя вторыя ворота, гдѣ его пропустилъ дежурный по наблюденію команды, онъ подошелъ къ третьимъ, которыя ему открылъ караулъ, недружелюбно скосившійся въ его сторону и поднялся по мрачной каменной лѣстницѣ въ сводчатые корридоры, куда выходили желѣзныя двери съ тяжелыми засовами одиночныхъ камеръ. Докторъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ враждебное къ нему отношеніе гарнизона все болѣе и болѣе обострялось: человѣческое отношеніе къ заключеннымъ ставилось ему въ вину и считалось измѣной по отношенію къ наряду и гарнизону.

— Ишь повадился долговязый. Съ подлецами этими хороваются. Ладно, гляди... и тебѣ шею свернемъ, — слышалъ Манухинъ за своей спиной въ одинъ изъ послѣднихъ визитовъ. Онъ зналъ неограниченную власть гарнизона въ стѣнахъ крѣпости, власть съ которой приходилось считаться и временному правительству и смѣнявшему его правительству большевиковъ. Всегда умѣвшій наладить свои отношенія со всякими враждебными ему элементами, Манухинъ надѣялся справиться и здѣсь въ острый моментъ раздраженія противъ себя. По неувидимымъ признакамъ онъ почувствовалъ, что въ этотъ день гарнизонъ особенно злобно настроенъ. Сопровождавшій

его дежурный мрачно открывалъ тяжелые замки камеръ и хмуро, не глядя, пропускать его къ заключеннымъ.

Небольшія, угрюмыя, выкрашенныя въ сѣрый цвѣтъ, камеры угнетали мрачностью обстановки. Рѣшетчатое окно было расположено такъ высоко, что надо было влѣзть на что нибудь, чтобы заглянуть въ него. Передъ нимъ высилась глухая каменная стѣна и виднѣлась лишь узкая полоса неба. Желѣзный столъ и кровать были привинчены къ стѣнѣ. Вдѣланное въ дверь полукруглое оконце открывалось изнутри корридора. Ходъ въ бастіонъ былъ только одинъ, черезъ рядъ караульныхъ. Каждый, попавшій въ это мрачное царство, сознавалъ, что онъ запертъ въ каменномъ мѣшкѣ за семью замками и отрѣзанъ отъ міра живыхъ.

Съ тяжелымъ мрачнымъ лязгомъ отомкнулся замокъ, и Манухинъ на этотъ разъ безъ сопровожденія солдатъ вошелъ въ первую камеру:

— Здравствуйте. Какъ вы себя чувствуете?

Со скамьи медленно поднялась невысокая, съ заплаканными глазами, женщина лѣтъ тридцати пяти. Темныя волосы, небрежно подколотыя, были полураспущены. Разстегнутое платье обнажало часть груди. Неряшливо надѣтая черная юбка, подхваченная сбоку подъ кушакъ, открывала почти до колѣна ноги безъ чулокъ, обутыя въ ночныя мягкія туфли. Ея растерзанный видъ, съ опухшими отъ слезъ глазами, производилъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

— Отвратительно, докторъ, отвратительно. Всю ночь меня душили ужасные кошмары... Мнѣ чудилось, что чье то страшное лицо заглядывало въ это оконце. Я не увѣрена, что это только кошмаръ. Глаза съ ужасной злобой, не отрываясь, преслѣдовали меня. . . Милый докторъ, я не вынесу этой пытки. За что они мучаютъ меня? На что я имъ нужна? Неужели и меня ожидаетъ участь подруги Маріи Аѳтуанеты — несчастный Ламбаль?.. — Узница

стиснула у подбородка сплетенные пальцы и съ тоской подняла на Манухина полный отчаянія взглядъ темно-карихъ глазъ.

— Я вижу, что нервы у васъ сегодня совсѣмъ плохи. Вы общали мнѣ подбодриться, а выходитъ обратное. Анна Владимировна, прошу васъ, не приходите въ отчаяніе. Ничего угрожающаго нѣтъ. Вѣрьте, что я добьюсь вашего освобожденія, но надо быть терпѣливой, не падать духомъ и беречь свои нервы.

Боже мой, я даже молиться не могу... Стою, стою передъ образомъ на колѣняхъ, а вмѣсто молитвы вижу, какъ на яву, прошлое и такая безумная тоска охватываетъ мою душу, что я готова руки на себя наложить. Докторъ, спасите, помогите!.. Она порывисто схватила руку Манухина и прижала къ груди.

— Анна Владимировна, ваше отчаяніе и слезы радуютъ и тѣшатъ тѣхъ, кто стережетъ засовы вашей камеры. Имѣйте больше мужества. — Онъ осторожно высвободилъ руку.

— Докторъ нельзя ли мнѣ молока? Эти дни я очень голодна... — Понутивъ голову, съ тяжелымъ вздохомъ, заключенная опустилась на койку, сложивъ на колѣняхъ руки.

— Хорошо, я постараюсь дать вамъ молоко.

— И какихъ нибудь усыпительныхъ капель на ночь... Я или совсѣмъ не сплю или сплю съ кошмарами... Ахъ, докторъ, какъ я устала, какъ я истерзана душевно! Эта жизнь — тотъ же кошмаръ... — Она закрыла лицо обѣими руками и тяжело разрыдалась.

— Что мнѣ съ вами дѣлать Анна Владимировна?! Ну что толку если вы свалитесь здѣсь съ ногъ! Вѣдь они васъ сейчасъ все равно не выпустятъ, и вы будете страдать еще хуже. Потерпите еще. Пока я здѣсь — надежда на освобожденіе не потеряна.

Весь разговоръ Манухинъ велъ осторожно вполголоса, стоя спиной къ двери.

Съ каждымъ днемъ нервы заключенной замѣтно ослабѣвали; она падала духомъ и теряла послѣднюю бодрость. Ни чтеніе Евангелія, ни долгія молитвы передъ складнымъ образомъ Божіей Матери не успокаивали больше ея истомившейся въ долгомъ заточеніи души. Манухинъ, выходя отъ нея, придалъ лицу безразличное официальное выраженіе.

— Что, реветъ все? Ладно, пусть пореветь... еще напляшется, мерзавка... свое получить... — со злобной улыбкой обратился къ доктору провожатый. Манухинъ, не отвѣчая, направился къ слѣдующей камерѣ.

Опять загремѣлъ замокъ, и тяжелая, ослѣвшая отъ сырости, дверь открылась съ визгомъ.

Посреди камеры стоялъ невысокій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, очень подвижной, какъ будто бы весь сплетенный изъ нервовъ, съ большимъ открытымъ лбомъ, энергичнымъ, довольно красивымъ лицомъ, на которомъ, несмотря на блѣдность и изнуреніе отъ тяжелаго тюремнаго режима, не было замѣтно слѣдовъ подавленности и отчаянія. Вся внутренность его камеры отличалась необыкновенной чистотой и опрятностью: стѣны, полъ и каждая вещь были вымыты и вычищены. Платье на немъ было чисто и какъ-то особенно ловко, щегольски надѣто, несмотря на то, что носило слѣды нѣкоторой поношенности. Скинувъ темно-коричневый френчъ и разставивъ ноги въ темно-синихъ рейтузахъ, онъ энергично чистилъ щеткой надѣтый на руку сапогъ.

— Мое почтеніе докторъ. — Онъ прервалъ свое занятіе, отложилъ щетку и протянулъ Манухину руку.

— А вы все работаете? Привѣтствую васъ за это.

— Сегодня день генеральной уборки. Видите, какъ я хорошо полъ вымылъ. Органически не выношу грязи и пыли. А вотъ, поглядите, какъ я сапогъ зачинилъ. Не хуже моего бывшаго придворнаго сапожника. Я всегда утверждалъ, что каждый человѣкъ можетъ все сдѣлать себѣ самъ и если не дѣлаетъ, то только потому, что не оказы-

вается надобности. Я всегда зналъ, что смогу быть самъ себѣ и лакеемъ, и судомойкой, и поваромъ, и портнымъ, и сапожникомъ. Вотъ только не зналъ, что придется всѣ эти способности въ тюрьмѣ примѣнять. . .

— Да, вы молодецъ, Константинъ Михайловичъ. Жаль, что про остальныхъ нельзя сказать того же.

— А что нашъ военный министръ: очень упалъ духомъ?

Манухинъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукой.

— Хвораеть старикъ или только нервы шалать?

— Онъ очень ослабѣлъ. Ну, у васъ, значить, все обстоитъ благополучно: вы бодры и здоровы. Очень радъ.

— Здоровъ - то я здоровъ, а вотъ если бы покушать чего - нибудь, докторъ. Очень ужъ тяжела эта діета изо дня въ день.

— Черезъ нѣсколько дней я вамъ выпишу яйца или бутылку молока.

— Вотъ за это спасибо. Какъ - нибудь еще вытянемъ, — улыбулся бывшій сановникъ, протягивая доктору руку.

Въ слѣдующей камерѣ сидѣлъ бывшій директоръ департамента полиціи, пожилой обрюзгшій, съ блѣдно - сѣрымъ цвѣтомъ лица, съ котораго ни на минуту не исчезало выраженіе глубокаго отчаянія. Сѣдѣющіе волосы торчали беспорядочными прядями, и на небритомъ измятомъ лицѣ залегли новыя глубокія морщины. Ни въ движеніяхъ, ни въ тонѣ не осталось и слѣда присущей ему еще недавно безапелляціонной самоувѣренности. Онъ сидѣлъ подлѣ стола, съ головой опущенной на ладони, съ приподнятыми плечами, сгорбленный, небрежно одѣтый.

Углубленный въ мрачную пучину своего отчаянія, онъ остался неподвиженъ и поднялъ на доктора глаза лишь тогда, когда тотъ подошелъ къ нему вплотную:

— Капитонъ Ивановичъ что вы такъ задумались? Здравствуйте, — обозвалъ его докторъ.

— Здравствуйте Иванъ Ивановичъ.

— Да вы никакъ плачете?? Ну полноте!.. Можно ли въ такой мѣрѣ падать духомъ?.. Встряхнитесь! Еще не все для васъ потеряно... терпѣнье и бодрость духа.

— Не утѣшайте меня, докторъ. Я знаю навѣрное, что жизнь моя дошла до ея крайней черты. Знаю навѣрное и примирился бы съ этой участью, еслибы не сынъ. Бѣдный мой Алеша!.. За что, за что мучается ребенокъ? Бывшій суровый, съ желѣзными нервами, бюрократъ поспѣшно досталъ изъ кармана грязноватый скомканный носовой платокъ и, приложивъ его къ глазамъ, беззвучно зарыдалъ.

Манухинъ, стоя надъ нимъ, смотрѣлъ передъ собой задумчивыми и грустными глазами: невольно онъ подумалъ о томъ океанѣ слезъ, свидѣтелемъ и причиной которыхъ былъ много годовъ подъ рядъ тотъ, кто теперь такъ скорбно искупалъ свою вину за эти пролитыя слезы.

— Это не люди... Это звѣри... — сквозь рыданія говорилъ заключенный. — Алеша, увидѣвъ меня на свиданіи, бросился ко мнѣ и въ слезахъ припалъ ко мнѣ... они грубо оттащили ребенка, вытолкали меня и на два мѣсяца лишили свиданія... Гдѣ у нихъ сердца? Гдѣ ихъ душа?.. Несчастный мой мальчикъ!.. Свидимся ли?! — Бывшій директоръ департамента полиціи, припавъ головой на край стола, рыдалъ, какъ истеричная женщина. Докторъ молча глядѣлъ на этотъ взрывъ отчаянія, невольно поражаясь той непослѣдовательной, нелогичной забывчивости человеческой натуры, которая въ часъ горькаго испытанія не толкаетъ человѣка оглянуться назадъ, на свой пройденный путь, чтобы почерпнуть силы въ сознаніи своей вины передъ тѣми, кто былъ въ его власти и страдалъ по его винѣ подобными его страданіями. Чтобы навести на заключеннаго на эту мысль, докторъ, положивъ большую, блѣдную съ длинными пальцами руку на его плечо, мягко заговорилъ:

— Никакъ я не думалъ, Капитонъ Ивановичъ, что вы, посвятивши всю вашу прошлую дѣятельность тѣмъ, кто

такъ тѣсно соприкасался съ тюремнымъ страданіемъ, такъ мало закалились и такъ непростительно упали духомъ, въ хорошо знакомой для васъ обстановкѣ. Надо бодриться. Для васъ, болѣе, чѣмъ для другого, не ново, что тюрьма—это рядъ страданій физическихъ и моральныхъ.

Заключенный не отвѣчалъ. Скомкавъ намокшій грязный платокъ, онъ вытеръ имъ вспухшіе воспаленные глаза и сунулъ въ карманъ измятыхъ, покрытыхъ пятнами брюкъ.

— У меня, докторъ, опять опухли ноги; нельзя ли чѣмъ нибудь помочь? — подымая на Манухина тусклый взглядъ, жалобно проговорилъ онъ.

— Опять въ томъ же мѣстѣ?

— Да, вся ступня выше подъема. Вотъ видите, я даже ботинокъ зашнуровать не могу сегодня.

— Явленіе обычное вслѣдствіи скуднаго питанія. Буду поддерживать васъ молокомъ и кое что пропишу вамъ. Ну - съ, бодритесь, Капитонъ Ивановичъ, а я побѣгу дальше. . . Скоро молоко подвезутъ; надо его встрѣтить, а то опять останемся безъ молока.

— Подождите докторъ. . . я хочу сказать вамъ кое что. . . они не услышатъ? — боязливо поглядывая на дверь, зашепталъ заключенный.

— Дверь закрыта. Говорите. — Докторъ нагнулся къ заключенному.

— Вчера вечеромъ въ это окно былъ слышенъ весь ихъ разговоръ на кухнѣ. Я всю ночь не могъ глазъ сомкнуть. Они говорили, что не выпустятъ насъ, что убьютъ насъ въ камерахъ. . . бросали жребій, кто кому достанется для этой цѣли. Съ ужасной жестокостью они развивали подробности плана мученій для своихъ жертвъ. . . Одинъ изъ нихъ собирается рубить по суставамъ, начиная съ пальцевъ ногъ. . . Докторъ, вѣдь это же кошмаръ! Лучше бы насъ разстрѣляли скорѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь съ сознаніемъ ежеминутной возможности попасть въ руки этихъ палачей. . . Докторъ, спасите насъ! . . Одинъ вы мо-

жете спасти. . . — Заключенный, съ жестомъ отчаянія, протянулъ къ доктору трясущіяся отъ страха руки.

— Ради Бога тише! . . — поспѣшно остановилъ его докторъ, въ сердцѣ котораго дрогнула смертельная тревога за людей, которымъ онъ, впродолженіи столькихъ мѣсяцевъ, отдавалъ всю неисчерпаемую теплоту своего сердца. — Я буду на сторожѣ. Не придавайте серьезнаго значенія этимъ разговорамъ. Возможно, что они нарочно страшатъ васъ, зная, что до камеръ долетаютъ ихъ угрозы. Будьте спокойны: я весь на чеку и дѣлаю исподволь все возможное, чтобы приготовить ваше освобожденіе отсюда.

Докторъ вышелъ изъ камеры съ тяжелымъ сердцемъ. Для него становилось все болѣе и болѣе ясно, что атмосфера вражды сгущалась внутри Трубецкого бастиона. Это говорили ему косые угрюмые взгляды часовыхъ, грубый тонъ обращенныхъ къ нему словъ, переглядываніе ихъ между собой и наконецъ тревожное сообщеніе, только что переданное ему въ камерѣ. Еще болѣе озабоченный, съ морщиной поперекъ лба, вошелъ докторъ въ камеру бывшаго всесильнаго министра, любимца двора, Быстрова.

Онъ сидѣлъ передъ столикомъ и переписывалъ въ тетрадку изрѣченія изъ евангелія. Въ опустившемся, состарѣвшемся, сильно похудѣвшемъ и обрюзгшемъ чловѣкѣ, съ отекившимъ лицомъ и пожелтѣвшей кожей, трудно было узнать выхоленнаго, красиваго, блестящаго царедворца, обладавшаго неисчерпаемой безпечной самоувѣренностью. Отъ носа къ угламъ рта залегли двѣ глубокихъ борозды. Сѣрыя тѣни и мѣшки подъ глазами, масса мелкихъ морщинъ на лбу и подлѣ висковъ, отросшіе сѣдые волосы, небритое лицо — дѣлали его старымъ и непривлекательнымъ. Истертый тюремнымъ режимомъ и переживаемыми страданіями наружный блескъ не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, а во взглядѣ и въ обликѣ бывшаго любимца двора не проглядывалъ ни одинъ лучъ душевной мощи или той силы духа, которая, несмотря ни на какія страданія и измѣненія плоти, живетъ въ тайникахъ души и

свѣтитъ во взорѣ. Было ясно, что, какъ въ пустой комнатѣ, было пусто и голо въ душѣ и сердцѣ заключеннаго.

Въ ту минуту, какъ въ его камеру входилъ докторъ, раздались медленные тягучіе удары крѣпостныхъ курантовъ. Было одиннадцать часовъ.

Быстровъ отложилъ карандашъ, съ какой-то неестественной, почти театральной медлительностью всталъ и, глядя на доктора неподвижнымъ, устремленнымъ въ упоръ взглядомъ, медленно и торжественно проговорилъ:

— Вы слышите докторъ?.. Нѣтъ, вы не слышите...

— Какъ не слышу? — улыбнулся Манухинъ, — мы оба слышимъ, что бьетъ одиннадцать часовъ, значить и молоко сейчасъ подвезутъ, — провѣряя свой большой золотой хронометръ, проговорилъ докторъ.

— Нѣтъ, эти куранты говорятъ... они только мнѣ говорятъ... я слышу каждое слово... вотъ, вотъ... — Быстровъ, напряженно склонивъ голову вбокъ, расширилъ глаза и полуоткрылъ ротъ.

— Да... да... нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, нѣтъ времени... избранникамъ сказано терпѣть и ждать. Докторъ, я слышу слова и днемъ, и ночью...

— Полноте Михайлъ Илларионовичъ! Зачѣмъ это вамъ нужно со мной комедію ломать?

Перестаньте, право. Вѣдь я врачъ и нахожусь здѣсь съ исключительной цѣлью помочь вамъ и спасти васъ, и никакія ваши слова и шопоты не помогутъ вамъ такъ, какъ поможетъ мое искреннее желаніе быть вамъ полезнымъ. То была муха, которая говорила съ вами, а теперь мухи замерзли, такъ куранты заговорили. — Манухинъ досадливо махнулъ рукой. — Скажите - ка мнѣ лучше, какъ ваши сердечные припадки и какъ вы спали?

— Я очень плохо спалъ эту ночь: были сильнѣйшіе перебои сердца. Докторъ, я очень голоденъ. Вчера намъ дали вмѣсто похлебки одну воду. Если бы можно было хоть одинъ разъ вдоволь поѣсть! Ахъ докторъ, какъ я мало цѣнилъ мой роскошный столъ, мой чудесный вин-

ный погребъ! Меня преслѣдуютъ мысли и картины тѣхъ вкусныхъ вещей, которыми былъ полонъ мой столъ. Я слышу запахъ ихъ... Это ужасное мученіе, когда желудокъ пусть и когда за краюху хлѣба готовъ отдать что угодно... да впрочемъ, мнѣ отдавать теперь нечего... Я нищій. — Быстровъ улыбнулся жалкой кривой улыбкой.

— Въ утѣшеніе могу сказать вамъ, Михаилъ Илларионовичъ, что вкусныхъ вещей никто изъ насъ не имѣетъ; погреба всѣ разбиты и разграблены и не одному вамъ мерещатся вкусныя блюда.

— Докторъ, прошу васъ, скажите мнѣ откровенно, есть ли надежда перевести меня въ госпиталь? — до шопота понижая голосъ спросилъ Быстровъ, устремивъ на доктора умоляющій, полный тревожнаго ожиданія взглядъ.

— Я не теряю надежды, но, прошу васъ, будьте терпѣливы, осторожны и бросьте со мной всякія симуляціи.

Манухинъ вышелъ въ корридоръ. Сводчатые каменные потолки и стѣны были угрюмо холодны, сыры и мрачны. Казалось, что днемъ и ночью въ нихъ невидимо витали и беззвучно скользили блѣдныя тѣни замученныхъ въ этихъ, оторванныхъ отъ всего міра, казематахъ.

Неминуемо и настойчиво выплывалъ изъ мрачныхъ сумерокъ каменнаго свода образъ Царевича Алексѣя, искаженнаго страданіями жестокой пытки... Одинъ за другимъ скользили тѣни благородныхъ романтиковъ - декабристовъ... Казалось, подъ сѣрыми каменными сводами невидимо и неустанно чьи-то мертвенно блѣдныя пальцы безшумно перелистывали страницы скорбной исторіи русскаго либерализма.

Манухинъ, несмотря на ежедневные визиты въ Трубецкой бастионъ, неизмѣнно испытывалъ удручающее чувство гнета подъ его тяжелыми сводами, и тѣни погибшихъ идеалистовъ - мечтателей, казалось, тѣснымъ кольцомъ толпились вокругъ него... Онъ направился къ выходу, какъ и всегда, испытывая гнетъ отъ нахлынувшихъ все-

поминаній давно минувшихъ, пережитыхъ въ этомъ ба-
стіонѣ человѣческихъ страданій.

— А что, молоко привезли? — обратился онъ къ сто-
явшей группѣ солдатъ. Отвѣта не послѣдовало. Докторъ,
привыкшій къ нелюбезному отношенію гарнизона, не по-
вторяя вопроса, хотѣлъ пройти мимо нихъ къ выходу.

— Куда!.. — Послышался грубый окрикъ и передъ
докторомъ, преграждая ему путь, встало двое часовыхъ.

Я иду получить молоко, — удивленно глядя на заго-
родившихъ ему дорогу солдатъ, спокойно отвѣтилъ док-
торъ.

— Никуда не пойдешь... Ладно, довольно! Надоѣлъ
ты намъ, долговязый ты этакой. Знаемъ для чего шляешься
сюда. Контръ-революцію придумалъ. Чего нянчишься съ
подлецами этими? Коль ты за свободу и за народъ, такъ
ты долженъ супротивъ нихъ итти, а ты возжаешься съ
ними и ублажаешь ихъ...

— Да что съ вами, товарищи? Какія могутъ быть тутъ
обвиненія? Вы забываете, что я докторъ, врачъ, что я ис-
полняю мою обязанность, мою службу. Я долженъ лѣчить
и помогать каждому больному. Я приставленъ сюда для
этого.

Ладно, рассказывай!.. Самъ себя приставилъ. На-
шелъ тоже дураковъ морочить. Ясно все видимъ. Сворачи-
вай назадъ!.. Слышь, говорятъ тебѣ сворачивай... —
Солдаты, окружившіе доктора, направили противъ него
штыки и, напирая, заставили вернуться въ корридоръ.

— Надоѣлъ ты намъ... Давно бы пора прикончить
тебя. Полѣзь не въ свое дѣло... Тутъ не шутки шутить.
Довольно тебѣ хорошиться съ этими мерзавцами... —
раздавались вокругъ доктора злобныя восклицанія.

— Прикончить меня вы всегда успѣете, а давайте - ка
лучше толкомъ побесѣдуемъ: что вы противъ меня имѣ-
ете? Въ чемъ моя вина?

— Ладно, ладно!.. входи - ка въ камеру, тутъ мы
тебѣ разяснимъ... помнишь будешь какова вина твоя.

Солдаты продолжали штыками напирать такъ, что тотъ, отступая назадъ, принужденъ былъ войти въ открытую дверь первой пустой камеры.

— Уберите ваши штыки и давайте обсудимъ дѣло спокойно, — продолжалъ Манухинъ. Въ тонѣ его голоса и въ непринужденной свободной позѣ не было и тѣни страха или робости. Высокій, худой, блѣдный, весь въ черномъ, на голову выше окружавшей его кочки солдатъ, онъ, со спокойнымъ, благожелательнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, казался господиномъ положенія. Отойдя вглубь камеры и заложивъ руки за спину, онъ пристальнымъ близорукимъ взглядомъ смотрѣлъ въ дышавшія враждой лица солдатъ.

— Мнѣ поручено ѣздить сюда, чтобы слѣдить за состояніемъ здоровья заключенныхъ, — обратился Манухинъ къ солдатамъ. — По дѣлу заключенныхъ производится слѣдствіе, а затѣмъ будетъ судъ. Какъ врачъ я отвѣчаю за ихъ здоровье. Если они все заболѣютъ и слягутъ, то судъ долженъ будетъ приостановиться. . .

— Какой тамъ судъ! . . Прикончить подлецовъ, вотъ и весь судъ.

— Это меня не касается, — спокойно замѣтилъ докторъ. — Я какъ врачъ отвѣчаю за ихъ здоровье, а вы — какъ ихъ стража — отвѣчаете за ихъ жизнь. Если заключенные страдаютъ цынгой, отеками ногъ и рукъ и другими болѣзнями отъ истощенія, то я обязанъ по долгу службы и по совѣсти поддерживать и помогать имъ. Если вы будете идти наперекоръ моимъ предписаніямъ, то конечно, мнѣ тутъ нечего дѣлать. Пусть заключенные перемрутъ. Берите на свой отвѣтъ.

— А финляндскаго губернатора зачѣмъ ослобонять помогаль?

— Причемъ же тутъ я? Развѣ я могу давать указанія финляндскому сейму? Распоряженіе пришло отсюда.

— А ты помогаль.

Манухинъ добродушно разсмѣялся:

— Вы преувеличиваете мою власть, которой у меня и вовсе нѣтъ. Вся моя власть, товарищи, предписать больному стаканъ молока или пару яицъ.

— Эй докторъ! . . Гдѣ докторъ? . . Поскорѣе въ камеру номеръ семь. . . Кажись помираетъ: поскорѣе! . . раздался изъ корридора голосъ дежурнаго часового. Манухинъ, продолжая стоять въ этой же позѣ, не двигался съ мѣста; въ дверь камеры заглянулъ часовой:

— Въ камерѣ семь старикъ помираетъ... доктора надо... — поспѣшно проговорилъ онъ.

— Ну что жъ, пусть помираетъ, — хладнокровно отвѣтилъ Манухинъ.

— Коли помретъ тутъ, не ладно будетъ, — съ замѣтнымъ сомнѣніемъ проговорилъ часовой.

— Это меня не касается. Я напишу заявленіе, что врачебной помощи ему подано не было, что смерть заключеннаго беретъ на свою отвѣтственность гарнизонъ, а вы всѣ подпишите. Вотъ и все. Мнѣ не для чего ходить къ больному.

— Нѣшто плохъ? — спросилъ часового кто-то изъ солдатъ, стоявшихъ позади.

— Посинѣлъ весь и недохнетъ.

— Ну вотъ, такъ и рѣшимъ. Пойдемте въ канцелярію, я составлю бумагу, а вы подпишите.

Докторъ рѣшительно шагнулъ впередъ, безпрепятственно вышелъ изъ камеры и направился въ канцелярію. Солдаты, переговариваясь, пошли за нимъ.

Написавъ короткое заявленіе, Манухинъ протянулъ его солдатамъ:

— Подписывайте. Вотъ вамъ перо.

— Ты, Федоровъ, подписывай первый: ты старшой.

— Зачѣмъ первымъ? Пусть Кузовкинъ подпишетъ, а я за нимъ.

— Да вы не торгуйтесь, товарищи. Не все ли равно кто первый? Я уже подписался.

— Ладно, подмахнуть не трудно, а коли потомъ что будетъ? . .

— Ну ужъ, это я не знаю. Тамъ видно будетъ, — пожалъ плечами докторъ, поправилъ двумя пальцами на носу пенснэ и продолжалъ, сидя у стола, спокойно наблюдать нерѣшительно переговаривавшихся между собой солдатъ. Онъ видѣлъ, что озлобленіе начало уступать сомнѣнію и терпѣливо ждалъ конца, чтобы пройти къ заключенному, у котораго онъ со вчерашняго дня предвидѣлъ возможность сердечнаго припадка.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Для доктора стало ясно, что на этотъ разъ гроза прошла мимо: гарнизонъ не рѣшался подписать бумаги.

— А ну его къ чорту! Подохнетъ здѣсь, начнутъ добираться какъ и что, наживемъ хлопотъ. . . Пусть его идетъ къ больному, — рѣшили солдаты и, сплевывая и пуская крѣпкія слова, стали расходиться.

Манухинъ вздохнулъ съ облегченіемъ и направился въ камеру номеръ семь, гдѣ помѣщался бывшій видный дѣятель по вопросу народнаго образованія и членъ Государственной Думы — тихій кроткій старикъ, всю жизнь проработавшій на пользу народнаго движенія.

II.

Вероника, тихонько налѣвая, въ приподнятомъ настроеніи отъ бодрой и длительной прогулки вдоль набережной, стояла у мольберта съ палитрой и пучкомъ кистей въ рукахъ. Яркими и увѣренными мазками она набрасывала на полотнѣ въ видѣ эскиза часть задуманной большой картины. Несмотря на суровую зиму, глубокие заносы, громадные сугробы снѣга, завалившіе всѣ улицы, на мятели и хаосъ дикихъ страстей, заносившихъ все глубже и глубже государственный строй Россіи, несмотря на то, что жизнь каждаго гражданина начала выливаться

все въ болѣе тяжелую форму, которая давила на общую психику — Вероника, съ ея неисчерпаемой бодростью духа и уравновѣшенной безпечностью къ завтрашнему дню, доступной лишь очень немногимъ творческимъ натурамъ, оставалось все той-же спокойно-жизнерадостной, черпающей изъ жизни каждаго дня свои образы и краски, свободной отъ всякаго душевнаго гнета, оживленной и интересной женщиной.

Какъ и всѣмъ, ей приходилось считаться съ новыми условіями жизни, но онѣ не поглощали ея яркой индивидуальности: она проходила мимо нихъ все съ той же, присущей ей беззаботностью.

Морозный воздухъ и нѣсколько брызнувшихъ на бѣлую пелену Невы яркихъ лучей солнца, засіявшихъ бриллиантовыми гранями по всему широкому пространству гранитнаго ложа величественной рѣки, съ ея опустѣлыми дворцами и безлюдной прямой линіей набережной, вызвали какой-то новый, странно зазвучавшій аккордъ въ художественной фантазіи художницы, и она радостно прислушиваясь къ новому остро-бьющему по струнамъ мотиву, полная таинственныхъ, внутри глубоко запрятанныхъ переживаній, прійдя домой, взялась за кисти и краски, сознавая, что совокупность всѣхъ новыхъ грозныхъ переживаній страны, будить въ душѣ и фантазіи ея нѣчто большое, новое и цѣнное. Это сознаніе и сознаніе присутствія въ себѣ величайшаго дара Божьяго — творчества давали ей ту неисчерпаемую душевную силу и любовь къ жизни, которыя поражали окружающихъ ее.

Она спѣшила воспользоваться для этой работы недолгими часами дневного свѣта, такъ какъ электричество за послѣдніе дни или совсѣмъ не давалось или, въ силу отсутствія угля, давалось часа на два или три. Въ то время, какъ всѣ стонали и приходили въ отчаяніе, Вероника зажигала одинокую свѣчу и при ней набрасывала карандашемъ эскизы или же, закутавшись въ мѣхъ, погру-

жалась въ чтеніе книги, не замѣчая какъ бѣжали часы и оплывала свѣча.

Начало темнѣть. Она отложила палитру, сѣла на диванъ, закинула по привычкѣ, руки за голову и внимательно стала провѣрять свою работу. Легкая улыбка трепетала въ углахъ рта и въ зеленовато - сѣрыхъ глазахъ.

—... All right!... all right!—... одобрительно шептала она, разглядывая на полотнѣ легкую вздутую отъ вѣтра ярко - полосатую ткань мраморнаго портика, черезъ который виднѣлась лазоревая полоса горячаго южнаго моря. Вероника на секунду закрыла глаза и потянула въ себя воздухъ: ей почуялись острые запахи олеандръ и магнолій... солено - устричный запахъ моря... полуголый съ бронзовымъ загаромъ « pescatore » (рыбакъ)... покачивающаяся на толстомъ канатѣ широкая лодка подъ навѣсомъ изъ яркой ткани... На горизонтѣ чуть уловимая перламутро - сиреневая гряда отдаленныхъ горъ, точно тающихъ въ горячемъ воздухѣ, раскаленномъ золотомъ солнца, напоенномъ благоуханіями земли и моря.

Острое, непреодолимое желаніе быть тамъ, въ этой благодатной, родной сердцу странѣ, охватывало все существо Вероники. Три года войны оторвали ее отъ дорогихъ береговъ южныхъ морей, Россія съ ея новыми бурями внутреннихъ переворотовъ затягивала тяжкій плѣнь.

Въ передней раздался звонокъ, и черезъ минуту въ ея рабочій кабинетъ входилъ высокій, не по лѣтамъ стройный и гибкій старикъ, съ совершенно лысой маленькой головой, еще полными жизни голубыми глазами и густыми длинными сѣдѣющими усами, — Александръ Александровичъ Орловъ.

Вероника быстро поднялась съ дивана:

— Мой дорогой другъ, я хочу, безумно хочу туда, гдѣ одуряюще пахнутъ магноліи, олеандры и мимозы, гдѣ голубое небо отражается въ голубомъ морѣ, гдѣ раскалены камни скалъ, гдѣ дрожать въ воздухѣ звуки итальянской пѣсни! . . О, если бы вы знали, дорогой другъ, какъ

я страшно хочу туда!.. — Во всей фигурѣ художницы, въ протянутыхъ рукахъ, въ звукахъ голоса звучало напряженное, страстное желаніе.

Вошедшій безнадежно покачалъ головой и легкимъ свободнымъ жестомъ поднялъ обѣ руки кверху, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели:

— Дорогая моя, вѣрю, вѣрю вамъ! Какъ я самъ страдаю отъ невозможности бѣжать изъ этой ужасной страны! Боже мой, какъ я любилъ Россію, и какъ я ее теперь ненавижу! — Онъ сжалъ кулаки и съ выразительной энергіей потрясъ ими надъ головой. — Если бы вы знали, какъ тяжело у меня сейчасъ на душѣ! Вѣдь я пришелъ проститься съ вами и только для этого отложилъ до завтра мой отъѣздъ.

— Что случилось, Александръ Александровичъ? Вѣдь вы третьяго дня ничего не говорили мнѣ объ этомъ? — удивилась Вероника.

— Вчера выяснилось, что оставаться здѣсь дольше для меня крайне опасно. Я долженъ бѣжать, иначе могу быть арестованъ.

— За что?

— За то, что я генераль, за то, что въ послѣднее время исполнялъ отвѣтственную должность, за то, что я и большевизмъ — двѣ взаимно - отталкивающіяся величины, наконецъ за то, что я честный и порядочный человекъ, былъ вѣрнымъ слугою Царю. Сегодня я не ночевалъ дома, такъ былъ предупрежденъ, что ночью у меня можетъ быть обыскъ и арестъ.

— Ахъ Боже мой, какъ я огорчена! — кладя руку на обшлагъ рукава своего стараго друга и поклонника, проговорила Вероника: — Куда же вы поѣдетъ?

— Въ Кисловодскъ или Пятигорскъ. На группахъ теперь масса бѣжавшихъ изъ Петрограда; тамъ я встрѣчу не мало моихъ знакомыхъ, друзей и даже родственниковъ. Но я теряю васъ, моя дорогая; для меня это громадная потеря. Это послѣднее время я такъ дивно чувствовалъ

себя въ вашемъ уютномъ уголкѣ за чашкой чая, вы съ вашими рѣчами, улыбками и звонкимъ, всегда увѣ! безпечнымъ смѣхомъ такъ бодрили меня. . . Когда и гдѣ увидимся теперь?! О, я предвижу впереди столько ужасовъ и страданія для бѣдной Россіи! Nous sommes finis, complètement finis, ma chérie! . . C'est la ruine pour nous, pour toute la Russie. *)

О, какъ я огорчена! —медленно произнесла Вероника, и по лицу ея скользнули слѣзы. — Я такъ не люблю чувствовать своихъ друзей далеко отъ себя. И кромѣ того, мы можемъ быть отрѣзаны и на долго.

— Все можетъ быть теперь. Que la volonté du bon Dieu soit faite. **)

Вероника сама принесла приготовленный чай и накрыла два прибора на маленькомъ столикѣ.

— Посидите въ послѣдній разъ въ моемъ уголкѣ и выпьемте горячаго чаю, — пригласила она генерала, указывая на кресло подлѣ столика.

— Пойдите, моя дорогая, я кое что принесъ вамъ къ чаю. — Генераль съ легкостью и эластичностью движеній молодого человѣка, быстро всталъ, прошелъ въ переднюю и вернулся съ небольшимъ пакетомъ:

— Здѣсь вы найдете сахаръ, леденцы, баночку меда и бѣлую булку.

— Боже мой, какое баловство! Милый Александръ Александровичъ, кто будетъ меня такъ баловать когда вы уѣдете?! А все - таки, милый другъ, жизнь прекрасна, и я люблю ее, — улыбаясь и блестя глазами, произнесла Вероника, передавая генералу чай въ китайской фарфоровой чашечкѣ.

— Ну нѣтъ, такая жизнь совсѣмъ не прекрасна, и я ее не только не люблю, а прямо ненавижу и готовъ лучше умереть. Вѣдь что дѣлается, что дѣлается кругомъ! Какой

*) Мы кончены, совершенно кончены, моя милая! Это гибель для насъ, для всей Россіи.

**) Да будетъ воля Бога.

то кошмаръ! Бывшій разносчикъ газетъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за уголовное преступленіе, занимаетъ отвѣтственное мѣсто главнаго завѣдывающаго тюремнымъ вѣдомствомъ... Какой-то полуграмотный солдатъ завѣдуетъ Московскимъ округомъ... Упраздненъ сенатъ, вы подумайте — сенатъ и всѣ суды въ Россіи... Всѣ типографіи закрыты, на улицахъ рвутъ и сжигаютъ газеты... солдаты и матросы громятъ всѣ погреба, перепиваются и безчинствуютъ... погребъ зимняго дворца до тла уничтоженъ, расхищенъ и разбитъ... На улицу, едва темнѣетъ, нельзя безнаказанно выйти: васъ ограбятъ, раздѣнутъ и даже прихлопнуть... поѣзда скоро станутъ за неимѣніемъ топлива... всѣ вагоны расколочены, всѣ окна выбиты... вѣдь это же кошмаръ, сплошной кошмаръ, а не жизнь! Каждый день приноситъ новую и новую разруху въ жизни государства. Мы летимъ въ пропасть и летимъ не случайно, а по волѣ кучки людей, задавшихся цѣлью искалѣчить, оплевать и разложить еще недавно мощную и полную власти страну. Повторяю вамъ, моя дорогая, *pour sommes finis*... Это ужасно, ужасно! — Орловъ спряталъ на секунду лицо въ ладони, провелъ ими по голому черепу и съ отчаяніемъ поднявъ руки всплеснулъ ими надъ головой.

— А какъ же вы съ квартирой сдѣлали?

— Бросаю ее на руки племянницы, все бросаю на произволъ судьбы... Бѣгу съ небольшимъ запасомъ денегъ, бѣлья и платья. Вѣдь вы подумайте до чего они дошли! Мало того, что они заняли банки, они объявили, что на дняхъ будетъ ревизія сейфовъ. Нѣчто неслыханное, недопустимое ни въ одной культурной странѣ! Насиліе надъ частной собственностью! Я передалъ отъ сейфа ключъ племянницѣ. Конечно они ограбятъ всѣ наши сейфы. Вчера прошелъ слухъ, что во главѣ делегаціи по мирнымъ переговорамъ сюда явится графъ Кейзерлингъ. Какое паденіе, какое униженіе достоинству Россіи, и это въ то время, когда русская армія уничтожается декретами о

сравненіи во всемъ солдата съ офицеромъ. Можете себѣ представить, какъ болитъ и обливается кровью мое сердце стараго солдата. Подлецы! Мерзавцы! Оплевали, опозорили Россію, за честь которой мы три года проливали кровь. О, будь они прокляты!—выкрикнулъ съ подавленнымъ рыданіемъ въ голосъ старый, вѣрный слуга своего отечества.

— Ну, довольно, успокойтесь! . . Во всемъ воля Божья. Вы вѣрующій и потому должны покориться ниспосланному для Россіи испытанію.

— Да, вы правы! — тяжело вздохнулъ генералъ. — Поговоримте лучше о другомъ. Что вы дѣлали эти дни интереснаго? Много рисовали? Кого видѣли? Кто за вами ухаживалъ?

— Да, я много рисовала. Такъ хорошо, легко и ярко ложились на полотно краски. . . Кого видѣла? Того, кто меня еще недавно очень и очень интересовалъ.

— А теперь?

— Теперь я остыла. Вы знаете эту мою странную особенность: вдругъ во мнѣ что-то загорится, зажжется, запылаетъ дикимъ пожаромъ, который горитъ, палитъ, жжетъ, но все-таки потухнетъ обязательно. Есть ли отвѣтъ, нѣтъ ли отвѣта — все равно потухнетъ и отъ минувшихъ волненій не остается ничего. . . все исчезаетъ безслѣдно, какъ паръ и становится для моего сердца далекимъ и чуждымъ какъ прочитанный съ интересомъ романъ.

— О, я знаю эту жестокую особенность вашей натуры. Не будемъ о ней говорить!.. Скажите мнѣ лучше, кто же это тотъ, кого вы видѣли на дняхъ, и кто очевидно былъ одинъ изъ героевъ «прочитаннаго» вами съ интересомъ романа.

— У меня третьяго дня провелъ вечеръ до поздней ночи князь Суровъ.

— Который — Сергѣй?

— Да, Сергѣй Владиміровичъ.

— Я его отлично знаю. Вотъ ужъ ни за что не подумалъ бы, что вы могли имъ увлекаться!

— И еще какъ сильно! — Вероника звонко засмѣялась.

— А онъ вами?

— И не думалъ...

— *Quel idi* Теперь я понимаю ваше увлеченіе; оно было *par esprit de contradiction*. *)

— Не знаю, можетъ быть.

— А теперь что же?

— Ничего. Онъ долго сидѣлъ у меня, много рассказывалъ о своей послѣдней дѣятельности. Вѣдь вы знаете, что онъ былъ представителемъ забастовочнаго комитета, въ виду отсутствія всѣхъ начальниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

— Да, я кое что слышалъ... впрочемъ подробностей не знаю.

— Онъ мнѣ все это третьяго дня очень обстоятельно рассказалъ; черезъ два дня послѣ большевистскаго переворота въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было собраніе делегатовъ всѣхъ вѣдомствъ и министерствъ и рѣшено было бастовать. Въ этотъ же день Троцкій поѣхалъ въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ собралъ служащихъ. Князь Суровъ, возвращаясь изъ собранія Министерства внутреннихъ дѣлъ, случайно узналъ объ этомъ и помчался въ свое министерство, куда попалъ на конецъ рѣчи Троцкаго. Послѣднія слова его рѣчи были: «кто останется работать съ нами — будетъ вознагражденъ, кто не хочетъ — пусть честно заявить». Въ то время какъ толпа служащихъ двинулась для совѣщанія, раздались чьи-то слова: «нѣмецкій шпионъ». Суровъ рассказывалъ, что моментъ былъ довольно острый. Троцкій вскипѣлъ: «Кто сказалъ?» рѣзко спросилъ онъ. Одна изъ служащихъ барышень объявила, что это она. Троцкій сталъ доказывать неосновательность сказанныхъ словъ.

*) Изъ духа противорѣчія.

— Молодецъ барышня! Съ удовольствіемъ пожалъ бы ей руку, — прервалъ генераль разсказъ Вероники.

— Кто-то изъ чиновниковъ, — продолжала она, обратился къ Троцкому съ вопросомъ: «кто вы, собственно говоря — Троцкій или Бронштейнъ?» «Я двадцать лѣтъ работаю какъ Троцкій и создалъ себѣ это имя,» — запальчиво отвѣтилъ онъ. Служащіе удалились въ комнату для совѣщанія и рѣшено было бастовать. Князь Суровъ и еще двое были выбраны для переговоровъ съ Троцкимъ:

«Вы пришли — мы уходимъ,» — объявили они ему.

«Какъ: — всѣ?» — «Всѣ». «И техническій отдѣлъ?» «Да, буквально всѣ.» Троцкій вспыхнулъ: «я объявлю это всѣмъ, всѣмъ. Дамъ знать Петроградскому гарнизону, пусть онъ узнаетъ ваше рѣшеніе. Вы за него заплатитесь. «Вы насъ не запугаете, — отвѣтилъ ему князь Суровъ. — Вы хотѣли услышать отъ насъ правду, и мы объявили ее вамъ.» Такимъ образомъ вышло, что князь Сергѣй оказался во главѣ забастовочнаго комитета.

— Не думаю, что-бы это прошло ему даромъ. Посо-вѣтуйте ему, отъ моего имени, не засиживаться дольше въ Петроградѣ, — вынимая папиросу изъ золотого портсигара, усѣяннаго монограммами, надписями и камнями, проговорилъ генераль.

— Я думаю, что вы правы. Непремѣнно сегодня же поговорю съ нимъ по телефону.

— Но только будьте осторожны: всѣ разговоры по телефону подслушиваются солдатами и агентами. Увы, я долженъ проститься съ вами, мой дорогой другъ. Кто знаетъ, когда свидимся?! — Орловъ со вздохомъ поднялся и протянулъ Вероникѣ обѣ руки. На глазахъ его стояли слезы. — *Quelle vie!... nous devons fuir comme des bêtes traquées...* *) И это у себя въ Россіи... и за что, спрашивается, за что?! — горестно подымая глаза кверху жаловался старикъ.

*) Что за жизнь!.. Мы должны бѣжать какъ загнанные звѣри.

— Я надѣюсь, что вы благополучно доберетесь и тамъ хорошо устроитесь. Вѣроятно скучать не будете, встрѣтите много знакомыхъ

— Такихъ же изгнанниковъ какъ и я самъ. Великая княгиня Марія Павловна тоже тамъ скрывается съ сыновьями. *Quel déastre!* Если будетъ возможность, конечно буду писать вамъ и ждать отъ васъ вѣстей. Думалъ ли я, что на старости лѣтъ, послѣ вѣрной и долгой службы, долженъ буду скрываться какъ какой нибудь *malfaiteur*. *)

Вероника съ тяжелымъ сердцемъ проводила своего старога друга, глубоко ей преданнаго, всегда полнаго мыслями какъ бы угодить ей и чѣмъ нибудь побаловать. Постепенно одинъ за другимъ изъ Петербурга уѣзжали близкіе ей люди, надѣясь на югѣ обезпечить безопасность своей свободы и жизни.

Совсѣмъ стемнѣло. Въ комнатахъ было тихо и пусто. Вероника зажгла въ кабинетѣ любимый античный свѣтильникъ въ три огня, и комната потонула въ тускло-мягкомъ, слабомъ желтоватомъ свѣтѣ. Тѣни протянулись по стѣнамъ до самаго потолка. Привыкшая за послѣднее время обходиться безъ услугъ всегда отсутствующей прислуги, она сама подождала приготовленныя въ печкѣ дрова. Живое яркое пламя заиграло красными отблесками по ковра, стѣнамъ, по потолку и мебели. Комната казалась совсѣмъ иной, не похожей на свой обычный видъ при свѣтѣ дня или электричества. Вероника опустила на разостланный на коврѣ мѣхъ и, положивъ подъ локоть подушки съ дивана, стала глядѣть на перебѣгающій въ печкѣ огонь.

За стѣнами ея тихой комнаты, объятаго свѣтомъ мерцающаго пламени, творилась странная, дико-необузданная, новая жизнь. Въ ней чуялись угрожающіе для страны предвѣстники бѣдствій, чуялось, что жизненные нити каждаго гражданина начинаютъ мало по малу впле-

*) Преступникъ.

таться во все болѣе нарастающій, все болѣе запутывающійся, куда то катящійся историческій клубокъ. Вероника думала о томъ, что неминуемо и ее коснутся длинныя щупальцы злого рока, охватывающаго всю страну, но въ душѣ своей она не испытывала и тѣни страха: въ какой бы то ни было рамкѣ, жизнь имѣла для нея смыслъ и цѣнность лишь какъ внутреннія переживанія, ясная гармонія которыхъ, останутся неизмѣнно при ней.

Мысли о происходящихъ событіяхъ и, потрясающихъ страну ударахъ, переплетались съ яркими, гдѣ-то захваченными острой впечатлительностью, красками и настроеніями. . . То припоминались и выплывали какъ на яву любимыя мѣста Италіи, куда весь этотъ день ее страстно тянуло . . . то вдругъ она видѣла маленькую станцію «Велькій Ходачковъ» недалеко отъ Тарнополя и зарево пожара на отдаленномъ, погруженномъ во тьму ночи горизонтѣ: слышала чуть уловимые далекіе орудійные выстрѣлы, видѣла надъ полями, окутанными ночными тѣнями, темное небо, съ тяжелыми разорванными тучами, и между ними одиноко мерцавшія звѣзды . . . сваленныя баяки на потонувшей въ темнотѣ, брошенной среди простора полей, станціи и грузный далеко-протянувшійся силуэтъ поѣзда командующаго Юго-западной арміей . . . До мельчайшихъ подробностей вспомнились пережитые штабомъ грозные часы прорыва нашего фронта непріателемъ и извѣстіе о бѣгствѣ арміи . . . Въ эту ночь чувствовались грозныя тяжело-нависшія, — какъ грозовыя надъ головами тучи, — медленно подползавшія событія въ Россіи. Предчувствія сбылись

Изъ открытыхъ дверейъ печки съ трескомъ выбрызнулъ цѣлый снопъ ярко-алыхъ искръ. Вероника подалась назадъ. Не отрываясь, она продолжала глядѣть въ синевато-алую, узорчато-трепещущую глубину пламени, то ярко бьющую ей въ глаза, то совершенно исчезающую передъ реальностью выступавшихъ въ воображеніи картинъ минувшаго. Выплылъ очаровательный, какъ мра-

морь, бѣлый силуэтъ королевы Румынской Маріи, въ костюмѣ сестры милосердія, съ прямымъ, большимъ туго накрахмаленнымъ полотнянымъ бантомъ на груди и упрягими, до полу спускавшимися, складками бѣлаго платья.. Низко надъ темными бровями надвинутая бѣлая косынка, трогательно обрамлявшая нѣжный овалъ прекраснаго лица... запахъ розъ въ большихъ фарфоровыхъ вазахъ, разставленныхъ по столикамъ среди уютнаго кабинета, тонувшаго въ мягкомъ полусвѣтѣ спущенныхъ за окнами зеленыхъ рѣшетокъ... Видѣніе мелькнуло и потонуло въ лиловомъ, ярко охватившемъ толстое полено пламени... Мелькнулъ высокій элегантный силуэтъ командовавшаго Румынскимъ фронтомъ привѣтливаго генерала Щербачева. За нимъ маленькій, сухой подвижной «желѣзный» генераль Брусиловъ, бывшій верховный главнокомандующій.. Могилевъ... бесѣдка надъ обрывомъ... въ картинной позѣ смакующій послѣ - обѣденную сигару пріятель верховнаго главнокомандующаго — генераль Жираръ - де - Сукантонъ, всей фигурой и лицомъ напоминавшій хорошаго породистаго коня... Отчетливо до мелочей вспоминались апартаменты ставки верховнаго главнокомандующаго, гдѣ она обѣдала у «желѣзнаго генерала», гдѣ раньше жилъ, изгнанный въ далекомъ заточеніи, царь съ мальчикомъ на слѣдникомъ... вспомнились страшные рассказы о недавней трагической смерти, исполнившаго до послѣдней минуты свой долгъ передъ Россіей, честнаго героя генерала Духонина...

Вероника содрогнулась, и оторвала глаза отъ пламени.

— Господи, сколько пережито за этотъ годъ!.. только годъ! Сколько еще надо будетъ пережить!.. — пронеслось у нея въ мысляхъ.

Изъ столовой раздался мягкій тягучій бой большихъ часовъ: било семь. Она поднялась съ полу и, слегка разогрѣтая, ощущая во всемъ тѣлѣ пріятную теплоту, подошла къ телефонному аппарату, чтобы по совѣту генерала предостеречь Сурова въ возможности его ареста.

Долго никто не отзывался.

— Брата въ домѣ нѣтъ. Кто говорить? — Наконецъ услышала она незнакомый мужской голосъ.

— Художница Компіони. Могу я попросить васъ передать ему, чтобы онъ позвонилъ...

— Съ братомъ произошла крупная непріятность... постарайтесь понять меня, — перебилъ Веронику яркій голосъ, очень напоминавшій голосъ князя Сергѣя.

— Какъ?! онъ...

— Да, да сегодня ночью... на засѣданіи...

— Боже мой... — тихо воскликнула Вероника. — Вы приняли какія-нибудь мѣры?

— Я только вчера вечеромъ пріѣхалъ съ фронта. Мать очень удручена.

— Подождите князь. Кажется я смогу быть вамъ въ данномъ случаѣ полезной. Вамъ мое имя знакомо?

— Конечно!

— Вотъ что: сейчасъ же я позвоню и вѣроятно сама кое къ кому поѣду и о результатахъ сообщу вамъ. Вы будете дома?

— Да, я буду дома. Безгранично благодарю васъ за отзывчивость.

— Какъ Александръ Александровичъ былъ правъ! — подумала Вероника, съ волненіемъ давая отбой и вызывая номеръ Вѣры Илларионовны, отъ которой она немедля узнала, что докторъ Манухинъ продолжаетъ состоять врачомъ при нѣкоторыхъ тюрьмахъ, что у него есть сильная протекція къ бывшему другу — теперь очень вліятельному большевику, и что конечно онъ не откажетъ помочь по мѣрѣ силъ.

Не медля она поѣхала къ доктору. Ея надежды оправдались: Манухинъ радушно принялъ ее и, со свойственной его натурѣ готовностью помочь ближнему, сейчасъ же написалъ письмо своему бывшему другу, прося его ходатайствовать объ освобожденіи князя Сергѣя.

— Пусть съ этимъ письмомъ братъ князя завтра же утромъ поѣдетъ къ Максиму. Я надѣюсь, что онъ обратитъ вниманіе на мою просьбу, а кромѣ того вѣроятно я самъ увижу его послѣзавтра и напомнимъ, — подавая Вероникѣ письмо проговорилъ докторъ.

— У васъ очень усталый видъ, — замѣтила она, глядя на блѣдное лицо Манухина.

— Я устаю не столько физически, какъ морально. Живу въ атмосферѣ страданія. Да, всѣ наши сановники, очевидно, не предполагали, что не такъ то просто дѣлать политику, что она представляетъ собой наиболѣе короткій путь отъ дворцовъ и хоромъ къ тюрьмѣ. . .

Электрическаго свѣта въ этотъ вечеръ совсѣмъ не дали, и кабинетъ Вероники тонулъ въ полумракѣ слабого освѣщенія свѣтильника и одной свѣчи, когда въ десятомъ часу въ него входилъ братъ князя Сергѣя — князь Олегъ Суровъ. Выше брата ростомъ, тоже брюнетъ, крѣпкаго сложенія, съ энергичнымъ породистымъ лицомъ, очень схожій съ матерью, въ особенности глазами, въ которыхъ свѣтилась, какъ и у нея, сильная воля и энергія, онъ сразу останавливалъ на себѣ вниманіе совокупностью здоровой красоты и силы.

— Войдите, князь. — Вероника поднялась отъ стола, гдѣ она набрасывала рисунокъ карандашемъ. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу остановившемуся у порога князю Олегу.

— Какъ у васъ здѣсь красиво и таинственно. . . Разрѣшите представиться и прежде всего выразить мою и матери моей благодарность за ваше участіе въ судьбѣ брата. — Князь Олегъ, въ темно - коричневомъ френчѣ, съ фуражкой въ рукѣ, зорко глядя на лицо приближавшейся къ нему женщины, сдѣлалъ отъ порога шагъ впередъ и низко поклонился.

— Прошу васъ, князь, не благодарите меня. Это долгъ cadaго изъ насъ помогать другъ другу, да еще въ такой бѣдѣ. . . Прошу васъ сядьте и расскажите, какъ это все

произошло. — Вероника указала гостю на кресло подлѣ дивана, на который опустилась сама. Лицо князя Олега поразило ее мужественной красотой.

Разсказывая художницѣ о неожиданномъ арестѣ брата въ засѣданіи бывшихъ служащихъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Суровъ въ то же время съ интересомъ разглядывалъ гибкую фигуру, на которой легко падали складки темно-зеленаго цвѣта „empire“ шолковаго свободнаго платья, опушеннаго на воротѣ, рукавахъ и подолѣ сѣрымъ мѣхомъ. Тихое пламя свѣчи, горѣвшей рядомъ на столѣ подъ голубымъ абажурчикомъ, озаряло теплыми мягкими красками рыже-бронзовые пышные волосы и измѣнчивое подвижное лицо, съ задумчивыми сѣро-зелеными глазами.

— Вслѣдъ за арестомъ брата, къ намъ ночью же нагрянули съ обыскомъ, — продолжалъ князь свой разсказъ, не отрывая отъ лица Вероники внимательнаго взгляда свѣтлыхъ умныхъ глазъ. — Все перерыли, учинили въ квартирѣ невѣроятный хаосъ, взяли всю громадную переписку брата изъ Японіи и Румыніи на французскомъ и англійскомъ языкахъ, переворачивали гибель вещей... у матери тутъ же съ туалетнаго стола стащили фамильную брилліантовую брошь. Однако остальные всѣ брилліанты удалось спасти: ихъ успѣлъ припрятать въ свой сундукъ старикъ лакей. Дневникъ брата тоже попалъ въ ихъ руки. Мать очень взволнована. Она неоднократно предостерегала брата, совѣтуя ему уѣхать изъ Петрограда. Онъ сыгралъ тутъ за послѣднее время слишкомъ видную роль, ставъ во главѣ забастовочныхъ союзовъ. Я пріѣхалъ съ фронта вчера вечеромъ, успѣвъ повидать брата лишь мелькомъ.

— Я думаю, что это письмо окажетъ нужное давленіе и князя освободятъ. Завтра же утромъ поѣзжайте съ нимъ къ Максиму и объясните ему въ чемъ дѣло.

— Я долженъ ѣхать на поклонъ къ Максиму? Я — русскій генералъ къ большевику? Къ тѣмъ, кто разлюжилъ нашу армію и опозорилъ, оплевалъ ея честь?! Веро-

ника Антоновна, я только что вернулся съ фронта, во мнѣ кипитъ злоба и ненависть къ этимъ преступнымъ людямъ, къ убійцамъ Россіи. . . Что творится на фронтѣ! . . . Какое ужасающее разложіе! . . . Какъ оплевывается званіе офицера! . . . Я весь полонъ чувства негодованія и жажды мести. . . Я не успѣлъ переступить порога моего дома, какъ эти люди, учиняющіе развалъ и произволъ въ арміи, обрушиваются на мой домъ и прячутъ въ тюрьму брата. . .

— Они могутъ запрятать и васъ, — серьезно произнесла Вероника, наблюдая отраженіе все нарастающаго гнѣва въ лицѣ князя Олега. Глаза его сдѣлались отъ негодованія холодно блестящи.

— Конечно, могутъ. Они все могутъ. Это люди, стоящіе внѣ всякаго принципа и закона. И я долженъ, чтобы спасти брата, ѣхать къ нимъ же на поклонъ?! — Князь Олегъ съ силой отшвырнулъ на столъ поданное Вероникой, лежавшее у него на колѣняхъ, письмо. Въ этомъ жестѣ было столько благороднаго гнѣва и возмущенія задѣтой гордости, лицо князя приняло такое холодное, надмѣнное выраженіе, что Вероника нѣсколько секундъ, молча, любовалась имъ. Наконецъ она прервала молчаніе:

— Вы правы, князь. Не пристало честному генералу, только что вернувшемуся съ фронта, гдѣ большевики разложили армію, ѣхать къ нимъ на поклонъ. Дайте мнѣ это письмо. Я сама поѣду съ нимъ завтра.

— Ради Бога, не надо. Вы можете подвергнуть себя какому либо непріятностямъ. . . обыску. . .

— Я не изъ трусливыхъ, — улыбнулась Вероника. — Къ тому же я свободная художница, мое имя имъ извѣстно. . . творчество безпартийно, и поэтому мой визитъ туда дѣло совсѣмъ несложное!

— Но я ни въ коемъ случаѣ не хотѣлъ вваливать на ваши плечи эту непріятную обузу, чтобы не сказать хуже.

— Я это съ удовольствіемъ сдѣлаю для вашего брата, — просто сказала Вероника.

Князь Олегъ почувствовалъ легкій уколъ. Ему почему то показались непріятны слова Вероники, выразившія ея готовность принести какую то жертву князю Сергѣю. Сейчас же и не откладывая ему хотѣлось узнать какія чувства были у Вероники къ его брату, и какую роль онъ игралъ въ ея жизни. Съ присущей его натурѣ несдержанностью и пылкостью, такъ отличавшими его отъ уравновѣшенной выдержки его старшаго брата, онъ сразу подошелъ къ вопросу, неожиданно задѣвшему его.

— Вы давно видѣли моего брата? — спросилъ онъ, пристально глядя на Веронику.

— Третьяго дня. Онъ провелъ у меня цѣлый вечеръ; я такъ далека была отъ мысли, что съ нимъ можетъ случиться что-нибудь скверное... Я очень, очень огорчена! Еще сегодня мы говорили о немъ съ генераломъ Орловымъ, и онъ просилъ передать ему предостереженіе.

— Генераль Орловъ здѣсь? Я буду радъ свидѣться съ нимъ.

— Онъ долженъ бѣжать. Его могутъ арестовать со дня на день. Завтра онъ уѣзжаетъ.

— Что за вакханалія творится?! — Негодующе пожалъ плечами князь Олегъ. — Я и не подозрѣвалъ, что у Сергѣя есть такая, озаренная лучами славы, заступница, — послѣ минувшаго молчанія проговорилъ онъ, ища возможности возобновить разговоръ о братѣ.

— Князь Сергѣй относится къ лучамъ моей славы очень безразлично, — разсмѣялась Вероника. — Такъ же какъ и я сама, — добавила она, улыбаясь тонкой, слегка насмѣшливой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ, разрѣшите мнѣ и за него и за васъ самихъ воздать должное вашему исключительному таланту; я его громадный поклонникъ.

— Благодарю васъ, князь. Я это очень цѣню, но вы не можете себя представить, какъ я въ этомъ смыслѣ скромна и какъ мало чувствую свой ореолъ. Творчество свое я обожаю и благоговѣю передъ нимъ, но славы не чувствую...

Ее нѣтъ для того, кто творить. Слава существуетъ для толпы, которая приклеиваетъ ее какъ ярлыкъ къ имени творящаго. Самъ же творецъ, если онъ истинный творецъ и художникъ, всегда чувствуетъ себя въ тѣни, не отождествляя своей личности съ произведеніемъ своего творчества.

— Этого я не могу понять. Когда - то я мечталъ быть великимъ полководцемъ, и еслибы мои юношескія мечты сбылись, то, я увѣренъ, что чувствовалъ бы вокругъ своего лба сіяніе, — совершенно серьезно проговорилъ князь Олегъ.

— Вамъ это только такъ кажется. Чѣмъ больше проникаешь въглубь жизненной сущности, тѣмъ больше понимаешь ея ничтожество!.. *Vanitée des vanitées, tout est vanitée . . .* *)

— Странная жанщина! — подумалъ про себя Суровъ. — Чувствуется, что въ ней кипитъ жизнь и въ то же время отъ нея вѣетъ удивительнымъ спокойствіемъ. Братъ ни разу даже не упоминалъ мнѣ о ней. Случайно или намѣренно? — Вы давно знаете брата? — спросилъ онъ, чувствуя въ то же время нѣкоторую некорректность въ рядѣ задаваемыхъ имъ вопросовъ.

— Мы познакомились съ нимъ годъ тому назадъ случайно въ поѣздѣ.

— Я видѣлся съ нимъ лѣтомъ на Румынскомъ фронтѣ, и онъ не похвастался мнѣ этой лестной встрѣчей, зная, что я большой поклонникъ вашей кисти.

— И я видѣлась съ княземъ Сергѣемъ въ Румыніи: мы встрѣтились съ нимъ въ Яссахъ за обѣденнымъ столомъ гостепріимнаго командующаго Румынскимъ фронтомъ — Дмитрія Григорьевича Щербачова.

Князю Олегу очень интересно было установить, было ли, тогда или послѣ свиданія съ нимъ, но онъ не нашелъ удобной формы для вопроса и замолчалъ.

Вероника замѣтила его взглядъ въ сторону полотна на мольбертѣ:

*) суета суеть, всячѣская суета.

— Это только эскиз задуманной большой картины.

— За три года безвыѣзднаго пребыванія на фронтѣ, я ото всего отсталъ и не знаю, что новаго вышло изъ подъ вашей кисти.

— Кое что я могу показать вамъ. Пріѣзжайте ко мнѣ днемъ.

— Я буду очень счастливъ, — склоняя голову произнесъ князь Олегъ. Онъ слегка потянулся впередъ и поднялъ упавшій на коверъ у ногъ Вероники ея тонкій, обшитый кружевами носовой платокъ, пахнувшій духами, — странными, настойчивыми и незабываемыми. Онъ задержалъ его на секунду въ рукѣ: .

— Какіе у васъ прекрасные духи.

— Я ихъ такъ давно употребляю, что иногда не слышу ихъ.

— Но я ихъ не забуду, — выразительно произнесъ князь Олегъ.

Вероника почувствовала легкое смущеніе. Она подняла глаза, встрѣтилась съ его взглядомъ и смутилась еще больше. Въ его глазахъ, съ, настойчивымъ сильнымъ взглядомъ она прочла властное желаніе сказать ей то, чего она ни за что не хотѣла услышать теперь, когда все въ ней было спокойно, гармонично и свободно отъ всякаго волненія. Она молчала, сидя съ опущенными на колѣняхъ руками и слегка склоненной изящной головой.

— Модель для скульптора... „*méditation*“... сколько граціи въ изгибахъ линій... какая притягательность во всемъ существѣ... — думалъ въ это время князь Олегъ.

— Непремѣнно выпытаю у Сергѣя... — мелькнула у него быстрая, какъ молнія, мысль, которую онъ сейчасъ же отогналъ; всякая малѣйшая неискренность въ вопросѣ о женщинѣ глубоко претила цѣльному джентельменству его сильной натуры. Будучи очень друженъ съ братомъ, онъ, однако, никогда не дѣлился даже съ нимъ своими сердечными переживаніями.

Онъ поднялся съ кресла и взялъ фуражку.

— Итакъ, завтра утромъ я буду съ письмомъ у Максимова и вернувшись позвоню вамъ, князь.

Вероника протянула ему руку. Суровъ склонилъ голову и осторожно дотронулся губами до протянутыхъ ему, пахнувшихъ настойчивыми и странными духами, пальцевъ художницы.

Когда онъ вышелъ изъ ея кабинета, въ которомъ при его уходѣ заколывавшееся пламя свѣчи потревожило длинныя на стѣнахъ и потолокѣ тѣни и, дрогнувъ и скользя по всей фигурѣ художницы и по ея измѣнчивому лицу, придало ей что то фантастично - картинное, — онъ понялъ, что съ нимъ произошло нѣчто неожиданное и большое.

III.

Прошло три дня, Княгиня Сурова, съ больными ногами, закутанными толстымъ плюшевымъ пледомъ, сидѣла въ глубокомъ креслѣ подлѣ окна и на двухъ длинныхъ деревянныхъ счицахъ вязала свѣтло-сѣрый шерстяной платокъ, чтобы послать его къ новому году кузинѣ въ Тульскую губернію. Большой пушистый клубокъ шерсти, которой въ магазинахъ уже достать было нельзя и запасы которой почти истощились въ нижнемъ ящикѣ просторнаго многовмѣщавшаго шифоньера княгини, — далеко откатился по пестрому ковру въ другой конецъ комнаты. На столикѣ подлѣ кресла стояла небольшая фарфоровая ваза императорскаго завода, тонко расписанная медальонами яркихъ цвѣтовъ съ золотыми разводами, съ пушистой вѣткой бѣлой сирени и туберозами, принесенными для матери княземъ Олегомъ. Тутъ же лежалъ футляръ отъ очковъ, черный лакированный японскій ящичекъ съ картами, англійская книга и аптечка съ гомеопатическими лекарствами. Черезъ днѣ комнаты слабо доносился голосъ князя Олега, переговаривавшагося

съ кѣмъ-то по телефону. Не слушая словъ прислушиваясь лишь къ звуку голоса любимого сына, княгиня испытывала чувство еще не утихшаго волненія отъ неожиданной громадной радости свиданія съ сыномъ, три года отсутствовавшего на фронтѣ. Эта радость была сильно омрачена внезапнымъ арестомъ старшаго сына. Обладая громадной выдержкой и силой воли, княгиня не выдавала внутренней тревоги, хотя въ душѣ очень беспокоилась за его участь.

Опустивъ на колѣни длинныя спицы и сложивъ на нихъ теплыя, пухлыя старческія руки, украшенныя лишь однимъ кольцомъ съ крупнымъ, оправленнымъ въ эмалевую оправу, фамилінымъ брилліантомъ, она въ грустномъ раздумьи смотрѣла въ окно, за которымъ, кружась и мелькая летѣли большія хлопья густого снѣга.

Вышедшая изъ семьи именитыхъ польскихъ магнатовъ, утопавшая съ колыбели въ роскоши, всегда окруженная почетомъ, избалованная жизнью и людьми, княгиня, не смотря на свой преклонный возрастъ, съ гордостью и стойкостью сильной души переживала обрушивающіеся на страну и ея домъ испытанія. Уже наполовину раззоренное войной состояніе, грозило полнымъ раззореніемъ; если большевистское правительство, захвативши въ свои руки власть, не будетъ смѣщено. Княгиня это предвидѣла и въ душѣ готовила себя ко всему худшему. Когда была возможность, послѣ февральскаго переворота, бѣжать за границу, она отклонила ее, не желая въ годину смуть и испытаній бросать Россію. Теперь ее заботило будущее сыновей. Она не предвидѣла во что можетъ вылиться, при существующей ломкѣ всего строя, будущее для старшаго — Сергѣя, честолюбиваго, замкнутаго и болѣзненно-самолюбиваго. Для Олега, съ болѣе широкой и живой натурой, оно казалось легче. Очевидно, что карьера военная, въ которой онъ не по лѣтамъ достигъ высокихъ степеней, благодаря войнѣ и испытанной храбрости, — была сломана, но мать надѣялась, что переживъ острый моментъ разочарованія и

обида, князь Олегъ найдетъ дорогу къ новому жизненному пути. Кромѣ того она предвидѣла, что для младшаго сына вѣрующаго, какъ и она сама — пережить удары судьбы будетъ легче, чѣмъ для князя Сергѣя, абсолютно лишеннаго потребности къ молитвѣ и всякаго исканія въ потустороннемъ мірѣ.

Глубоко задумавшись, княгиня неподвижно сидѣла въ креслѣ, повернувъ къ окну голову, красиво обрамленную сѣдыми пышными волосами. Породистый прямой носъ, темныя брови и выразительный властный подбородокъ съ двойной складкой, свѣжій не по лѣтамъ цвѣтъ лица и умные сѣро-стальные глаза, то холодные и надмѣнные, какъ у младшаго сына — Олега, то внезапно — ласковые, дѣлали лицо княгини величавымъ и значительнымъ. Въ немъ было много схожаго съ портретами Екатерины II.

Какъ мелькавшія за окномъ пушинки снѣга, мелькали иплыли мысли въ сѣдой величавой головѣ неподвижно повернутой къ окну. Кто-то шагнулъ изъ сосѣдней комнаты и распахнулъ тяжелыя портьеры. Княгиня обернулась и ахнула: князь Сергѣй нагнулся, быстрымъ движеніемъ поднялъ закатившійся къ самому порогу клубокъ шерсти и, радостно улыбаясь, оттолкнувъ попавшійся на дорогѣ золоченый стуликъ, стремительно подошелъ къ матери и припалъ къ ея рукамъ:

— Вотъ и я, мама... выпустили!..

— Сережа, ... дитя мое... *Quel bonheur!**) Какой у тебя усталый и измятый видъ!..

Князь Сергѣй разсмѣялся.

— Я изъ тюгмы, мама. Почти не спалъ и почти не ѣлъ.

— Позвони скорѣе: вели приготовить себѣ ванну и завтракъ... пусть сейчасъ подадутъ кофе... ты уже видѣлъ Олега?

— Никого не видѣлъ. Почему-то входная дверь оказалась открыта...

*) Какое счастье.

— Олегъ... Олегъ... — позвала княгиня, — иди сюда поскорѣе!..

Лицо княгини преобразилось: радостная улыбка сгнала складки съ высокаго чистаго лба, и надмѣнная линия рта смягчилась.

Князь Олегъ, увидя брата, бросился къ нему и молча, съ горячимъ чувствомъ обнялъ его.

— Какъ я счастливъ, какъ я глубоко счастливъ, милый Еремка, что ты освобожденъ. Однако, они тебя тамъ потрепали! У тебя прескверный видъ. Ты очень разбитъ?

— Да, очень. Я хочу ѣсть, вымыться...

— И выспаться на хорошей постелѣ, — подсказалъ князь Олегъ.

— Да, но этого сдѣлать я не успѣю, такъ какъ благоразуміе требуетъ, чтобы сегодня же я выѣхалъ изъ Петрограда. Я увѣренъ, что они меня могутъ арестовать вторично.

— Ты правъ, Сергѣй. Самое лучшее тебѣ уѣхать, — подтвердилъ братъ.

— Поѣзжай къ нашимъ въ Тулу; какъ разъ попадешь на праздники. Они будутъ очень рады. Но успѣешь ли съ билетами? Говорятъ, что на Николаевскомъ вокзалѣ творится нѣчто невѣроятное, — озабоченно проговорила княгиня.

— Все это мнѣ устроить нашъ курьеръ изъ министерства; сейчасъ надо его вызвать сюда.

— Олегъ, напои его скорѣе кофеемъ и распорядись о ваннѣ и чтобы завтракъ подали раньше... впрочемъ лучше я это сдѣлаю сама. Передай мнѣ, дружокъ, палку. — Княгиня отбросила съ ногъ пледъ и сняла съ табуретки опухшія ноги. Опираясь на палку и тяжело ступая въ бархатныхъ, опущенныхъ мѣхомъ мягкихъ ботинкахъ, она вышла въ столовую.

— Я уѣду сегодня съ вечернимъ поѣздомъ, чего бы это ни стоило, — обратился къ брату князь Сергѣй. — Очень прошу тебя, мой милый, снаряди маму и увози ее отсюда.

Я увѣренъ, что большевики насъ будутъ беспокоить и что маминъ преклонный возрастъ нисколько ее не гарантируетъ отъ возможности ареста. Аресты дамъ уже начались:

— Но вѣдь на желѣзныхъ дорогахъ творится нѣчто кошмарное! Какъ мама поѣдетъ?

— Ну, этимъ маму не запугаешь. Коли надо, она со своими больными ногами окажется проворнѣе молодыхъ... А я таки усталъ! Главное, не выспался. Арестованныхъ полная тюрьма. Спали не только на койкахъ, но прямо на полу. У меня болятъ бока, и голова какъ послѣ пьянства... Какъ это все глупо, и какъ мнѣ жаль, что я долженъ сегодня уѣзжать! Опять не успѣю вдоволь поговорить съ тобой. А есть о чемъ... Дай мнѣ папиросу.

Князь Сергѣй съ удовольствіемъ затянулся дымомъ и опустилсѣ въ кресло. Онъ устало закрылъ глаза, откинувъ голову на спинку кресла.

— Что ты думаешь, Сергѣй, обо всей этой большевистской исторіи? — Спросилъ князь Олегъ.

— Думаю, que ça tougne au vinaigre и что они утвердились не на три и четыре мѣсяца, какъ думали многіе. Если имъ дали удержаться вотъ уже почти два мѣсяца, значить они сильнѣе насъ и могутъ продержаться и гораздо дольше.

— Я положительно не представляю себѣ куда мы идемъ, что будетъ?! —

— Пока, очевидно, летимъ въ пропасть,—пожалъ плечами князь Сергѣй и открылъ глаза.

— Что же дѣлать?

— Летѣтъ въ пропасть, — улыбнулся князь Сергѣй.

— Ah non, pour ce non, merci para! — Энергично мотнулъ головой князь Олегъ. — А ты знаешь, кто способствовалъ твоему скорому освобожденію изъ тюрьмы? — Спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не знаю... а кто?

— Художница Компіони.

— Да что ты?! Какимъ образомъ?

— Она же вчера вечеромъ сообщила мнѣ по телефону, что тебя скоро освободятъ, — закончилъ свой подробный рассказъ о хлопотахъ Вероники князь Олегъ.

— Никакъ не ожидалъ помощи съ этой стороны, то есть, не зналъ, что она возможна. Очень тронуть. Къ сожалѣнію, я никакъ не успѣю заѣхать поблагодарить ее. Ты свезешь къ ней отъ меня завтра письмо? И вырази ей на словахъ мою безграничную благодарность.

Князь Олегъ началъ въ душѣ испытывать облегченіе: Если братъ могъ уѣхать не повидавъ ее, значитъ онъ былъ свободенъ отъ всякаго къ ней чувства. А она? Этотъ вопросъ оставался открытымъ.

— Ты познакомился съ ней?

— Разумѣется. Я у нея былъ. . . Я же тебѣ только что объ этомъ подробно рассказывалъ.

— Ахъ да, да. . . У меня такая тяжелая голова, что я плохо соображаю.

Князь Олегъ еще разъ облегченно вздохнулъ: если братъ могъ не обращать вниманія на его знакомство съ нею, значитъ, его это мало интересовало, — заключилъ онъ.

— Какъ ты ее нашелъ?

— Очень интересна. Не такая, какъ всѣ. Я и не подозревалъ, что ты знакомъ съ нею. Ты ни разу даже не упомянулъ о ней.

— Не пришлось къ слову, да и времени для этого мало было, — зѣвая проговорилъ князь Сергѣй.

— Надо бы позвонить къ ней и сообщить о твоёмъ освобожденіи.

— Сдѣлай милость — позвони: мнѣ не слѣдуетъ говорить по телефону. Поблаговари ее отъ моего имени и скажи, что передашь ей мою письменную благодарность. Я пойду пить кофе, возьму ванну, уложу чемоданъ и приготовлю кое какія порученія, которыя передамъ тебѣ.

Мнѣ очень жаль, что я такъ мало повидалъ тебя; если бы ни это, то я уѣзжалъ бы съ большимъ удовольствіемъ: здѣсь начинается завариваться довольно грязная каша.

— Какъ бы она не перебросилась и дальше?

— Это вполне возможно, но, какъ бы то ни было, историческаго фундамента большевизмъ имѣть не можетъ: въ немъ нѣтъ жизненной основы, это опытъ, который, разумѣется, потерпитъ полное *fiasco*, и за который Россія заплатитъ очень дорого.

Къ вечеру все было готово къ отъѣзду князя Сергѣя. Несмотря на невѣроятныя затрудненія, за очень большія деньги билетъ достать все-таки удалось. Заручившись согласіемъ матери возможно скорѣе пріѣхать вслѣдъ за нимъ въ Тулу, князь Сергѣй, сопровождаемый братомъ, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ. Давка начиналась уже на площади. Съ большимъ трудомъ удалось пробраться сквозь сплошную толпу черни и солдатъ въ общій залъ, гдѣ царилъ настоящій хаосъ. Въ воздухѣ висѣлъ гулъ несмолкаемыхъ криковъ и ругани. Не было возможности пробраться вдвоемъ не только къ дверямъ платформы, но даже, стоя на мѣстѣ, оставаться рядомъ. Толпа, какъ бурный потокъ съ противоположными теченіями, напирала со всѣхъ сторонъ и неудержимо влекла за собой. Не слыша словъ, братья наскоро распрощались, предвидя, что будутъ оттерты другъ отъ друга. Едва князь Сергѣй началъ проталкиваться, чтобы пробраться къ дверямъ платформы, какъ толпа, давя, понесла его, перебрасывая то вправо, то влево. Съ невѣроятными усиліями удалось выбраться на платформу, гдѣ царилъ еще большій хаосъ. Толпа неистовствовала. Несмотря на рядъ вооруженной передъ поѣздомъ милиціи, стремившейся отгѣснить разнузданныя толпы солдатъ, осаждавшихъ поѣздъ, они стремительно напирала со всѣхъ сторонъ, какъ саранча облѣпляли вагоны, влезали черезъ отверстія тутъ же раебиваемыхъ оконъ, висли

на буферахъ и карабкались на крыши вагоновъ, гдѣ полулежали и сидѣли сплошной черной массой.

Князь Сергѣй рѣшилъ, чего бы это ему ни стило, пасть въ поѣздъ. Съ ловкостью кошки, осыпaeмый грубой отборной руганью и пинками, съ рискомъ потерять свой ручной багажъ и порвать пальто, онъ вскарабкался на ступени вагонной площадки и, перекинувъ чемоданчикъ черезъ головы сбившихся въ густую кучу солдатъ, началъ продираться впередъ. Его толкали и душили со всѣхъ сторонъ. Потъ струился по лбу изъ подъ сдвинутой назадъ барашковой шапки. Однако, когда поѣздъ среди гула, ругани, угрозъ и чьихъ то неистовыхъ криковъ, медленно двинулся впередъ, ему удалось продвинуться еще на нѣсколько шаговъ. Только черезъ двѣ станціи, шагъ за шагомъ, онъ добрался до купэ, гдѣ, въ числѣ шестнадцати пассажировъ, кое какъ втиснувъ свой чемоданъ, сѣлъ на него и, при свѣтѣ тускло горѣвшей въ фонарѣ свѣчи, неловко уютивъ куда-то вбокъ ноги, притиснутый сзади и съ боковъ, измученный предыдущими бессонными ночами въ тюрьмѣ, ошеломленный и вспаренный неистовой борьбой изъ-за мѣста, онъ склонилъ голову на руги, облокоченныя о колѣни и заснулъ въ неловкой и утомительной позѣ. Ему снилось, что въ какомъ то засѣданіи онъ говорить рѣчь и что окружавшая его толпа тѣснить и мѣшаетъ ему жестикулировать. Несмотря на невѣроятныя усилія, онъ не можетъ шевельнуть рукой, и это мѣшаетъ его краснорѣчію. Онъ рванулся, желая освободить руку и проснулся: вагонъ сильно встряхнуло, толкнувъ взадъ и впередъ.

Онъ хотѣлъ встать, но ноги затекли. . . Мутное сѣрое раннее утро смотрѣло сквозь полуразбитое окно купэ, гдѣ истомленные, сбитые въ кучу пассажиры, въ неестественно-неловкихъ позахъ, дремали съ блѣдными истомленными лицами.

Быль канунъ новаго 1918 года. Петроградъ былъ погруженъ во тьму. На далекомъ одинъ отъ другого разстоянїи изрѣдка одинокій фонарь освѣщаль занесенныя громадными сугробами снѣга, нерасчищенные, пустынные улицы. Трамваи не ходили. Электричество, несмотря на десятый часъ вечера, подано не было. Изъ рѣдкихъ оконъ слабо мигаль желтоватый свѣтъ керосиновой лампы. Поднявшаяся къ вечеру мятель все усиливалась. Ледяной вѣтеръ съ Невы налеталъ на рѣдкихъ, боязливо оглядывавшихся прохожихъ, заметалъ подъ ихъ ногами снѣгъ, больно рѣзалъ лицо и, кружась и свистя, наваливалъ все выше и выше снѣжные сугробы вдоль прямыхъ широкихъ улицъ еще недавно пышнаго, оживленнаго, суетливаго, блестящаго массой огней, города.

Грабежи и даже убійства, едва начинало темнѣть, держали всѣхъ жителей по домамъ.

Вероника въ десять часовъ вечера вышла изъ своего дома и на секунду остановилась, стараясь преодолѣть жуткое чувство при видѣ темной и пустой улицы. Свѣтъ одинокаго фонаря, занесеннаго инеемъ, далеко на углу мерцалъ слабымъ лучистымъ кругомъ на холодномъ фонѣ снѣжной пелены. На всемъ протяженіи улицы не было видно ни души. Ей сразу припомнились всѣ недавно слышанные рассказы о грабежахъ, снятыхъ шубахъ, платьяхъ и даже ботинкахъ. . . Однако, жуткое чувство уступило любопытству къ новизнѣ впечатлѣнїя: была какая-то скрытая красота въ мертвомъ покоѣ занесеннаго сугробами города. Надъ крышей противоположнаго дома, высоко въ морозномъ воздухѣ вырѣзался тонкій острый серпъ луны.

Поднявъ мѣховой воротникъ, запрятавъ руки въ муфту, Вероника съ трудомъ шагала посреди улицы, гдѣ было менѣе скользко, чѣмъ на заледенѣлыхъ панелхъ. Ей казалось, что одна изъ сказокъ далекаго дѣтства, рассказываемая старой нянькой въ разогрѣтой крошечной каморкѣ,

всегда пропитанной запахомъ кофе и лампаднаго масла, проникла въ жизнь или жизнь вплелась въ сказку о заколдованомъ царствѣ, и она — Вероника — идетъ одна среди мертваго города, гдѣ все заснуло, гдѣ жизнь замерла по мановенію волшебнаго жезла злой колдуньи. Какъ искры заледенѣлаго снѣга, игравшаго алмазами подъ лучами одиноко мерцавшаго фонаря, заискрились и зажглись блески ея воображенія.

Внезапно налетѣвшій порывъ вѣтра распахнулъ полы шубки и, сквозь тонкое шелковое платье, прохватилъ острымъ холодомъ. Завернувъ за уголъ и выйдя на широкій проспектъ, она ускорила шаги, такъ какъ порывы вѣтра становились сильнѣе, и одинокіе темные силуэты рѣдкихъ прохожихъ внушали опасеніе. Только на полу - пути попался пустой, ѣхавшій медленнымъ шагомъ, весь заиндѣвѣвшій извозчикъ. Несмотря на высокую плату, Вероника поспѣшила нанять его.

Она остановила извозчика у воротъ невысокаго дома, поднялась по слабо освѣщенной лѣстницѣ и позвонила у дверей верхняго этажа. Въ маленькой узкой передней было тѣсно отъ шубъ, сваленныхъ въ кучу на стулѣ, такъ какъ для нихъ не было больше мѣста на маленькой деревянной вѣшалкѣ, втиснутой между зеркаломъ и дверью. Изъ раскрытыхъ въ сосѣднюю комнату дверей раздавались громкіе знакомые голоса и смѣхъ.

На порогѣ ее встрѣтила Вѣра Илларионовна.

— Боже мой, какъ вы нарядны, моя милая. Впрочемъ, это очень хорошо. Вы остаетесь вѣрны селѣ и закрываете глаза на событія. Я только что хотѣла звонить вамъ. Мы безпокоились, что васъ долго нѣтъ: скоро одиннадцать.

На встрѣчу вошедшей Вероникѣ поднялись, сидѣвшіе въ креслахъ и на большомъ турецкомъ диванѣ, гости. Изъ смежной комнаты вышелъ Михайловскій.

Онъ казался въ невысокихъ небольшихъ комнатахъ громаднымъ съ широкими, какъ у атлета, плечами и силь-

но развитыми мускулами рукъ и ногъ. Послѣ болѣзни онъ слегка осунулся и на вискахъ стала замѣтной сѣдина свѣтлыхъ рѣдѣющихъ волосъ.

Ступая тяжелой походкой, Михайловскій подошелъ къ Вероникѣ и, цѣлуя ея руку, неодобрительно покачалъ головой:

— Развѣ можно въ жемчугахъ и такомъ туалетѣ выходить теперь изъ дому?! Вы сильно рискуете, Вероника Антоновна. Вчера на Сергіевской въ шесть часовъ вечера у двухъ дамъ сняли шубки, ботинки, конечно отняли мѣшечки съ деньгами и сорвали у одной изъ нихъ нитку жемчуга. Она увѣряла, что онъ фальшивый, но грабители не повѣрили и все - таки взяли.

— Я не хочу встрѣчать этотъ новый годъ иначе, чѣмъ предыдущіе.

— А мы всѣ одѣлись въ темное, — здороваясь съ Вероникой и отстраняя отъ ея лица струю выпущеннаго изъ рта папироснаго дыма, замѣтила Марья Апполоновна, прерывая разговоръ съ мало знакомымъ ей господиномъ — графомъ Языковымъ, котораго она осторожно прощупывала, взвѣшивая, какъ и въ чемъ онъ можетъ быть ей полезенъ.

Вероника, поздоровавшись съ присутствовавшими въ комнатѣ, отозвала въ сторону Вѣру Илларионовну:

Я оставила въ передней то, что полагалось на мою долю.

— Великолѣпно! «Мени» ужина получается роскошное. Марія Апполоновна раздобыла черезъ кого - то великолѣпнаго стараго вина, Языковъ привезъ свѣжей икры, Глинковъ — шампанское досталъ, баронъ Гельмъ съ сестрой прислали утромъ индѣйку. . . Однимъ словомъ столъ будетъ роскошный, но только, повторяю, эта затѣя «на паяхъ» не совсѣмъ намъ пріятна. Николай Николаевичъ даже ворчалъ сегодня. Пойдемте я вамъ покажу столъ.

Въ небольшой продолговатой столовой стоялъ нарядно убранный, съ цвѣтами въ высокихъ фужерахъ, длинный

столъ, заставленный закусками, холодными блюдами и винами.

— Каковъ столъ! — радостно по дѣтски всплеснула руками Вероника. — По теперешнему времени это небывалая роскошь! Я очень рада. Надо отбросить настоящее и повеселиться какъ въ былое время. Что вы на это скажете, Николай Николаевичъ?

— Ахъ, трудно это, очень трудно! — Задумчиво потирая всегда горячія, сильныя руки съ короткими пухлыми пальцами, отвѣтилъ вошедшій вслѣдъ за ними въ столовую хозяинъ дома. — Если бы мнѣ не пришла счастливая мысль жениться на Вѣрочкѣ, увѣряю васъ, я уже давно пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ.

— Николенька, оставь эти мрачныя разговоры, — просительнымъ тономъ произнесла Вѣра Илларионовна, озабоченно переставлявшая на столѣ икру на мѣсто балыка, а балыкъ отставляя на уголъ. — Надо хоть на нѣсколько часовъ стряхнуть съ себя всѣ эти мысли.

— Хорошо, кто можетъ... думаю, что такихъ теперь нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?! А вотъ я, — отозвалась художница.

— Я гораздо больше думаю о чемъ то радостномъ и хорошемъ, чѣмъ о томъ, о чемъ вы всѣ думаете и надъ чѣмъ сокрушаетесь.

— Ну, вы особая статья, — съ тонкой, слегка насмѣшливой улыбкой проговорилъ Михайловскій. — Вы парите въ облакахъ, въ творческихъ фантазіяхъ, а мы живемъ на землѣ и очень остро реагируемъ на всю эту мерзость, отъ которой гибнетъ страна.

— Николинька, ты вѣдь обѣщалъ не говорить о политикѣ. Что за охота разстраивать себя?! Ночи не спишь, нервы еще не окрѣпли, а только и дѣлаешь, что думаешь и говоришь о томъ, что тебя волнуетъ, — съ сокрушеніемъ вздохнула Вѣра Илларионовна.

— Конечно, довольно о политикѣ. А гдѣ же баронъ Гельмъ и Анэта?

— Они встрѣтятъ новый годъ дома въ десять часовъ, уложить свою старушку спать и пріѣдутъ сюда послѣ одиннадцати, — отозвался Михайловскій. — И баронъ и Анна Федоровна получаютъ непріятный сюрпризъ, встрѣтивъ здѣсь Марію Апполоновну. Они оба очень ее не жалуютъ, да и я не весьма симпатизирую ей. Въ ней много скрытаго нахальства. Она увѣряетъ Вѣрочку, что полна къ ней самой преданной дружбы, а я не вѣрю. Мы совсѣмъ не имѣли въ виду приглашать ее сегодня: случайно она какъ-то узнала и назвалась, — слегка понизивъ голосъ, чтобы не услышали изъ сосѣдней комнаты, рассказывалъ Михайловскій Вероникѣ.

— Ей нуженъ зачѣмъ - то Языковъ; я это сейчасъ же поняла, — разставляя передъ каждымъ приборомъ хрустальные бокалы, шопотомъ пояснила Вѣра Илларионовна. — Она узнала, что онъ встрѣчаетъ новый годъ у насъ и рѣшила не упустить удобнаго случая для своихъ эксплуататорскихъ цѣлей. Что - жъ, у каждого барона своя фантазія.

— Ну, что касается ея фантазій, то онѣ не очень - то баронскаго колорита. А что, Вѣрочка, вѣдь уже одиннадцать часовъ; ты поставила шампанское въ ледъ?

— Давнымъ давно. Какъ странно теперь звучитъ слово шампанское! Мы такъ отвыкли отъ этихъ вкусныхъ словъ. Ну - съ, у меня тутъ все готово, — съ улыбкой заботливой хозяйки, удовлетворенной своими приготовлениями, проговорила Михайловская, оглядывая нарядный столъ.

— За окнами мятель, грабежи, безчинства и большевики, а у насъ тепло, хорошій ужинъ и милое общество. Пойдемте къ гостямъ. Ахъ, да! А гаданье?! Давайте гадать.

Вскорѣ всѣ гости собрались вокругъ стола, на которомъ стояла фаянсовая миска, наполненная до половины водой и облѣпленная продолговатыми билетиками съ надписями. Въ скорлупѣ отъ грецкаго орѣха плавала зажженная половинка елочной свѣчи, ярко освѣщая всю

вмѣстимость миски съ слегка колеблющейся переливающейся яркими бликами чистой водой.

— Съ кого же начнемъ? — Спросилъ Михайловскій, опуская въ воду серебряную ложку и шевеля ею, чтобы заставить плыть скорлупку со свѣчей.

— Начнемъ съ васъ же — заявила Марія Анполоновна, съ лицомъ, похорошевшимъ отъ видимаго возмужденія, дымя и затягиваясь папиросой, придвигаясь ближе къ столу и безпрестанно взглядывая на Языкова, сидѣвшаго подлѣ нея на томъ же диванѣ.

— Извольте... я согласенъ. Ну - съ, кажется остановилась моя судьба?... Нѣтъ, двигается дальше... ну вотъ теперь можно. Вѣрочка, читай, что меня ждетъ въ новомъ году. — Продолжая стоять, шурясь сквозь *pinse-nez* въ золотой оправѣ и улыбаясь, сказалъ Михайловскій.

Вѣра Илларионовна взяла билетикъ, подлѣ котораго остановилась скорлупа орѣха, покачивающаяся на замутившейся яркой поверхности воды: «Идите смѣло впередъ — счастье подлѣ васъ», — прочла она и весело взглянула въ глаза мужу:

— Вотъ видишь, Николенька!

— Браво, браво! Конечно, счастье подлѣ васъ, — кладу руку вокругъ тяжеловѣсной талии Михайловскаго, произнесъ Григорій Вячеславовичъ Глинковъ, сверхъ обыкновенія настроенный въ этотъ вечеръ довольно благодушно. Со времени большевистскаго переворота онъ находился въ неизмѣнно подавленномъ душевномъ состояніи. Обладая свѣтлымъ, точнымъ и наблюдательнымъ умомъ, онъ сразу учелъ всѣ катастрофическія послѣдствія большевистскаго переворота. Онъ любилъ Россію широкой и ясной любовью гражданина, посвятившаго всю свою дѣятельность на пользу ея. Его умъ опытнаго государственнаго дѣятеля прозрѣвалъ перспективы темнаго хаоса и упадка страны, которые еще не для всѣхъ были ясны. Его скорбь была скорбью честнаго гражданина, потерявшаго родину, для блага которой онъ работалъ. Теперь, выброшенный за

бортъ, онъ тосковалъ, сидя безъ дѣла, безъ срочныхъ государственныхъ обязанностей, за которыми еще недавно стремительно мелькали дни. Онъ похудѣлъ, слегка осунулся, и глаза его бывали красны отъ втайнѣ проливаемыхъ слезъ.

— Боже мой, Боже мой, что они дѣлають съ Россіей! — хватался онъ часто за голову, тоскливо шагая изъ угла въ уголъ въ своемъ одинокомъ кабинетѣ.

— Вы баловень судьбы, мой милый, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Михайловскому. — Какую чудную жену послала она вамъ! Заботливую, энергичную, умную и добрую... Эхъ, жаль, что я не перехватилъ ее у васъ! Только не пошла бы она за меня — стараго вдовца. Что вы скажете, Вѣра Илларионовна?

— Противъ судьбы не пойдешь, Григорій Вячеславовичъ.

— Это правда! — Глинка въ поималъ руку Михайловской и поцѣловалъ ее. — Славный вы человекъ; тепло съ вами, — съ чувствомъ проговорилъ онъ. Вѣра Илларионовна задержала въ своей рукѣ его руку и, о чемъ то задумавшись, отсутствующимъ взглядомъ смотрѣла на плавающую зажженную свѣчку. Она была очень интересна и представительна въ гладкомъ, обтягивавшемъ фигуру темно-сѣромъ суконномъ платьѣ, съ батистовымъ, отороченномъ кружевами, бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ и большимъ овальнымъ золотымъ медальономъ, украшеннымъ брилліантами на пышной груди, который она носила не снимая и въ которомъ былъ заключенъ портретъ ея мужа.

— Вѣрочка, о чемъ ты задумалась? Читай для Григорія Вячеславовича, — обозвалъ ее мужъ, дотрагиваясь до плеча.

— Дайте я самъ прочту. Ну-ка, что у меня тамъ будетъ?! — надѣвая на носъ рипсе-пез и вываливая въ то же время изъ бокового кармана записную книжку, улыбаясь добродушно-лукавой улыбкой, говорилъ Глин-

ковъ. — «Вашимъ показнымъ добродѣтелямъ никто не вѣрить. Вы холодно развратны и циничны. Въ ближайшемъ будущемъ это откроется».

Раздался взрывъ дружнаго хохота.

— Постойте, постойте, господа, — прервалъ Глишковъ смѣхъ, протягивая впередъ руку. — Хотя почти всѣ присутствующіе давно и хорошо знакомы со мной, однако, никто, я увѣренъ, интимныхъ сторонъ моего я — не знаетъ. А можетъ быть гаданье вѣрнѣе, чѣмъ всѣ предполагаютъ?! — подъ длинными опущенными внизъ усами мелькнула лукавая и тонкая улыбка.

— Н - да... это вполне возможно... — выпуская клубокъ дыма, вызывающе произнесла Грачева.

— Ну вотъ видите, Марія Апполоновна начинаетъ уже соглашаться. Посмотримъ, что вамъ выйдетъ теперь. Ну-ка я самъ поворожу и хорошенько воду помѣшаю.

Мэри привстала. Въ одной рукѣ держа папироску, другую положивъ на бедро, она склонилась надъ чашкой. Медленно крутясь и останавливаясь, приближалась намокшая скорлупка къ борту миски. Колеблясь она остановилась и опять закачалась. Михайловскій хотѣлъ подуть, но Грачева быстрымъ движеніемъ положила ему на ротъ бѣлую, большую, лишенную всякихъ украшеній руку:

— Не смѣйте, Николай Николаевичъ... Нельзя... Я что то задумала.

— Я знаю, что вы задумали! — Михайловскій стоялъ съ заложенными за спину руками, разставивъ грузныя ноги, слегка покачиваясь на нихъ, насмѣшливо смотрѣлъ въ лицо Грачевой.

— Ничего вы не знаете.

— Увѣряю васъ, что знаю. Хотите скажу?

— Скажите. Это интересно.

— Вы загадали, какіе гешефты оборудуетъ въ этомъ году вашъ cavalier-servant господинъ Кацманъ.

Марія Апполоновна сдвинула брови:

— Изъ какихъ источниковъ вы выудили, что Кацманъ мой cavalier-servant?

— Ну, можетъ быть я и ошибся, а только мнѣ показалось, что вы очень его жалуете.

— Вы его одинъ разъ только и видѣли у меня.

— Довольно и разу. . . А, вотъ гдѣ остановилась ваша судьба! Разрѣшите мнѣ прочесть?..

— Нѣтъ, нѣтъ. . . я вамъ не довѣряю. Пусть Влади-
миръ Платоновичъ прочтетъ. Она протянула Языкову би-
летикъ.

— „L'avenir, l'avenir, l'avenir est a moi“, — прочелъ Языковъ съ легкимъ пафосомъ.

У Грачевой блеснули глаза:

— Дайте мнѣ этотъ билетикъ я его спрячу.

— „Non, l'avenir n'est à personne, sire, l'avenir est a Dieu“, на секунду задерживая билатикъ, съ тѣмъ же пафосомъ продекламировалъ Языковъ и, смѣясь протянулъ ей гаданье. Смѣхъ его былъ короткій, неожиданный и какъ будто дѣланный. Небольшого роста, худощавый, несмотря на тридцать пять лѣтъ похожій на юнца, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ рѣдѣющими свѣтлыми волосами, зачесанными съ боку на бокъ и прикрывающими преждевременно-обозначающуюся лысину, очень мало разговорчивый, но умѣющий говорить складно и умно, потомокъ старинныхъ Екатерининскихъ вельможъ, извѣстный своимъ именемъ и большимъ состояніемъ, Языковъ производилъ неопредѣленное впечатлѣніе и своей наружностью и корректно-сдержанной, не выдающей своего внутренняго «я» манерой держать себя.

— А теперь нельзя ли мнѣ погадать? — откладывая въ сторону альбомъ и подходя къ группѣ вокругъ стола, произнесъ маленькаго роста, сухой съ выдавшимся упрямымъ подбородкомъ и большимъ мясистымъ носомъ, отставной генералъ Силовъ, такъ схожій со своимъ близкимъ родственникомъ, извѣстнымъ всей Россіи полководцемъ и стратегомъ, что на улицахъ ихъ часто путали.

— «Не довѣряйте женщинѣ, съ которой вы недавно встрѣтились: она коварна и измѣнчива, но другомъ быть вамъ можетъ», прочелъ Михайловскій.

— Вероника Антоновна, да это не въ бровь а въ глазъ, — яркимъ голосомъ воскликнулъ генераль Силовъ, вскидывая глаза на стоявшую по другую сторону стола Веронику.

— Ну конечно, — разсмѣялась художница, — я и есть эта коварная женщина.

Изъ передней раздался дребезжащій звонокъ всякаго звонка, такъ какъ электрическіе звонки во всемъ городѣ не дѣйствовали. Черезъ нѣсколько минутъ въ гостинную входила Анэта Рязанцева въ сопровожденіи своего младшаго брата барона Николая Федоровича Гельма. Въ гладкой черной юбкѣ и такой же шелковой блузкѣ, съ похудѣвшимъ, еще болѣе удлинившимся лицомъ, на которомъ темныя, раскидистыя, слегка припоятыя брови придавали выраженіе вопросительности, Рязанцева производила впечатлѣніе прямой негнущейся строгой фигуры. Она недавно сняла трауръ по мужѣ, который внезапно умеръ на фронтѣ отъ сыпного тифа.

Ея братъ, схожій съ ней въ общихъ чертахъ, былъ почти некрасивъ, но капризная оригинальность и подвижность блѣднаго, слегка напудренного, лица, изломъ бровей, немного скошенная не то желчная, не то капризная линія рта, дѣлали его замѣтнымъ и интереснымъ. Онъ былъ одѣтъ съ тщательностью избалованнаго въ своихъ привычкахъ человѣка.

— Ну и погода! Поднялась вьюга, на улицахъ тьма, извозчикъ хотѣлъ содрать двадцать рублей, пришлось пѣшкомъ идти... Свободная страна свободныхъ гражданъ! — ворчливымъ голосомъ говорилъ Гельмъ, здороваясь съ присутствовавшими. — Марія Апполоновна, какъ я радъ васъ видѣть, — преувеличенно сладкимъ тономъ произнесъ онъ, цѣлуя протянутую ему Грачевой руку. — А

я думалъ, что идеи большевизма такъ поглотили васъ, что вы уже брезгуете нашимъ старорежимнымъ обществомъ.

— Вы точно сговорились съ Николай Николаевичемъ говорить мнѣ сегодня какой-то вздоръ, — недовольно пожала плечами Мэри.

— Развѣ вы не большевичка? — съ дѣланнымъ изумленіемъ продолжалъ Гельмъ. — Вы всегда такъ любили, подражать модѣ, что я думалъ...

— Ничего вы не думали, а просто у васъ злой языкъ.

— Господи, какъ вы кусаетесь, Марія Апполоновна, кто это васъ научилъ? Конечно большевики. Раньше вы были добрее...

— Я стану на защиту большевизма, — отозвался генералъ Силовъ, совершенно суживая маленькіе остро-глядящіе глаза и выдвигая движеніемъ челюсти и безъ того выдавшійся подбородокъ, что придавало его лицу выраженіе официальной строгости. — Долженъ вамъ сказать, что я его сторонникъ.

— Какъ, вы сторонникъ большевизма, генералъ? Нѣтъ, что хотите, я не могу этому повѣрить: вы шутите!

— Нѣтъ - съ, не шучу. Я самъ большевикъ и нахожу, что идея эта прекрасна. Если въ корнѣ она будетъ проведена въ нашу жизнь, то принесетъ оздоровленіе и очищеніе отъ прогнившихъ въ странѣ элементовъ. Да - съ, это мое искреннее убѣжденіе. И пожалуйста не подумайте, что я собираюсь служить у большевиковъ, или имѣть отъ нихъ какія нибудь выгоды! Ничего подобнаго! Я самъ сейчасъ выброшенъ ими за бортъ, а все таки теоретически согласенъ съ ними.

— Вотъ они практически произведутъ надъ вами нѣсколько своихъ большевистскихъ манипуляцій, тогда, генералъ, вы будете иного мнѣнія, — криво усмѣхнулся Гельмъ.

— Да что вы думаете, я мальчишка, что ли! Частные случаи не могутъ видоизмѣнить убѣжденій всей моей жизни. Мало ли производится сейчасъ грабежей и наси-

лій, — это только отклоненія, обычная муть въ взбаломученномъ морѣ.

— Ну что вы толкуете, Борисъ Николаевичъ! Вѣдь просто уши вянуть слушать! — досадливо подымаясь съ мѣста и ероша небрежно причесанные рѣдѣющіе волосы, воскликнулъ Глинковъ. — Идея ничего общаго съ большевистскимъ движеніемъ не имѣетъ. Идея прицѣплена для черной, тупой и безсознательной массы, чтобы загнѣпить ихъ безъ того слѣпые мозги.. Россію ведутъ съ опредѣленной цѣлью къ гибели и развалу, развращая народъ преступными лозунгами и декретами, а вы толкуете о какой то чистой идеѣ. Что общаго можетъ имѣть хотя бы ученіе социалистической идеи, которая въ свою очередь ничто иное, какъ утопія фанатическихъ фантазеровъ, съ лозунгомъ, выброшеннымъ на дняхъ въ черныя массы: «грабь награбленное». Развѣ это не потакательство воровству и грабежамъ?! Я всегда утверждалъ, что либерализмъ нашего класса, основанный на романтизмѣ и какой-то барской фанаберіи, та опасная искра, которая подожжетъ основы государственности и зажжетъ всеразрушающій пожаръ. Такъ и, случилось.

— Нѣтъ-съ извините, Григорій Вячеславовичъ, не либерализмъ, а мы и наше правительство тормозили прогрессъ; мы виноваты въ томъ, что нашъ народъ дикъ и теменъ.

— Все это заученныя и неосновательно повторяемые слова, — съ нарастающимъ раздраженіемъ, почти гнѣвомъ перебилъ Глинковъ. — Отлично все это знаю и тысячу разъ слышелъ. Народу нашему темному и дикому нельзя было давать свободъ, о которыхъ вопили либералы и мальчишки студенты, натравливаемые злонамѣренными агентами еврейской партіи. Надо было двигаться шагъ за шагомъ и двигались...

— Позвольте, позвольте, о какихъ движеніяхъ...

— Прошу васъ пожаловать къ столу. Безъ четверти двѣнадцать. — Вѣра Илларионовна взяла Глинкова подъ

руку, желая прекратить разговоръ на острую, сильно волнующую его тему.

Всѣ двинулись въ столовую, гдѣ два бронзовыхъ, зауженныхъ восемью свѣчами, канделябра яркимъ, теплымъ и живымъ свѣтомъ озаряли небольшую темнаго дуба столовую, съ нарядно убраннымъ продолговатымъ столомъ.

— Ахъ, какъ чудесно съ этимъ освѣщеніемъ! — низкимъ, какъ у мушины, голосомъ воскликнула Рязанцева, входящая подъ руку съ хозяиномъ дома.

— Я всегда находилъ, что свѣчи въ большомъ количествѣ я пріятнѣе и наряднѣе электричества, — согласился Михайловскій.

Глинковъ, сѣвшій подлѣ Вероники, при видѣ графинчиковъ съ водкой и мадерой — уже большой рѣдкостью — сразу стряхнулъ съ себя раздраженіе, вызванное споромъ съ Силовымъ и, что то нашептывая ей на ухо, добродушно и лукаво улыбался. Силовъ сѣлъ по другую сторону художницы. Большой гастрономъ, всю жизнь привыкшій вкусно и много ѣсть, щедрый хлѣбосоль, для котораго было крайней необходимостью имѣть лучшаго повара и лучшіе продукты, умѣвшій и самъ готовить особенныя избранныя блюда, онъ съ удовольствіемъ, потирая руки, перебѣгалъ взглядомъ съ одного блюда на другое, предвкушая давно не испытанное наслажденіе хорошо и сытно поужинать.

Марья Апполоновна имѣла своимъ сосѣдомъ графа Языкова, которому сама указала на стулъ рядомъ съ собой. Языковъ поспѣшно воспользовался ея приглашеніемъ, при чемъ въ свѣтской манерѣ этой поспѣшности трудно было различить насколько это ему пріятно или безразлично.

Вѣбра Илларионовна, съ несбѣгающей съ лица привѣтливой улыбкой, съ отраженіемъ во взглядѣ того большого счастья, сознаніе котораго переполняло ея существо съ тѣхъ поръ, какъ судьба наконецъ дала ей то, чего она

больше всего просила у нея — тихое, скромное и уютное гнёздо, — то и дѣло взглядывала то на мужа, то на большіе круглые стѣнные часы.

— Николинька, безъ пяти двѣнадцать, — вполголоса обозвала она мужа, указывая глазами на приготовленные на буфетѣ бутылки съ шампанскимъ.

Михайловскій началъ обходить столъ, наполняя высокіе, узкіе бокалы.

— Ну развѣ не весело сегодня?! Сознайтесь, Григорій Вячеславовичъ, что очень хорошо и весело, — съ переливающимся въ глазахъ огонькомъ воскликнула Вероника и, съ бокаломъ въ рукѣ, съ играющей на губахъ улыбкой, поднялась со своего мѣста:

— Сейчасъ ударить первый бой часовъ, и тяжелый 1917-й годъ соскользнетъ въ бездонную пропасть. Я пользуюсь послѣдней минутой его жизни, чтобы призвать его: сѣдую голову въ свидѣтели того, что я сейчасъ скажу: господа, какія бы ужасныя и злыя сѣмена ни бросилъ бы онъ, какіе бы всходы ни дали эти сѣмена, все равно они не погубятъ того, что живетъ въ нашихъ сердцахъ — вѣры въ Россію, вѣры, что она очистится, воскреснетъ, что на пеплѣ ея тяжкихъ испытаній возродится фениксъ!.. — Въ звукахъ голоса Вероники дрожали увѣренныя, пророческія нотки.

— Вѣрно, голубушка, вѣрно, — отозвался Силонъ, съ чувствомъ цѣлуя руку художницы.

Раздался первый медленный глуховатый бой часовъ. — Господа, позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ, — поднялся Глинковъ. Рука, въ которой онъ держалъ наполненный до краевъ бокалъ, замѣтно дрожала. Легкая судорога подергивала углы рта. Небрежно засунутая угломъ за воротникъ салфетка соскользнула и упала на полъ. — Хотя въ только что сказанныхъ словахъ нашей талантливой художницы звучитъ много убѣжденной вѣры, однако, я, испытанный жизнью, не разъ обманутый ею, старикъ, хорошо знаю, что чудесъ не бываетъ и что существуетъ

историческая логика событий. Я предвижу, что на Россію надвигается нѣчто грозное и небывалое. Пусть каждый изъ насъ, оставшись наединѣ съ собой, положить руку на сердце и спросить себя: на комъ вина? Кто толкалъ Россію въ эту пропасть всяческими способами?

Съ одной стороны пустой, безъ научной подготовки либерализмъ, съ другой стороны полное незнаніе психологіи своего же народа, несъорганизованность когда грянулъ громъ, отсутствіе гражданскаго мужества, эгоизмъ и неустойчивость принциповъ — вотъ что сгубило Россію и сгубить ее до конца, если мы останемся все тѣ-же. Туда на Донъ медленно стекаются вѣрные сыны опозоренной чести Россіи. Если сердце ихъ чисто и если въ нихъ горитъ единая самоотверженная любовь къ родинѣ, то они спасутъ Россію; если же темныя силы окажутся сильнѣе, и воѣ мы падемъ подъ молотомъ исторической наковальни, то умирая, найдемъ въ себѣ достаточно мужества сознать, что мы сами виновники этой страшной катастрофы. — У Глинкова сорвался голосъ, онъ хотѣлъ еще что то сказать, махнулъ безнадежно рукой и сѣлъ.

На нѣсколько секундъ воцарилось молчаніе, Каждый изъ присутствовавшихъ чувствовалъ, что съ наступленіемъ новаго 1918-го года перелистнулась страница, быть можетъ, новыхъ грозныхъ событий въ Россіи.

За окнами, кружась и взметая съ крышъ снѣгъ, бушевала метель, заноса глубокими, все нарастающими сугробами пустыя улицы, большого, какъ будто мертваго города, потонувшаго въ жуткую тьму.

V.

Вероника три дня напрасно поджидала обѣщаннаго визита Глинкова, съ которымъ была въ большой дружбѣ. Не имѣя возможности снестись по телефону, выключенному по распоряженію новой власти и безпокаясь о со-

стояніи здоровья подавленнаго духомъ пріятеля, она рѣшила, пользуясь яркимъ морознымъ февральскимъ днемъ, навѣстить его сама.

При послѣднемъ свиданіи, онъ высказывалъ тревожное опасеніе за единственнаго нѣжно любимаго сына, находившагося въ тотъ моментъ въ Кіевѣ, гдѣ, по глухо дошедшимъ свѣдѣніямъ, происходили массовые аресты и убійства офицеровъ большевиками, захватившими въ свои руки власть, послѣ упорнаго боя въ самомъ городѣ.

Войдя за рѣшетку громаднаго, занимавшаго цѣлый кварталъ, дома, художница прошла по безконечному двору, заваленному въ человѣческій ростъ сугробами невывозимаго за городъ снѣга и расчищеннаго узкими дорожками къ многочисленнымъ подъѣздамъ, расположеннымъ во дворѣ же. Аккуратно разгороженные желѣзной рѣшеткой скверы противъ главной линіи дома, массивные подъѣзды и балконы по всѣмъ этажамъ придавали громадному каменному зданію видъ жилища, выстроеннаго по образцу Европейской культуры.

Поднявшись по широкой каменной лѣстницѣ, лишенной эту зиму ковра, какъ и всѣ парадныя лѣстницы, Вероника позвонила у двери. Сейчасъ же она открылась: передъ ней стояла шевѣстка Глинкова, небольшая брюнетка южнаго типа. Лицо ея было заплакано, и черные, всегда игравшіе задорными искорками, глаза были красны и вспухли отъ слезъ.

— Что случилось? — испуганно спросила Вероника. Въ то же мгновеніе въ дверяхъ изъ гостинной показался Глинковъ. Онъ былъ неузнаваемъ: всклокоченные волосы, осунувшееся, блѣдное, сразу состарившееся лицо, красные воспаленные глаза, судорожно подергивавшійся подбородокъ — свидѣтельствовали о томъ, что въ домѣ случилось большое несчастье.

Вероника бросилась къ нему:

— Да что же случилось?

— Воля... убить... — глухо произнесъ Глинковъ съ жестомъ отчаянія и вышелъ изъ передней.

— Господи... какой ужасъ!..—Вероника продолжала стоять въ шубкѣ, растерянно глядя на беззвучно рыдавшую молодую женщину. — Гдѣ? Когда?

— Въ Кіевѣ... убить большевиками на улицѣ... вчера привезли письмо... сейчасъ панихида будетъ...

— Когда это случилось?

— Двѣ недѣли тому назадъ... Не знаютъ найдено ли тѣло и какъ убить...

— Кто вамъ письмо прислалъ? Можетъ быть это только предположеніе?

— Нѣтъ... Это вѣрно... — Глинкова осушала слезы намокшимъ, въ комочекъ скомканнымъ батистовымъ платкомъ. — Сообщаетъ знакомый, узнавшій о несчастіи со словъ очевидца, который видѣлъ Волю, упавшаго замертво подъ градомъ пуль. Больше онъ ничего не знаетъ, такъ какъ бѣжалъ, самъ спасаясь отъ погони.

Вероника вошла въ гостинную, гдѣ сидѣли и стояли друзья и близкіе знакомые Глинкова, узнавшіе о постигшемъ его несчастіи. Рядомъ въ кабинетѣ, въ углу подлѣ окна былъ приготовленъ для панихиды маленькій круглый столикъ, покрытый салфеткой. На немъ стояла большая въ серебряномъ окладѣ икона Божіей Матери, и теплилась въ низкомъ подсвѣчникѣ толстая восковая свѣча. Позади столика на этажеркѣ стоялъ въ рамѣ большой портретъ убитаго сына, еще совсѣмъ молодого человѣка въ штатскомъ платьи, очень похожаго на своего отца.

Глинковъ, съ поникшей головой, весь измятый, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ на блѣдномъ осунувшемся лицѣ, съ очевидными слѣдами безсонной, проведенной въ слезахъ, ночи, безучастно сидѣлъ въ большомъ кожаномъ креслѣ. Сгорбленная фигура, сплетенные пальцы рукъ, безпорядочный видъ костюма и мутный взглядъ — говорили о неутихшей скорби. Подлѣ него на диванѣ сидѣла съ изнуреннымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ пожилая дама. По-

ложивъ сухую, какъ воскъ блѣдную, руку на плечо Глинкова, тяжело вздыхая, она вполголоса, тихо успокаивала его:

— Милый мой... не вы одни. Посмотрите вокругъ сколько, сколько слезъ льется по всей несчастной Россіи! Сколько культурныхъ и благомыслящихъ, юныхъ и престарѣлыхъ гибнетъ сейчасъ подъ ихъ грознымъ кулакомъ... За что они разстрѣляли моего несчастнаго Виктора Михайловича, — старика, честнаго, благороднаго, всю жизнь стоявшаго горой за ихъ же интересы...

— Лучше бы меня, старика, убили... моя жизнь кончена... А Воля. — молодой, энергичный, умница!,.. За что?! Пошелъ на войну добровольцемъ... Что они дѣлаютъ, Господи, что они дѣлаютъ!! — Глинковъ схватился за голову и разрыдался долгимъ судорожнымъ рыданьемъ. — Посмотрите, — продолжалъ онъ справившись съ собой, — среди собравшихся здѣсь друзей сколько уже пострадавшихъ!! Неужели на этихъ слезахъ и столахъ отчаянія невинно погибшихъ и страдающихъ людей можетъ быть заложенъ фундаментъ новаго счастливаго строительства для Россіи?! Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю... Господь справедливъ, и кара ихъ постигнетъ.

— Батюшка припелъ... — сообщилъ кто-то, стоявшій въ дверяхъ гостинной.

Глинковъ направился въ переднюю.

Черные, тихіе силуэты монашекъ прошли изъ передней черезъ гостинную въ кабинетъ. Старикъ священникъ, со строгимъ и печальнымъ лицомъ, потирая озябшія руки, прошелъ рядомъ съ Глинковымъ. Вслѣдъ за ними всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ и продвинулись къ дверямъ кабинета. Роздали и зажгли темныя восковыя свѣчки...

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... — раздался тихій, дрожавшій отъ внутренняго волненія, голосъ священника, знавшаго сына Глинкова. — Аминь... — стройно, тихо и скорбно отвѣтилъ хоръ.

Съ понурыми головами, покорные судьбѣ, готовые ко всему, ко всѣмъ ужасамъ и звѣрствамъ, тѣсно сплоченные общей скорбью въ эту грозную годину, стояли печальные, въ черныхъ, простыхъ платьяхъ, съ блѣдными лицами люди и со слезами и тихимъ плачемъ молились за упокой души убитаго сына Глинкова и убитыхъ, погибшихъ въ тюрьмахъ, неизвѣстно куда исчезнувшихъ своихъ близкихъ родныхъ и друзей.

Вероника Компіани, удерживая слезы, съ наклоненной головой, стояла въ углу подлѣ двери въ кабинетъ. Зажженная, коричневаго воска, тонкая свѣча чуть замѣтно дрожала въ ея рукѣ. Ей хотѣлось плакать долгими обильными слезами. Въ стройномъ скорбномъ и тихомъ, какъ шелестъ вѣтра, налѣвѣ хора монашекъ, въ прочувственномъ, полномъ глубокой грусти, голосѣ старика священника, въ понурыхъ блѣдныхъ лицахъ молящихся, съ медленно скатывавшимися слезами, въ мерцаѣніи огня темныхъ восковыхъ свѣчей, въ синихъ клубахъ ладана, медленно расплывавшагося по комнатѣ, въ трагической фигурѣ рыдавшаго отца — было что то переполнявшее душу безысходной тоской. Эти, все чаще и чаще повторявшіяся, панихиды по «убіеннымъ», эта скорбь въ остановившихся, полныхъ молчаливаго отчаянія, глазахъ женъ, матерей и отцовъ, начинали покрывать какъ бы чернымъ флеромъ жизнь страны.

Кто то осторожными шагами прошелъ черезъ комнату, остановился за спиной Вероники, тихо кашлянулъ и взялъ на подносикѣ, поданную ему монашкой, свѣчу. Вероника перестала молиться. Ей казалось, что тотъ, кто стоялъ за ея спиной, смотритъ на нее и хочетъ, чтобы она обернулась. Отвлеченная на минуту отъ молитвы, она вскорѣ опять сосредоточилась и опять боролась съ желаніемъ плакать, когда раздался печальный скробный напѣвъ «Вѣчная Память».

Поднявшись съ колѣнъ и собираясь пройти въ кабинетъ, она оглянулась: подлѣ нея стоялъ князь Олегъ Суворовъ. Вероника удивленно посмотрѣла на него;

— Вы здѣсь? Какими судьбами? — вполголоса спросила она протягивая ему руку.

— Вчера вернулся изъ Тулы. Въ дорогѣ узналъ отъ бѣжавшаго изъ Кіева знакомаго офицера о трагической смерти Глинкова, съ которымъ мы были больше году вмѣстѣ на фронтѣ и очень сошлись съ нимъ. Я пріѣхалъ сообщить несчастному отцу подробности о его смерти и привезъ письмо изъ Кіева, переданное мнѣ этимъ же офицеромъ. Неожиданно я попалъ на панихиду, — говорилъ Олегъ, смотря на Веронику. Взглядъ этихъ большихъ кругловатыхъ глазъ можно было бы назвать дерзкимъ, если бы онъ не смягчался выраженіемъ горделиваго благородства.

— Какъ вы довели въ Тулу вашу мать? Гдѣ вашъ братъ?

— Маму я довелъ благополучно, хотя два чемодана у насъ своровали солдаты, что называется, изъ подъ носа и ѣхать было кошмарно-тяжело. Братъ на дняхъ уѣзжаетъ изъ Тулы на Черноморское побережье.

— Это онъ хорошо придумалъ. Ему лучше быть теперь въ тѣни и въ глуши. Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Это большой рискъ съ вашимъ именемъ и генеральскимъ чиномъ.

— Надо урегулировать кое какія дѣла... а кромѣ того меня тянуло сюда...

— Вы рискуете, князь...

— Я не боюсь рисковъ, Вероника Антоновна. Я привыкъ у жизни требовать, а не просить, а въ теперешній моментъ тѣмъ болѣе...

Разговоръ былъ прерванъ, такъ какъ почти всѣ, ходившіе къ Глинкову, чтобы попрощаться, отошли восторону.

— Представьте меня отцу убитого, вѣдь я его не знаю,
— входя съ Вероникой въ кабинетъ, проговорилъ Суровъ.

Глинковъ стоялъ подлѣ плакавшей невѣстки, проводя дрожащей отъ волненія рукой по ея волосамъ.

— ... Будемъ вмѣстѣ дѣлить наше горе, Катюша...
оба мы теперь сироты съ тобой остались...

Увидѣвъ подходившую къ нему Веронику съ незнакомымъ чеолвѣкомъ, онъ снялъ руку съ головы невѣстки и сдѣлалъ шагъ къ нимъ навстрѣчу.

— Милый Григорій Вячеславовичъ, это пріятель вашего покойнаго сына — князь Олегъ Суровъ.

— Счастливъ... дорогой мой... счастливъ!... вотъ видите... панихида... мой Воля убитъ солдатами... и ничего больше не знаю... можетъ быть брошенъ, не погребенъ... и нѣтъ у меня утѣшенія поѣхать похоронить...

— Я привезъ вамъ письмо и могу сообщить кое какія подробности.

— Ахъ, письмо... давайте сюда письмо... Катя, Катюша!... Письмо изъ Кіева, и вотъ милый князь кое что знаетъ о Воличкѣ... — У Глинкова опять судорожно задрожалъ подбородокъ, когда онъ, подойдя къ окну, сталъ распечатывать переданное ему княземъ письмо.

— ... Въ спину... навылеть двѣ пули... упалъ замертво... — воскликнулъ Глинковъ и, безсильно опустивъ руки и припавъ головой къ углу книжнаго шкафа, опять зарыдалъ тяжелымъ и беззвучнымъ рыданьемъ.

Вероника взяла обѣими руками его опущенную дрожащую руку и, не находя словъ, прижала ее къ груди. Князь Олегъ, сдвинувъ брови, съ морщиной, перерѣзавшей поперекъ лобъ, смотрѣлъ изподлобья на рыдавшаго старика. Въ его взглядѣ, сдѣлавшемся тяжелымъ, зажигались искры гнѣва и возмущенія противъ тѣхъ, кто сѣялъ по всей Россіи отчаянье и слезы.

Послушайте, милый другъ, вы совсѣмъ плохо выглядите. Я никакъ не ожидала, что вы настолько серьезно больны. Что у васъ?

— Воспаленіе нервныхъ волоконъ. Садитесь пожалуйста. — Асташевъ указалъ Грачевой на кресло, стоявшее подлѣ кушетки, на которой онъ полулежалъ, закутанный до пояса въ мѣховое одѣяло, съ забинтованной рукой и подложенными подъ голову шолковыми подушками. Несмотря на то, что былъ день, портьеры на окнахъ были тщательно задернуты. На столѣ горѣли двѣ свѣчи подѣ шелковыми розовато - алыми абажурчиками. Уютный кабинетъ, завѣшанный персидскими коврами и фамилными портретами, ни въ чемъ не измѣнилъ своего вида.

— У васъ тутъ по прежнему тепло и красиво. Какъ вижу, вы ни въ чемъ не измѣнили вашихъ привычекъ, — опускаясь въ кресло, подымая намокшую отъ сильнаго мороза вуалетку и громко сморкаясь, проговорила Марія Апполоновна, указывая глазами на задернутыя портьеры и зажженные свѣчи.

— Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, я не выношу дневного свѣта. Не могу переносить вида улицы, говорящей мнѣ о всемъ совершающемся за стѣнами дома.

— Да, событія необычайныя. . . — неопредѣленно произнесла Грачева, вглядываясь въ блѣдное, сильно похудѣвшее, интересное своей характерностью, гладко-выбритое лицо Асташева, на которомъ холодно-глядящіе глаза казались отъ худобы болѣе расширенными. Въ ихъ взглядѣ появилось что то новое, еще болѣе холодное, почти черствое и отчужденное. Квадратный сухой подбородокъ выдавался еще рѣзче и придавалъ вмѣстѣ съ тонкой, слегка опустившейся въ углахъ, линіей рта, выраженіе надмѣнной брезгливости.

— Вы очень похудѣли, Валерій Романовичъ и, должна вамъ сказать, стали еще болѣе интересны.

— Благодарю васъ за комплиментъ, — равнодушно, безъ тѣни улыбки, отвѣтилъ Асташовъ.

— Роговъ заѣзжалъ уже къ вамъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Онъ хотѣлъ быть въ два часа... Уже начало третьяго; впрочемъ его отличительная черта всегда и всюду опаздывать.

— Очень похвальное качество для дѣлового человѣка, — тѣмъ же холоднымъ тономъ замѣтилъ Асташовъ. — Между прочимъ, что это за типъ? Продуктъ революціонной эволюціи или нѣтъ?

— О, нѣтъ. Онъ служилъ до революціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, жаждалъ сдѣлать карьеру, ѣздилъ на поклонъ къ митрополитамъ и епископамъ, ярый монархистъ, а теперь...

— А теперь, — перебилъ Асташовъ, — вѣроятно прозрѣлъ; усматриваетъ въ большевизмѣ широкіе горизонты и приглядывается какимъ бы способомъ начать строить свою новую карьеру? .

— Этого я не думаю, — улыбнулась Мэри. Я его не исповѣдывала на эти темы; знаю лишь то, что онъ съ большою энергіей и на широкую ногу устраиваетъ свою комиссіонную лавку, скупая лишь цѣнные или старинныя вещи.

— Для этого надо имѣть при себѣ крупный капиталъ, т. е. быть съ большевиками въ «контактѣ»; выражаясь моднымъ языкомъ. Спекуляціей занимается?

— Не знаю, — пожала Мэри плечами, въ то же время удивляясь догадливости Асташова.

— Въ итогъ мнѣ безразлично, что представляетъ изъ себя вашъ protégé, такъ какъ мое знакомство съ нимъ, вѣроятно, ограничится продажей ему фарфора, да и то, если онъ дастъ за него хорошую цѣну.

— Я знаю, что онъ очень хочетъ купить вашъ фарфоръ. Если бы я знала раньше, что вы распродаете вещи, то давно направила бы его сюда. Я случайно узнала объ этомъ, такъ же какъ и о вашей болѣзни.

— Это указывает насколько вы интересуетесь вашими «старорежимными» знакомствами, — пожалъ Асташовъ плечами и слегка поморщился, ощутивъ боль въ забинтованной рукѣ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я цѣлый день мечусь, чтобы, *pardon pour l'expression*, не подохнуть съ голоду; какъ я занята. . .

— Можно узнать какими дѣлами? — сдерживая легкую брезгливую улыбку, перебилъ Асташовъ.

Мэри на секунду смутилась.

— А вотъ по одному изъ этихъ дѣлъ я, между прочимъ, хочу переговорить съ вами. Можно тутъ курить? — добавила она, доставая изъ кармана портсигаръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Вотъ спички. Извиняюсь, что не предложилъ вамъ раньше, но, мы такъ давно не видѣлись съ вами, что я забылъ, что вы курите. Такъ о какомъ дѣлѣ вы хотите переговорить? .

— Видите ли что, — закуривая папиросу и дѣловито перекидывая ногу на ногу, въ ботинкахъ американскаго покроя, съ низкими каблуками и широкими носками, заговорила Мэри, глядя мимо лица Асташова.

— Существуетъ компанія, организующая на широкихъ началахъ два дѣла: кафэ съ обѣдами и завтраками и кафэ съ пирожными, сладкими булочками и конфетами, съ читальней, легкой библіотекой и продажей книгъ.

— Вижу отсюда, — невозмутимымъ тономъ перебилъ Асташовъ, — Въ первомъ кафэ у васъ будутъ почетными посѣтителями награбившіе матросы и солдаты, а во второмъ кафэ вы будете имъ же сбывать большевистскія брошюры.

— Важно не то, кто у насъ будетъ бывать и что будутъ читать, а важно, чтобы у насъ были хорошіе барыши, и мы могли бы хоть кое какъ сводить концы съ концами. У меня нѣтъ ни вашего особняка, ни вашихъ брилліантовъ и фарфора, но я, какъ и вы, привыкла жить не по

свински и потому теперь приходится прибѣгать къ не совсѣмъ обычнымъ приемамъ, — въ тонѣ Асташову отвѣтила Грачева.

— Допустимъ, что на этомъ пунктѣ наши точки зрѣнія расходятся, но я васъ слушаю дальше.

— Для одного кафэ помѣщеніе найдено, для другого, которое со временемъ можно будетъ расширить, т. е. изъ читальни сдѣлать концертный залъ или залъ для лекцій, у насъ помѣщенія еще нѣтъ. Я имѣю въ виду два: вашъ особнякъ и еще одинъ. Вы должны понять, Валерій Романовичъ, что сколько бы вы ни задерживали вашихъ драпировокъ, новая жизнь все-таки ворвется къ вамъ и заставить васъ что-нибудь предпринять. Банки закрыты, сейфы конфискованы, границы всѣ закрыты, дома одинъ за другимъ реквизируются, выходятъ декреты о вселеніи пролетаріата въ обширныя помѣщенія. Я предлагаю вамъ очень удобный выходъ изъ крайне непріятнаго для всѣхъ положенія: такъ какъ во главѣ устроителей этого народнаго кафэ будетъ стоять вліятельный большевикъ, то вашъ домъ останется въ сохранности, и вы, войдя въ соглашеніе, охраните неприкосновенными свои нѣсколько комнатъ, въ которыхъ соберете цѣнную обстановку и вещи.

— Войти въ соглашеніе съ кѣмъ?

— Конечно, съ этимъ вліятельнымъ большевикомъ.

— Могу я узнать его имя?

— Семень Борисовичъ Кацманъ.

— А - а! Звучное имя! . . Вы его знаете лично?

— Конечно. Иначе я не могла бы участвовать въ такомъ серьезномъ дѣлѣ.

— Что-жъ это за типъ? — Ничѣмъ не выдавая своихъ мыслей, продолжалъ допрашивать Асташовъ.

— Очень дѣльный, неглупый, даже умный, конечно съ шероховатостями, но, au fond, обязательный человѣкъ, если умѣть къ нему подойти.

— То - есть?

— Ну, хотя бы, говоря съ нимъ, немного отрезвиться отъ нашей барской спѣси и говорить его языкомъ.

— А - а. . . Понимаю. — Выраженіе лица Астапова становилось все болѣе и болѣе черствымъ. Мэри за клубами выпускаемаго изо рта дыма, не замѣчала этого.

— Вы, конечно, попросите господина Кацмана явиться для переговоровъ ко мнѣ?

— Ну нѣтъ, я думаю, что это будетъ неудобно. Придется ужъ вамъ самому къ нему съѣздить. На дняхъ я была у него и, должна вамъ сказать, застала тамъ не мало публики и «старорежимной» . . . Вы не будете въ единственномъ числѣ, — разсмѣялась Мэри.

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь. А если я не поѣду къ господину Кацману?

— То въ домъ вашъ насажаютъ рабочихъ или солдатъ, загадятъ его, и васъ самихъ высадятъ. . .

Въ дверь кабинета осторожно постучались:

— Тамъ господинъ пріѣхали, — доложила жена бывшего швейцара, исполнявшая теперь должность дворника, швейцара и лакея, когда тотъ дежурилъ въ очередяхъ.

— Просите войти.

— Это, вѣроятно, Роговъ пріѣхалъ, — пояснила Мэри.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ Астапова входилъ Роговъ:

— Извиняюсь, что я опоздалъ. . . Меня сильно задержали, — цѣлуя у Грачевой руку и раскланиваясь съ Астаповымъ, громкимъ развязнымъ голосомъ произнесъ Роговъ, въ то же время быстрымъ взглядомъ карихъ выпуклыхъ, слегка на выкатъ, глазъ окидывая всю вмѣстимость кабинета.

— Вы всегда извиняетесь и всегда опаздываете; это у васъ хронически, — Грачева насмѣшливо пожала плечами.

Роговъ разразился срывающимся захлебывающимся смѣхомъ: .

— Ну вотъ! Вы и здѣсь хотите дискредитировать меня, Марія Апполоновна.

Асташовъ, не ожидая такого взрыва веселья по такому ничтожному поводу, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Рогова. Тотъ замѣтилъ этотъ мимолетный холодный взглядъ и, сразу оборвавъ смѣхъ, придавъ лицу дѣловитое, даже озабоченное выраженіе. Положивъ обѣ ладони на колѣни разставленныхъ ногъ, съ большой головой на короткой шеѣ, на которой у затылка обозначалась жировая складка, съ слегка измятой манишкой и небрежно надѣтымъ галстухомъ, Роговъ, рядомъ съ Асташовымъ, у котораго каждая малѣйшая подробность туалета была обдумана и щегольски проста, казался еще болѣе вульгарнымъ и по внѣшнему виду и по манерѣ держать себя.

— Я очень радъ, что дѣловой вопросъ далъ мнѣ возможно познакомиться съ вами, Валерій Романовичъ, — улыбаясь началъ онъ.

— Да, я рѣшилъ разстаться съ довольно цѣнными экземплярами моего фарфора, — официальнымъ тономъ перебилъ его Асташовъ. — У меня есть рѣдкій Севрскій сервизъ, есть нѣсколько дюжинъ тарелокъ и вазъ фабрики Feuille, великолѣпная ваза Саксонскаго фарфора.... Найдется еще кое-что. Долженъ предупредить васъ, что я дешево не отдамъ. Если хотите посмотреть, то прошу васъ въ комнату направо. Тамъ все приготовлено для осмотра. Къ сожалѣнію, я не могу послѣдовать за вами: — у меня забинтована нога.

— Ради Бога, не беспокойтесь, — съ предупредительнымъ жестомъ воскликнулъ Роговъ. Вмѣстѣ съ Маріей Апполоновной онъ прошелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ долго и внимательно, совѣтуясь съ Грачевой и выдавая свою неосвѣдомленность, осматривалъ фарфоръ.

Послѣ недолгихъ переговоровъ онъ его приобрѣлъ и, въ прекрасномъ настроеніи отъ удачной покупки, выбрасывая захлебывающіеся звуки отрывистаго смѣха, перемѣшаннаго со словами банальныхъ любезностей, отсчиталъ изъ туго набитаго бумажника крупную сумму и уѣхалъ,

прося Асташева увѣдомить его, если тому вѣдывается продавать картины, бронзу или серебро.

— Ну-съ, а какъ же вы рѣшили относительно сдачи вашего дома подъ кафѣ? — спросила Мэри, послѣ ухода Рогова.

— Къ господину Кацману я не поѣду и вообще не имѣю желанія входить съ нимъ въ какіе бы то ни было переговоры.

— Напрасно! — неодобрительно приподняла Мэри брови.

— Я указываю вамъ способъ, какъ сохранить въ приличномъ видѣ вашъ особнякъ, вмѣсто того, чтобы видѣть его заплеваннымъ, загаженнымъ и самому быть изъ него выселеннымъ.

— Я распродамъ все, что возможно и постараюсь какъ нибудь пробраться черезъ границу Финляндіи, а тамъ за моей спиной пусть дѣлаютъ съ домомъ что хотятъ.

— Черезъ границу Финляндіи пробраться сейчасъ очень трудно. Это я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Рискуете, распродавъ все, все таки остаться здѣсь безъ дома и безъ своихъ вещей.

— Я фаталистъ, Марія Апполоновна: чему быть — того не миновать.

— Вы фаталистъ и, кромѣ того, въ васъ слишкомъ много барской спѣси, совершенно непристалою для даннаго момента. Съ васъ не свалится ваша дворянская корона, которую къ тому же теперь и не признаютъ, если вы переговорите о серьезномъ дѣлѣ съ Кацманомъ. Положимъ, онъ еврей, которыхъ мы съ вами не очень то любимъ, но между ними есть очень порядочные люди.

— Безъ сомнѣнія, вполне съ вами согласенъ, доказательствомъ чего служить тотъ фактъ, что въ продолженіи десяти лѣтъ повѣренный по моимъ дѣламъ — еврей — честнѣйшій и чистѣйшій человѣкъ, котораго я очень люблю и уважаю; а все же съ господиномъ Кацманомъ я дѣла имѣть не желаю. Къ моему повѣренному и самъ

поѣду, если надо будетъ, а господина Кацмана — этого партійнаго работника, какъ они себя называютъ, разрушающаго основы нашей государственности, я на порогъ своего дома не пушу. А что онъ самъ въ него влѣзетъ и ограбить его — въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Знаете что, милый другъ: всѣ эти рѣчи звучатъ гордо и красиво, пока вы сидите покрытый мѣхами въ вашемъ, обтянутомъ коврами, кабинетѣ, но врядъ ли это будетъ звучать такъ же независимо, если вамъ прійдется, какъ сейчасъ приходится многимъ бывшимъ блестящимъ гвардейскимъ офицерамъ, за поденную плату расчищать на улицахъ снѣгъ или разгружать вагоны на товарныхъ станціяхъ.

— Чтожь, разгружалъ бы и молчалъ.

— Вы бы разгружали? ... — Мэри дѣланно расхохоталась.

— Воображаю васъ съ лопатой, разгребающимъ снѣгъ или съ тяжестью за спиной?!... Нѣтъ, мой другъ, *Ça — c'est plus fort que vous.* Вы — бѣлоручка... Если наше общество начинаетъ метаться и гибнуть, то именно въ силу непрактичности и неумѣнія приспособиться къ обстоятельствамъ...

Что вы такъ строго смотрите на меня? Что вы думаете, развѣ я не права?

— Я думаю, что вы слишкомъ мало брезгливы.

— Называйте это какъ хотите! Я хочу жить, а не влачить жалкое существованіе, дрожа надъ каждымъ грошемъ и питаюсь одной селедкой.

— Этакъ разсуждая, можно дойти и до брака съ матросами...

— Если этотъ, вновь изобрѣтенный, гражданскій бракъ можетъ числиться лишь на бумагѣ, — *pourquoi pas? Je m'en fiche!.* А когда матросъ мнѣ окажется больше ненуженъ, я ему укажу на дверь съ чернаго хода.

—Предварительно вымазавшись всей грязью его идей и поступковъ, которые руководятъ сейчасъ каждымъ ихъ шагомъ. Да, очень вы небрезгливы... А что вамъ заточенный другъ, вѣрнѣе, женихъ? — Спросилъ Асташовъ, имѣя намѣреніе подчеркнуть и напомнить Мэри ея недавнія стремленія совершенно противоположнаго характера, чѣмъ тѣ, которыя она преслѣдовала въ данное время.

— Вы говорите о Быстровѣ? — Его перевели въ Николаевскій госпиталь. Онъ неузнаваемо постарѣлъ, весь вылинялъ и имѣетъ очень жалкій видъ.

— Я никогда не былъ его поклонникомъ, открыто обвинялъ въ легкомысліи и игрѣ властью, но, какъ несчастнаго человѣка, я его теперь очень жалѣю.

Мэри промолчала, поднялась съ мѣста, затушила о пепельницѣ недокуренную папиросу и, подойдя къ зеркалу и внимательно разглядывая свое еще свѣжее и красивое лицо, стала натягивать вуалетку и поправлять волосы. Асташовъ, молча, строгимъ взглядомъ, въ которомъ сквозило пренебреженіе, смотрѣлъ на ея фигуру, хорошо сохранившуюся, гибкую, въ черномъ костюмѣ англійскаго покроя. Грачева въ зеркало поймала этотъ критикующій взглядъ. Она поспѣшила распрощаться съ Асташовымъ и уѣхала отъ него въ дурномъ настроеніи. Гдѣ то въ глубинѣ души она чувствовала превосходство инертности Асташова надъ своей энергіей, полной гибкой изобрѣтательности.

Прошло нѣкоторое время, и комнаты наряднаго особняка Асташова мало по малу начали обнажаться, теряя цѣнные предметы роскоши и старины, которые хозяинъ продавалъ заграничнымъ спекулянтамъ или отправлялъ въ комиссіонныя лавки. Онъ это дѣлалъ съ присущимъ ему невозмутимымъ хладнокровіемъ; никто не могъ отгадать его внутреннихъ переживаній при видѣ разоряющагося гнѣзда.

Оставались нетронутыми кабинетъ, столовая и спальня, которые онъ рѣшилъ ликвидировать послѣ бѣгства изъ Россіи, поручивъ это своему повѣренному.

Было ясное мартовское утро, не проникавшее въ кабинетъ Астапова, когда онъ, почти оправившійся отъ продолжительной болѣзни, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, проверяя счета, вписывая ихъ въ толстую книгу и приводя въ порядокъ дѣловые бумаги.

Аккуртано въ назначенный часъ въ кабинетъ вошелъ безъ доклада средняго роста блондинъ, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ слегка вьющихся волосъ, нѣжнымъ, почти дѣвичьимъ цвѣтомъ лица, чистымъ профилемъ и свѣтло-кариими, прямо и честно глядящими глазами. Въ его движеніяхъ, походкѣ и манерѣ говорить было много невозмутимаго наблюдательнаго спокойствія, которое Астаповъ очень цѣнилъ въ своемъ повѣренномъ какъ свойство, родственное ему самому.

— Очень радъ васъ видѣть, Михаилъ Борисовичъ. Садитесь. — Лицо Астапова, не теряя надмѣнно-сухого выраженія, озарилось слабой улыбкой, необыкновенно украсившей его. — У меня накопилось очень много всякихъ дѣлъ, и я позволю себѣ украсть у васъ времени часа на два.

— Я въ вашемъ распоряженіи, Валерій Романовичъ. Проходя черезъ вашъ опустѣвшій залъ я убѣдился, что рѣшеніе ваше неизмѣнно.

— Да, конечно. Я ликвидирую все, и чѣмъ мнѣ все это удастся сдѣлать скорѣе, тѣмъ лучше. Я узналъ, что черезъ границу Финляндіи мнѣ, кажется, удастся проскочить, но это можетъ произойти такъ стремительно, что я не успѣю переговорить съ вами, и потому будетъ лучше, если сегодня же я передамъ вамъ довѣренность на всѣ дѣла. Все, что остается неразграбленнымъ послѣ моего бѣгства въ этомъ домѣ, я попрошу васъ, Михаилъ Борисовичъ, распродать. Вотъ описъ оставшихся вещей, вотъ приблизительная оцѣнка, съ которой вы можете и не счи-

таться. Это бумаги по имѣнію... Прошу васъ, сядьте поближе.

Болѣе двухъ часовъ велась обстоятельная дѣловая бесѣда съ повѣреннымъ. Передавъ ему всѣ дѣла и бумаги, Асташовъ откинулся на высокую рѣзаную спинку кресла и съ облегченіемъ вздохнулъ:

— Теперь я чувствую себя свободной птицей. Достаточно я просидѣлъ здѣсь въ роли зрителя этой пустой трагедіи. Если и вернусь сюда, то, очевидно, нескоро. Единственно кого мнѣ жаль оставлять здѣсь, такъ это васъ, Михаилъ Борисовичъ. Долженъ вамъ сознаться, что я не представляю себѣ какъ вы, съ вашей неуклонной честностью и прямолинейностью, еврейскимъ происхожденіемъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ злвредному движенію новой власти, организованной изъ кучки ненавидящихъ Россію евреевъ, — какъ вы выплывете на благополучный берегъ? повторяю вамъ, я этого не вижу.

Повѣренный улыбнулся, слегка откинулъ назадъ голову и, потирая руки, спокойнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза Асташову:

— Вы знаете, Валерій Романовичъ, что я некорыстолюбивъ, а со смертью жены моей сдѣлался абсолютно равнодушенъ къ презрѣнному металлу. Требования мои и привычки очень скромны, а потому не сомнѣваюсь, что пропитать себя честнымъ заработкомъ, что бы тамъ ни творилось въ Россіи, я все таки съумѣю, не идя ни на какіе компромиссы съ совѣстью и политическими убѣжденіями.

Въ глазахъ честнаго еврея свѣтилась спокойная увѣренность.

— Въ этомъ я увѣренъ, мой милый Михаилъ Борисовичъ.

— Къ тому же надѣюсь, — продолжалъ повѣренный, — что все таки наша интеллигенція кликнетъ кличъ и направитъ смутное теченіе по другому руслу.

— Нѣтъ, вы заблуждаетесь. Ни, такъ называемая, буржуазія, ни интеллигенція не спасутъ разрушенія, потому что съ первыхъ же шаговъ большевистское правительство учинило травлю противъ нихъ. Оно не пощадило даже трудовой интеллигенціи. Грабятъ квартиры и имущества ученыхъ, профессоровъ, докторовъ, художниковъ, литераторовъ... Будетъ власть черни, и въ ней потонетъ культура страны. Это причина, по которой я безъ сожалѣнія покидаю Россію и считаю, что родины у меня больше нѣтъ. Повѣрьте мнѣ, къ тому же убѣжденію прійдетъ въ скоромъ времени и все культурное общество страны.

— Не буду спорить съ вами, Валерій Романовичъ, такъ какъ не разъ убѣждался, что вы, сидя съ задернутыми отъ свѣта драпировками, освѣщаете положеніе вещей вѣрнѣе, чѣмъ мы — бѣгающіе по улицамъ, освѣщеннымъ солнцемъ.

— Совѣтская власть, — продолжалъ Астаповъ, — твердить о томъ, что она повлечетъ за собой всю Европу и научить ее какъ надо жить, а я утверждаю, что слова Бисмарка сбудутся и что социалистическая идея, впущенная въ жизнь, да еще отданная въ руки темныхъ массъ, потерпитъ полное крушеніе и развалитъ и втопчетъ въ ничтожество Россію, пользовавшуюся еще недавно громаднымъ престижемъ въ глазахъ всей Европы. Какъ бы то ни было, мнѣ прійдется наблюдать разложеніе бывшей моей родины изъ окна Европы, а не въ ней самой....

Астаповъ, пожимая руку своему повѣренному, держалъ ее дольше чѣмъ обыкновенно въ своей рукѣ, и во взглядѣ его промелькнула какая то, несвойственная его выдержкѣ, тѣнь грусти.

VII.

— Какъ, это вы, Валерій Романовичъ? Я поражена! Что заставило васъ измѣнить тѣмъ и выглянуть на сол-

нечный свѣтъ? — спрашивала Вероника, откладывая всторону кисти и палитру и протягивая Асташову руку.

— Исключительно желаніе быть у васъ предъ отъѣздомъ, котораго я жду со дня на день. Вечеромъ я не могу выбраться къ вамъ, такъ какъ лошадей у меня больше нѣтъ, автомобиль отнять, пѣшкомъ же послѣ болѣзни я не могу много ходить. А вы, какъ всегда, въ мірѣ красокъ и фантазій? — Асташовъ скользнулъ взглядомъ по мольберту, гдѣ стояло начатое полотно и холодно усмѣхнулся: — у васъ еще не пропала охота работать въ этомъ бѣдламѣ?

— Я работаю все въ томъ же уютномъ кабинетѣ, а бѣдламъ за стѣнами дома.

— Для кого же вы теперь работаете?

— Для себя.

— Nonsense! Не будете же вы завѣшивать всѣ стѣны квартиры собственными произведеніями! А «имъ» они не нужны. Послушайтесь моего совѣта, бросайте здѣсь все и бѣгите отъ сумасшедшихъ къ нормальнымъ людямъ, то есть за границу. Съ трудомъ, но это возможно. Я научу васъ.

— Современемъ, быть можетъ, я и уѣду; если окажется не въ мою силу, а сейчасъ еще рано.

— То есть вамъ еще мало всѣхъ этихъ кликушествъ, беззаконія власти и грабительства?

— Я вѣрю, что это не надолго; вѣрю, что здоровые и честные элементы возьмутъ верхъ....

— Мечтанія!.. — Асташовъ пренебрежительно пожалъ плечами, обвелъ взглядомъ кабинетъ и остановилъ его на Вероникѣ, вытиравшей о тряпку намоченныя въ скипидарѣ кисти. — Я давно у васъ не былъ и очень радъ, что атмосфера вашего hom'a не измѣнилась, какъ и вы сами. Вы все также наружно, а внутренно?

— Конечно, иная.

— Тѣмъ интереснѣе... — продолжая внимательно глядѣть на стоявшую къ нему вполоборота художницу, протянулъ Асташовъ. — Знаете что: прїѣзжайте въ Парижъ. Я зову васъ туда и общаю вамъ многое, болѣе острое и красивое, чѣмъ комната кризантемъ. — Асташовъ сѣззилъ глаза. Ноздри его тонкаго, прямого носа слегка вздрогнули.

Вероника, не оборачиваясь, продолжала убирать краски въ стоявшій на столѣ подлѣ мольберта деревянный ящикъ. Она отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ, я не люблю перелистывать прочитанныхъ книгъ.

— Я вамъ и не предлагаю. Я общаю вамъ второй томъ.

— Мнѣ слишкомъ дорого обошлось чтеніе вашего перваго тома, Валерій Романовичъ. Я счастлива, что во мнѣ нѣтъ больше желаній ходить по краю мертвой пропасти.

— Вотъ именно съ той поры, какъ умерло въ васъ это желаніе, во мнѣ родилось къ вамъ что то похожее на тѣнь...

Вероника звучно расхохоталась:

— О, ради Бога не доканчивайте вашей фразы словомъ — чувство. Во первыхъ, я этому не повѣрю, а во вторыхъ, въ вашихъ устахъ это будетъ звучать совсемъ дико.

— Въ моемъ диксіонерѣ не существуетъ столь банальныхъ и пошлыхъ словъ. Вы слишкомъ поторопились. Я хотѣлъ сказать нѣчто болѣе острое и сильное. А именно — тѣнь настойчиваго каприза.

Вероника задернула мольбертъ тафтой и сѣла противъ Асташова въ кресло.

— Можно узнать съ какихъ это поръ? — Въ углахъ ея рта задрожала полузадорная, полунасмѣшливая улыбка.

— Вы были у меня въ 'черномъ шелковомъ, сильно обтягивавшемъ вашу фигуру, платьи... въ васъ было, какъ и теперь, что то новое, дразнящее...

— Это когда мы завтракали у васъ въ день второго переворота?

— Переворотъ меня не касается. Я помню этотъ день потому, что на васъ было какое то особенное черное платье, а подъ глазами лежали голубоватыя тѣни, странно гармонировавшія съ блескомъ глазъ и что-то таящей въ себѣ улыбкой. Вероника Антоновна, вы знаете меня лишь на столько, насколько я хотѣлъ показать вамъ свое я.. Всего меня вы не знаете. Если я зову васъ, значитъ я многое общаю вамъ.

— Не-хо-чу... — отчеканила Вероника, и вдругъ лицо ея, капризно-измѣнчивое стало сразу серьезно, улыбка исчезла, глаза полузакрылись. Глядя прямо передъ собой она задумалась о томъ, какъ странно и непонятно мѣняется ея чувство: отчего теперь, когда Асташовъ зоветъ и хочетъ ее — она остается равнодушной къ нему, въ то время какъ прежде готова была на многое за одно его ласковое слово. Есть ли на то причина? Свободно ли ея сердце? Да, оно свободно и въ ней царить полный покой, не мѣшающій ей долгими часами отдаваться работѣ, какъ это было годъ тому назадъ, когда, зовущій ее теперь, Асташовъ мучилъ ее дразнящими ночными разговорами по телефону, то рождавшими, то отгонявшими надежду на возможность взаимнаго чувства. По какой то ассоціаціи идей въ ея воображеніи мелькнулъ образъ князя Олега Сурова, съ которымъ она должна была встрѣтиться часа черезъ два. Когда она подняла глаза, то встрѣтилась со взглядомъ Асташова настойчиво-циничнымъ и холоднымъ.

— ... Et je te donnerai, ma brune,
Des baisers froids comme la lune,
Et des caresses d'un serpent,
Autour d'une fosse rampant...

Медленно проскандировалъ Асташовъ, воскресивъ въ одно мгновеніе красочное воспоминаніе вечера, проведеннаго подъ маской въ его клубѣ, гдѣ въ алой, крытой мѣхами и подушками комнатѣ, у пылающаго камина, отуманенная одуряющимъ эфиромъ, она чувствовала на себѣ такой же цинично-холодный взглядъ и слышала эти же самыя слова Бодлѣровскихъ стиховъ.

— Non, pop, j'en ai assez, — покачала Вероника головой.

— Всякое страданіе парализуетъ мое творчество, т. е. то, что для меня наиболѣе цѣнно. Все вокругъ меня и во мнѣ должно быть свѣтло и радостно; тогда работа моя ярка, какъ и моя фантазія.

— Пріѣзжайте въ Парижъ... или уѣдьте вмѣстѣ, и я общаю вамъ яркія краски яркаго и радостнаго каприза.

— Сейчасъ, я говорю вамъ: нѣтъ, а что будетъ дальше, я не знаю. Можетъ быть и у меня родится капризъ?!...

Вероника отвѣтила на его взглядъ такимъ же долгимъ, загадочнымъ взглядомъ. Послѣ минутнаго молчанія, Асташовъ поднялся со своего мѣста, прошелъ въ другой конецъ комнаты, прислонился спиной къ изразцовой печкѣ, досталъ портъ-сигаръ и заговорилъ, медленно раскуривая папиросу:

— У меня есть къ вамъ просьба, и я надѣюсь, что вы ее исполните.

— Вѣроятно.

— Изъ цѣнныхъ вещей у меня остались непроданными двѣ большихъ любимыхъ Севрскихъ вазы. Жаль было продать. Я ихъ велю уложить и дамъ распоряженіе, чтобы мой повѣренный доставилъ ихъ вамъ, какъ только я уѣду. Прошу васъ очень дать имъ уголокъ въ этой комнатѣ. Когда я уѣду, онѣ вамъ будутъ напоминать, что въ Парижѣ васъ ждетъ капризъ цинично-холодной фантазіи.

— Благодарю васъ, Валерій Романовичъ.

Я всегда такъ восхищалась ими...

— Я это помню и потому прошу васъ сдѣлать мнѣ честь принять ихъ отъ меня.

— Благодарю васъ тысячу разъ. Конечно, онѣ будутъ поставлены здѣсь. Вотъ въ этихъ двухъ углахъ.

— Завтра же велю ихъ упаковать, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, на этой недѣлѣ я исчезну изъ Россіи.

Докуривъ папиросу, Асташовъ посмотрѣлъ на часы и взялъ съ кресла барашковую шапку:

— Мнѣ пора. Вѣрю, что свидимся въ Парижѣ, а потому говорю — до свиданія.

— Подождите, Валерій Романовичъ. Я хочу, что-бы и вы, глядя на что нибудь, взятое изъ этой комнаты, вспоминали бы обо мнѣ. Вотъ, возьмите этотъ флаконъ съ моими духами.

Асташовъ отрицательно покачалъ головой:

— *Ma belle deesse*, я терпѣть не могу получать отъ женщинъ банальные сувениры. Если хотите сдѣлать мнѣ пріятное, то дайте снять съ вашей классической ножки эту полковую туфлю, чтобы увезти съ собой въ Парижъ.

— Пожалуйста... если вамъ этого хочется.

— Когда пріѣдете въ Парижъ, я вамъ ее опять надѣну

Асташовъ опустился передъ Вероникой на одно колѣно, снялъ съ ея ноги черную шелковую туфлю и нагнувшись, поцѣловалъ пальцы. Вероника вадрогнула. Асташовъ поднялся, положилъ туфлю въ боковой карманъ визитки и, глядя на Веронику совсѣмъ незнакомымъ ей, страннымъ неподвижнымъ взглядомъ, остался стоять передъ ней.

— Что съ вами, Валерій Романовичъ?

— Н-не знаю.... Странная мысль... — медленно произнесъ онъ. На лицѣ его какъ-будто бы сгущались тѣни. Вероникѣ почудилось, что на нее глядѣло, окаменѣлое лицо, съ острыми и четкими, какъ изъ подъ рѣзца, линіями.

— Странная мысль! — тихо и медленно повторилъ Асташовъ.

— Мнѣ кажется, что больше мы съ вами не увидимся...

Между мной и вами легло что-то темное, ... я бы сказалъ — роковое...

— Валерій Романовичъ, вы ли это говорите? Вы — лишенный всякихъ предразсудковъ?.. — Вероникѣ стало жутко. Ей передалось чувство, не имѣющее словъ для выраженія, которымъ былъ охваченъ Асташовъ.

— Предразсудкамъ я не вѣрю и ничему не вѣрю, но, долженъ сознаться, что въ данный моментъ переживаю нѣчто необычное и не особенно пріятное. Кто знаетъ, суждено ли мнѣ надѣть вамъ эту туфлю?!.. Однако, довольно. Я опаздываю. До свиданія, а можетъ быть.... прощайте. Если, пріѣхавъ въ Парижъ, узнаете, что мѣсто моего жительства „Père Lachaise“ то прошу васъ, не привозите мнѣ ни вѣнковъ, ни букетовъ. Вмѣсто нихъ поставьте на мою могилу подъ стекляннымъ колакомъ эту вторую вашу туфельку. Вы общаете?

— Конечно. — Вероника разсмѣялась, желая разрушить настроеніе, вызванное словами Асташова, лицо котораго уже приняло прежнее спокойно непроницаемое выраженіе.

Послѣ его ухода, въ задумчивости она оставалась сидѣть на томъ-же мѣстѣ. Ей чудилось, что въ мимолетномъ переживаніи Асташова было нѣчто предрекающее, предостерегающее. Кого? Его или ее?

Она сидѣла, забывъ о времени, съ опущенной головой, во власти нахлынувшихъ мыслей и тонкихъ, сложныхъ и неуловимыхъ чувствъ.

— Разрѣшается? — раздался за спущенной портьерой яркій, свѣжій голосъ.

Вероника очнулась:

— Пожалуйста. Князь, это вы? Неужели такъ поздно?

— Пять часовъ. — Олегъ вынулъ изъ кармана массивные золотые часы. — Какъ мнѣ было приказано — ровно въ пять. Я помѣшалъ?

— Напротивъ. Вы вывели меня изъ міра грустныхъ размышлений. Здѣсь только что былъ Асташовъ. Онъ уѣзжаетъ, т. е. вѣрнѣе бѣжить за границу. Пріѣзжалъ прощаться и заразилъ меня мрачными мыслями.

— Асташовъ — этотъ холодный циникъ — способенъ на мрачныя размышленія?

— Не онъ способенъ, а я, подъ впечатлѣніемъ его минутнаго страннаго переживанія.

Олегъ пожалъ плечами:

— Асташовъ не способенъ ни на какія переживанія. Изломавшійся фигляръ!

— Въ томъ что вы говорите, конечно, есть доля правды, но внутри себя онъ гораздо лучше, чѣмъ это показываетъ людямъ. Я его немного знаю.

— Для чего же тогда ломаться? — въ голосъ Сурова звучала непріязненная нотка. По неувимымъ даннымъ ему казалося, что Асташовъ, такъ же какъ и его братъ Сергѣй, сыгралъ какую то роль въ прошломъ художницы. Онъ замѣчалъ, что объ Асташовѣ она говоритъ не любила, и это дразнило и раздражало его.

Я пойду переодѣться. Для подобнаго кафе это платье слишкомъ парадно. — Вероника поднялась съ кресла и, ступивъ на коверъ, вспомнила, что она въ одной туфлѣ.

— Однако... я и забыла... — она смущенно взглянула на необутую ногу въ сѣромъ шелковомъ чулкѣ и разсмѣялась.

Олегъ, вслѣдъ за ея взглядомъ, опустилъ глаза:

— Вы безъ ботинокъ? Отчего? Такъ можно простудиться.

— Я въ одной туфлѣ; другую увезъ съ собой на память Асташовъ.

Вероника раскаялась, что произнесла эти слова: Олегъ, со свойственной его натурѣ порывистостью и вспыльчивостью, быстро поднялся. Глаза его расширились, между бровей легла суровая складка:

— Асташовъ позволилъ себѣ эту дерзость?

— Это позволила ему я сама, — остановила его Вероника.

— Вы позволили? ... значить

— Ровно ничего не значить.

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, вы не усмотрите вольности въ моей просьбѣ дать мнѣ на память вашу вторую туфлю?

— Это невозможно.

— Смѣю спросить васъ— почему? — Лицо Олега выражало всѣ признаки нарастающаго гнѣва.

— Потому что эту туфлю я обѣщала вслучаѣ его смерти... — Вероника расхохоталась.

— Что въ случаѣ смерти? Положить ему въ гробъ?

— Совсѣмъ не въ гробъ, а на могилу подъ стекляннымъ колпакомъ. Дикая фантазія!.. Но разъ я обѣщала...

— О, конечно. Въ такомъ случаѣ, я не позволю себѣ оспаривать правъ господина Асташова и прошу извинить меня за попытку. — Олегъ разсмѣялся непріятно дѣланымъ злымъ смѣхомъ. Блеснули два ряда прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Охотно васъ извиняю и ухожу переодѣться. Черезъ десять минутъ я буду готова. — Вероника скрылась за дверь.

Олегъ, съ силой придавивъ окурокъ паниросы, чуть было ни раздавилъ фарфоровую пепельницу. Порывисто шагая вдоль комнаты, онъ кусалъ губы и зло улыбался. Въ углу дивана лежалъ шелковый мѣшочекъ и рядомъ съ нимъ маленькій батистовый носовой платокъ. Князь взялъ его. Отъ него пахло странными и настойчивыми духами художницы. Приложивъ его къ губамъ, онъ закрылъ на минуту глаза, затѣмъ досталъ кожаный бу-

мажникъ, бережно вложилъ его въ одно изъ отдѣленій и спряталъ въ боковой карманъ.

Вероника вошла въ кабинетъ въ темно-синемъ костюмѣ и маленькой бархатной шляпкѣ.

— Я готова, князь. Идемте. Меня очень интересуютъ эти кафэ, устроенные нашей раззоренной буржуазіей.

— Кто главный устроитель? — спросилъ Суровъ, выходя въ переднюю и подавая Вероникѣ шубку.

— По словамъ Мэри Грачевой — кафе устроено на общихъ началахъ, но я слышала, что главную роль тамъ играетъ нѣкій Кацманъ — еврей большевикъ.

— Ну, конечно. Это гарантируетъ ихъ отъ обысковъ и реквизицій.

— Помѣщеніе подъ кафэ снято въ особнякѣ Языкова. Тамъ же рядомъ устроена народная библіотека и въ залѣ верхняго этажа предполагаются лекціи и концерты, — рассказывала Вероника, идя рядомъ съ Суровымъ по набережной канала, еще покрытаго льдомъ. Суровъ былъ молчаливъ. Ему хотѣлось найти предлогъ, чтобы сказать что нибудь колкое, но Вероника, какъ бы предвидя его желаніе, была съ нимъ особенно мягка и внимательна.

Въ очень обширной комнатѣ съ зеркальными окнами, многочисленными столиками съ мраморнымъ верхомъ, сидѣла разношерстная публика. Въ концѣ комнаты на длинной стойкѣ помѣщался буфетъ. На тарелкахъ были разставлены нѣсколькихъ сортовъ пирожныя съ обозначеніемъ цѣны въ десять, пятнадцать и двадцать рублей, небольшія бѣлыя булочки, шоколадныя конфекты, тутъ же разливалось кофе, чай и какао. Дамы и барышни въ бѣлыхъ передникахъ, отдѣланныхъ кружевами, сами прислуживали за буфетомъ и за столиками. Нѣсколько офицеровъ, со значками академіи, пажесскаго корпуса и университета, хлопотали за буфетомъ и за кассой, помѣщавшейся рядомъ.

— Вотъ свободное мѣсто. Не хотите ли его занять?— спросилъ Олѣгъ, указывая на помѣщавшійся въ углу комнаты столикъ.

— Отлично. Сядемте здѣсь. Отсюда видно всю публику. Боже, что за мѣшанина! Смотрите. Олѣгъ Владиміровичъ, вонъ три матроса съ какой то странной дѣвицей и, знаете, кто имъ прислуживаетъ? Княгиня Московитинова.

— Я ее знаю и нахожу, что здѣсь elle a trouvé son vrai emploi. *)

— Какой вы злой! Чѣмъ она провинилась передъ вами?

— Вы не слышали объ грязной исторіи, въ которой она играла отвратительную роль? Чуть было ни попала подъ судъ матросовъ и солдатъ, такъ называемый народный судъ. Она продала кому то всю свою библіотеку, мѣха и кружева и, получивъ уже ввидѣ задатка крупный кушъ, ночью часть вещей перетаскала въ верхній этажъ, гдѣ наняла для себя комнаты. Швейцаръ это замѣтилъ и передалъ новому владѣльцу. Тотъ хотѣлъ поднять дѣло. Какъ-то уладили и затушили. Развѣ это не гадость?! Развѣ не позоръ?! Княгиня Московитинова на судѣ у матросовъ за кражу проданныхъ вещей?! Гдѣ гордость и честь дворянской крови? Все тонетъ въ мутномъ потокѣ, захлестнувшемъ всѣ слои общества, — съ негодованіемъ говорилъ Олѣгъ. Не успѣлъ Суровъ докончить своего разсказа, какъ Московитинова, издали увидавъ его и Веронику, улыбаясь и кивая головой съ завитой, сильно взбитой прической, подбѣжала къ нимъ:

— Вотъ не ожидала! Очень мило, что пришли къ намъ. Сегодня у насъ много «старорежимнаго» общества. Милочка моя, здравствуйте! . . Олѣгъ Владиміровичъ, здравствуйте! Титулы здѣсь конечно изгнаны. Какъ я устала! Совсѣмъ отбила себѣ пятки за весь день. Знаете, эти меракіе матросы, que le diable les emportent, все

*) Она нашла свое настоящее назначеніе.

таким чудесно платять! Награбили и швыряют теперь нашими же деньгами. Посмотрите счетъ. — Московитинова хихикнула и показала счетъ на пирожное, кофе и какао въ восемьсотъ рублей. Она присѣла къ столу, всунувъ руки въ карманчики батистоваго наряднаго передничка. Свѣтлая блондинка, съ подведенными карими глазами, сильно накрашенными щеками и губами, со взбитыми надо лбомъ волосами, она производила вульгарное впечатлѣніе.

— Вы довольны этимъ учрежденіемъ?

— Пока да; кафэ даетъ намъ хорошіе доходы. Понятно, мы адски устаемъ, но зато вкусно ѣдимъ.

— А публика какая?

— По большей части низкопробная, но она то и даетъ намъ лучшій доходъ. Пьютъ по пять стакановъ какао, съѣдаютъ по десяти пирожныхъ.

Московитинова опять хихикнула и стрѣльнула глазами въ сторону князя, который отвѣтилъ ей холоднымъ безразличнымъ взглядомъ.

— Княгиня, вы намъ разрѣшите выпить у васъ кофе или какао съ пирожными? — спросилъ онъ.

— Shut!.. — она приложила палецъ къ губамъ: — ради Бога, здѣсь безъ титуловъ, а то подслушаетъ какой нибудь коммунистъ и живо донесетъ, что у насъ тутъ контр-революціонное гнѣздо. Сейчасъ я вамъ принесу.

— Не беспокойтесь. Я пройду къ буфету и самъ возьму.

Въ то время какъ князь съ Московитиновой направились къ буфету, къ Вероникѣ подходила Вѣра Илларионовна:

Милая моя, что это за интересный кавалеръ съ вами? — говорила она, улыбаясь широкой, добродушной улыбкой.

— Князь Суровъ. Братъ князя Сергѣя.

— Это что же: — вашъ новый флертъ?

— Пока — нѣтъ... Скажите милая, и вы участница въ этомъ кафэ?

— Очень косвенно. Я поставляю въ ихъ буфетъ шоколадныя конфеты собственнаго изобрѣтенія и собственной фабрики.

— Хорошо платятъ?

— Я даю на комиссію. Конфеты очень вкусныя, и ихъ поѣдаютъ главнымъ образомъ

— Матросы, — смѣясь подсказала Вероника.

— Ну, конечно! Матросы покупаютъ своимъ дамамъ пѣлыми коробками, а мы позволяемъ себѣ съѣдать по одной, по двѣ.

— Какъ ваши дѣла, Вѣра Илларионовна? Что вашъ мужъ?

— Дѣла неважно, конечно. Потихоньку отъ Николая Николаевича я продаю свои драгоценности. Этотъ шоколадъ все таки пока поддерживаетъ насъ. Здоровье мужа все еще слабовато. Онъ страдаетъ отъ бездѣйствія. Хочетъ начать какое нибудь дѣло, что-бы избѣжать службы у большевиковъ. Мечталъ ѣхать на Донъ, но видитъ, что для военнаго дѣла онъ пока еще не годится со своимъ распатаннымъ здоровьемъ.

Подошелъ князь Олегъ, неся на подносикѣ два стакана какао и тарелочку съ пирожными.

Вероника представила его Михайловской.

— Какъ вамъ нравится это кафэ? — спросила она его.

— Я страдаю душой, видя наши пажескіе и академическіе значки за прилавками буфета. Не доставало, что-бы офицеры прислуживали матросамъ.

— Увы! Я видѣла и это, — вздохнула Михайловская. — Голодь толкаетъ на крайности.

— Нѣтъ, этого я не понимаю. Тогда сними съ себя офицерскій мундиръ, сними значокъ. Нельзя же лакейской должностію унижать званіе офицера. Я вижу офицеровъ, продающихъ газеты, разгребающихъ снѣгъ, разгружающихъ вагоны, — мнѣ тяжело, мнѣ больно, но не стыдно за нихъ, какъ стыдно за офицера въ роли офи-

ціанта, да еще передъ матросами. Вы не согласны со мной, Вероника Антоновна?

— Я согласна въ томъ, что надо снять мундиръ, но...

— Подумайте, гдѣ мы встрѣчаемся! — Прервала Веронику на полу-фразѣ подошедшая къ ихъ столу дама, съ лицомъ старой цыганки, небрежно одѣтая въ старомодное плюшевое полупальто съ выцвѣтшимъ и вытѣзаннымъ мѣховымъ воротникомъ. На черной лентѣ была надѣта потрепанная муфта, изъ которой торчали шерстяныя перчатки и вязанный платокъ. — Пожалуйста, душечка, скажите вашему мужу, что мнѣ очень нуженъ господинъ, скупающій брилліанты, о которомъ онъ говорилъ, — обратилась дама къ Вѣрѣ Илларионовѣ. — Я совершенно безъ денегъ. Дома они отняли, изъ банка ничего не могу получить, а ѣсть надо. Приходится продавать драгоцѣнности. Господи, кончится ли это наконецъ?! Какъ вы думаете? — обратилась она къ князю. Лицо ея, морщинистое и желтое, сморщилось въ гримасу отчаянія.

— Вѣдь мы раззорены вконецъ. Чѣмъ дальше жить? Этакая наглость! Вы подумайте только: отняли дома, раскрыли сейфы, грабятъ по квартирамъ. Что дѣлать, скажите на милость?! Вѣдь я пирожныя и сладкіе пирожки дѣлаю и, честное слово, только этимъ заработкомъ и существую. Что могу я дѣлать въ шестьдесятъ пять лѣтъ? Лучше умереть, сто разъ лучше!... А ваша мать уѣхала въ Тулу? Завидую ей. И я уѣхала бы, да не на кого оставить обстановку дома. Вѣдь разграбятъ, разбойники.

— Они и такъ разграбятъ, это вопросъ времени. — ухмыльнулся Суровъ.

— Типунъ вамъ на языкъ! — замахала руками старуха извѣстная бывшему столичному большому свѣту своимъ громаднымъ состояніемъ и скупостью. — Какъ я завидую людямъ, которые при всѣхъ обстоятельствахъ умѣютъ хорошо устроиться. Вотъ возьмите хотя бы Гра-

чеву: кажется вѣдь все потеряла съ переворотомъ, а посмотрите какъ она сейчасъ хорошо повела свои дѣла! Вы знаете, вѣдь она сдала всю свою квартиру за крупную сумму какому то властѣ имѣющему типу, а сама перебралась въ этотъ особнякъ, гдѣ Языковъ отвелъ ей двѣ прекрасныхъ комнаты. Она устроилась здѣсь подѣ видомъ завѣдующей библіотекой, флиртуеть съ Языковымъ и, чего добраго, женить его на себѣ. Какъ вамъ это нравится!

Вероника разсмѣялась, глядя на возбужденную жестикуляцію старухи Кранцъ.

— Она отовсюду извлекаетъ какую нибудь пользу. Перезнакомилась съ какими то новыми людьми, ведетъ какія то дѣла и въ то время какъ я, съ моими бывшими домами и милліонами, хожу теперь въ драной шубкѣ, на ней все еще соболя. Я ѣмъ картошку и, приходя сюда, чтобы продать мои пирожныя, не смѣю себѣ позволить стакана кофе или какао, а она вѣчно сидитъ за столикомъ съ какими то типами, которые ее угощаютъ моими пирожными, вашиимъ шоколадомъ и какао и кофеемъ. Поглядите на нее: вотъ она тамъ справа у окна. Съ одной стороны сидитъ новоиспеченный богачъ Бачаевъ, говорятъ, спекулянтъ очень сильной марки, а съ другой—Роговъ, тоже аферистъ. Оба за ней ухаживаютъ, такъ какъ у нея есть большія связи у большевиковъ. Да вѣдь и этотъ особнякъ Языковъ спасаетъ благодаря ей: она устроила ему тутъ и кафѣ и читальню. Верхъ они оставили ему съ тѣмъ, что въ залѣ будутъ читаться какія то лекціи. Чуть ли ни самъ Языковъ собирается ихъ читать. Онъ тоже не промахъ!... Я вотъ всѣ свои дома потеряла — отняли, а онъ пристроилъ, и, главное, самъ остался въ своихъ апартаментяхъ.... Ну, я пойду. Душенька, Вѣра Илларионовна, не забудьте насчетъ моей просьбы. Пусть вашъ мужъ протелефонируетъ мнѣ. Телефонъ у меня уже дѣйствуетъ. Только, ради Бога, иносказательно, а то какъ разъ подслушаютъ съ

Гороховой. Всюду теперь шпионы и предатели. Какая гадкая и грязная стала наша жизнь!

— Мнѣ жалка эта старуха Кранцъ, — произнесла Вероника, когда она осталась одна за столикомъ съ княземъ Олегомъ.

— И жалка и непріятна. Я замѣчаю ужасное паденіе въ нашемъ бывшемъ, такъ называемомъ, большомъ свѣтѣ. Какая то растерянность, трусость, пришибленность. Что-то жалкое и гнилое въ психологіи. Никакого отпора, никакой организованности. Одна приспособляемость вродѣ той, которую проявляетъ съ такимъ успѣхомъ госпожа Грачева, о которой рассказывала только что Кранцъ.

— Дѣйствительно, она проявляетъ настоящій талантъ въ способахъ сохраненія своихъ жизненныхъ удобствъ.

— Когда нибудь сломаетъ себѣ шею. Такія личности всегда въ концѣ концовъ низко падаютъ, такъ какъ теряютъ чувство мѣры. Знаете, что я вамъ скажу? Пробывъ три года на фронтѣ и попавъ теперь въ эту клоаку, называемую Петроградомъ, я положительно начинаю испытывать моральную тошноту и больше всего отъ вида того, что происходитъ въ кругу нашего же общества.

Вонъ поглядите на тотъ столикъ: очень жаль, что Кранцъ ушла, такъ какъ господинъ Минкинъ, котораго она желала видѣть, какъ разъ подходитъ къ сидящей тамъ компаніи. Здоровый, сильный еще молодой чело-вѣкъ не находитъ лучшаго примѣненія своихъ силъ, какъ заниматься перепродажей драгоценностей. Вошелъ въ сдѣлку съ большевиками и за крупные куши вынимаетъ вмѣстимое сейфовъ и банковскіе вклады. Безъ особаго труда наживаетъ хорошія деньги въ то время, когда Россію надо спасать. — Лицо князя Олега выражало чувство брезгливости. — А вотъ рядомъ съ нимъ брюнетъ въ ринсе-пез. Это нѣкто Валенко. Силачъ какихъ мало,

совсѣмъ еще молодой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы идти на Донъ, занимается такой же торговлей и очень нечистъ на руку. Врутъ, пошлякъ, ухаживаетъ за дамами, чтобы втянуть ихъ въ свои торгашества, хвастунъ и въ то же время ловкій парень: гдѣ надо выдаетъ себя тайно принадлежащимъ къ партіи бѣлыхъ и въ то же время прекрасно устраиваетъ дѣла съ большевиками. Такихъ какъ эти господа — расплодилось сейчасъ гибель. И эта часть Россіи, долгъ которой спасать ея честь, а не заплевывать еще больше. Э, да что говорить! Съ первыхъ же шаговъ переворота были сдѣланы постыдныя и непоправимыя ошибки. Развѣ можно было допустить, чтобы солдаты обезоруживали офицеровъ? Этимъ первымъ шагомъ въ психологіи темныхъ массъ быстро была усвоена мысль, что озорство, безчинство, грабежъ и даже убійство не найдутъ себѣ отпора среди, такъ называемыхъ, буржуевъ. Они не ошиблись: буржуи наши — трусы, гнилы, жадны, эгоистичны и не патриотичны до послѣдней крайности. Что говорить о народѣ! Народъ нашъ дрянной и продажный, но.... каковъ попъ, таковъ и приходъ. Все валится, все разрушается. Россія гибнетъ. Послѣдній ея оплотъ, послѣдняя надежда — Донъ, гдѣ сгруппировались честные люди, честные борцы за честь родины. Пора къ нимъ и мнѣ.....

Въ то время какъ Олегъ, сдерживая волненіе, высказывалъ мысли наболѣвшаго мозга и сердца, компанія подлѣ столика Мэри Грачевой понемногу увеличивалась. За нимъ велась негромкая, но оживленная дѣловая бесѣда. Марія Апполоновна, по обыкновенію, не выпуская изо рта папиросы, осторожно и тонко притягивала къ себѣ сидѣвшаго подлѣ нея большого, тяжеловѣснаго брюнета, съ ярко выраженнымъ типомъ кавказца. Черные густые волосы были коротко подстрижены ежикомъ, большіе черные глаза на изсиня-молочномъ бѣлкѣ, крупный носъ, яркія плотоядныя губы, ровные бѣлые зубы, прекрасный цвѣтъ кожи — дѣлали его по первому

впечатлѣнію красивымъ, но черезъ минуту впечатлѣніе это парализовалось выраженіемъ крайней наглости, которая проявлялась въ манерахъ, въ голосѣ и во взглядѣ. Все въ немъ говорило, что онъ ни передъ чѣмъ не остановится ради собственныхъ выгодъ, что онъ знаетъ себя цѣну и знаетъ всякіе способы для достиженія желанныхъ цѣлей.

Марія Апполоновна, въ бархатной черной шляпѣ съ большими круглыми полями, бросавшими кокетливую тѣнь на ея еще свѣжее и красивое лицо, откинувшись на спинку стула, держа передъ собой стаканъ съ какао и медленными глотками отпивая изъ него, ни на минуту не выпускала изъ подъ взгляда карихъ разумныхъ глазъ, самонадѣяннаго кавказца. Она рѣшила сразу поразить его своей дѣловитостью и кокетливой загадочностью. Кавказецъ, остававшійся первое время какъ бы глухъ и слѣпъ, начиналъ, какъ показалось въ этотъ день Грачевой, уступать настойчивымъ чарамъ.

Роговъ, замѣтно ухаживавшій за кавказцемъ, былъ бурно оживленъ и раздражалъ Грачеву неумѣстными замѣчаніями и вмѣшательствомъ въ ея разговоръ. Вскорѣ къ столику подошелъ, сидѣвшій на другомъ концѣ комнаты, Минкинъ. Роговъ представилъ его Мэри и кавказцу и, слегка отодвинувшись отъ нихъ, вполголоса серьезно и дѣловито заговорилъ съ нимъ.

— Видите ли, Иванъ Петровичъ, я терпѣть не могу предлагать свои услуги, — говорила Мэри, улыбающимися глазами смотря на кавказца Бачаева, — но когда я встрѣчаю умныхъ и дѣловыхъ людей, то у меня является желаніе быть имъ полезной, потому что я больше всего цѣню въ человѣкѣ практичный разумъ для борьбы за удобства въ жизни. Всякія романтическія бредни хороши въ стихахъ и романахъ, а для жизни нужна сила характера и энергія въ достиженіи цѣли.

— Вотъ вы какая женщина! Это очень интересно и пріятно. Не всѣ женщины судятъ какъ вы.

— Я могу быть хорошим товарищем и полезным совѣтчикомъ, — улыбнулась Мэри. — Если хотите, то я кстати посовѣтую вамъ вести переговоры о домѣ черезъ меня. Отъ этого дѣло ваше только выиграетъ, такъ какъ я знаю условія обѣихъ сторонъ

— Какого дома? — Бачаевъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Какъ, какого? Который вы хотите перепродать Шведской компаніи.

— А вы откуда это знаете?

— Мало ли что я еще знаю! — разсмѣялась Мэри.

— Я знаю что повѣренный настаиваетъ на двухъ милліонахъ, а если вы обратитесь ко мнѣ, то черезъ ваши руки онъ пройдетъ за милліонъ восемьсотъ.

— Это какъ же?

— А такъ, что я уговорю владѣльца.

— Вы знакомы съ Языковымъ?

— Очень хорошо, и даже живу здѣсь въ его домѣ.

— Я и не зналъ этого!

— Вѣроятно вы не знаете и того, что я могу въ банкѣ снять со счета всѣ ваши деньги, — перегнувшись въ сторону Бачаева, прошептала Грачева.

— Это положимъ могу и я самъ...

— Однако до сихъ поръ всего не сняли.

— А вы снимите?

— Навѣрное.

— Я вижу, вы молодецъ женщина.

— Для васъ это ново? Жаль, что вы пропустили столько времени, не давъ себѣ труда поближе ко мнѣ присмотрѣться.

— Каюсь, каюсь, Марія Анполоновна... А какъ же насчетъ дома?

— А вотъ какъ: здѣсь говорить теперь неудобно, такъ какъ намъ могутъ помѣшать, а лучше всего стоворимся встрѣтиться гдѣнибудь завтра; хотя бы здѣсь же часовъ въ пять.

— Очень хорошо. Отсюда я свезу васъ въ одно секретное учрежденіе, гдѣ мы отлично пообѣдаемъ и даже съ виномъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Кстати, я давно вкусно не обѣдала.

— А я ежедневно вкусно обѣдаю. Это хоть и дорого, но иначе я не согласенъ. Для меня самое главное — выспаться и хорошо поѣсть, тогда я могу горы сдвинуть.

— Скажите ему, — вполголоса говорилъ въ это время Минкинъ Рогову, — что слитокъ золота я достать могу, но не менѣе тридцати фунтовъ. Бриллиантовое кольцо я тоже могу доставить. Что касается серегъ и брошки, то вся бѣда въ томъ, что они въ сейфѣ. Великолѣпнѣйшей работы и чистой воды, но сейчасъ я не знаю черезъ кого достать ихъ.

— Это я вамъ улажу. Вотъ черезъ эту даму, съ которой я васъ только что познакомилъ — госпожа Грачева.

— Да что вы? — радостно удивился Минкинъ. — У нея есть связи?

— Очень полезныя. Вы Кацмана знаете?

— Слышалъ о немъ, но не знаю.

— Она съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Черезъ него все что угодно можно устроить. Конечно, за деньги.

— Очевидно. Кто же теперь станетъ даромъ работать! — весело поддакивалъ Минкинъ, — блондинъ съ выпуклыми глазами, смотрящими такъ открыто и правдиво, что никому не могло прійти въ голову, что этотъ взглядъ маскировалъ хитрѣя, лживыя и грязно-изобрѣтательныя мысли для легкой наживы и обмана.

— А какія условія этой дамы?

— Десять процентовъ или по уговору.

— Такъ вы сведите меня съ ней сегодня же.

— Хорошо. Когда Бачаевъ уйдетъ, вы подойдите опять къ нашему столику или я самъ подзову васъ.

Минкинъ поднялся съ мѣста, съ особеннымъ почтеніемъ отвѣсивъ поклонъ въ сторону Грачевой.

Къ столику Вероники то и дѣло подходили знакомые. Князь Олегъ, желавшій побесѣдовать съ ней наединѣ, внутренно досадовалъ на каждаго, кто къ нимъ подходилъ. Особенное раздраженіе вызвалъ въ немъ баронъ Гельмъ, охотно принявшій приглашеніе Вероники присѣсть къ ихъ столику и вызывавшій своимъ неисчерпаемымъ остроуміемъ, направленнымъ въ сторону кого нибудь изъ присутствовавшихъ, веселый смѣхъ художницы.

— А что же я не вижу здѣсь проросшей рѣпы? Теперь и овощи въ цѣнѣ.

— Это кто же?

— Владѣлецъ дома.

Вероника разсмѣялась. Сравненіе было комическое, злое, но очень удачное.

— Вы замѣчаете, — продолжалъ острить баронъ Гельмъ, — какъ популярна стала наша аристократія. Поглядите на княгиню Московитинову: она изъ кожи лѣзетъ, что-бы понравиться «товарищамъ» и матросамъ. Она напоминаетъ мнѣ нашу развѣнчанную столицу: Петербургъ, какъ истеричная женщина, протягиваетъ въ отчаяніи руки и жаждетъ отдаться всякому, кто только захочетъ его взять. Германія подходитъ, дразнить и все таки не беретъ. Боюсь, что съ Московитиновой будетъ тоже самое: она предлагаетъ себя всякому, но никто не хочетъ.

— Какой у васъ злой языкъ, Николай Федоровичъ! — смѣясь, покачала Вероника головой.

— А поглядите-ка на мою симпатію Марію Апполоновну. Она, какъ коршунъ, сперва высматриваетъ, выбираетъ жертву и тогда налетаетъ и бьетъ навѣрняка. Я наблюдаю ее всего какихъ нибудь полчаса и могу васъ увѣрить, что скоро она вцѣпится когтями вонъ въ того кавказца съ бычачьими глазами и будетъ пить его кровь,

т. е. его деньги до тѣхъ поръ, пока не выдонтъ его вконецъ; а если усмотрить, что денегъ этихъ у него очень много, то, несмотря на то, что онъ только спекулянтъ, а не министръ, она выйдетъ за него замужъ и уѣдетъ на Кавказъ.

Было темно, когда Вероника въ сопровожденіи князя Олега вышла изъ кафѣ на плохо освѣщенную улицу. Послѣ оттепели подморозило и было скользко. Суровъ предложилъ ей руку.

— Ну что же, вы развлеклись сегодня? Было столько знакомыхъ. — Спросилъ онъ, осторожно ведя ее по скользкимъ панелямъ.

— Нѣтъ, мнѣ не было весело.

— Я думалъ обратное.

— Вы ошиблись, князь. Въ то время какъ я смѣялась и болтала, въ мозгу моемъ стояла неотступно мысль о томъ, что собравшіеся въ этомъ кафѣ люди дѣлаютъ не то, что имъ надо дѣлать. Я увѣрена, что эта затѣя не продержится долго... ихъ разгонять, и опять они останутся ни съ чѣмъ. Кафѣ — это не дѣло для людей, способныхъ на болѣе серьезный, отвѣтственный и идейный трудъ. Строго говоря, этимъ кафѣ пользуются лишь матросы и «товарищи» со своими дамами; для насъ оно тепрь слишкомъ дорого. Тѣмъ-болѣе обидно видѣть образованныхъ людей, тратящихъ энергію на ничтожное дѣло въ угоду тѣмъ, кто попираетъ теперь и наши права и нашу честь.

Олегъ крѣпко прижалъ къ себѣ руку Вероники:

— Какъ я счастливъ слышать отъ васъ эти слова. Какъ я счастливъ, что вы такая, какой я себѣ представляю васъ: честная, сильная, прямолинейная и, въ то же время, отзывчивая и женственная. Какъ бы я хотѣлъ знать васъ еще больше, чтобы не мучиться никакими сомнѣніями.

— Спросите меня. Я вамъ скажу.

— Есть вопросы, предлагать которые я не имѣю права.

Вероника поняла, что Олегъ въ эту минуту думаетъ объ Асташовѣ и о своемъ братѣ. Она не хотѣла, чтобы онъ спрашивалъ о нихъ и замолчала. Олегъ тоже молчалъ, спрашивая себя въ какую форму выльются ихъ отношенія, если каждый изъ нихъ перешагнетъ черту, отдѣлявшую форму условностей отъ міра сердечныхъ переживаній. Олегъ горѣлъ желаніемъ перешагнуть эту черту и ждалъ хотя бы намека на призывъ со стороны художницы; Вероника чувствовала желанье Сурова, но, провѣряя себя, боялась нарушить гармонію покоя и ясность духа, боялась потерять свободу мыслей и желаній, боялась того метанья души, которое въ прошломъ году оторвало ее на многіе дни отъ творческой работы.

Подошли къ подъѣзду ея дома.

— Вероника Антоновна, я вамъ говорилъ, что почти закончилъ всѣ дѣла и могу ѣхать обратно въ Тулу, но я не уѣду. Во всякомъ случаѣ, не сейчасъ, потому что самого главнаго для чего я пріѣхалъ, я еще не выполнилъ

— Я знаю, князь . . . — поспѣшно перебила его Вероника. — Я все понимаю и прошу васъ ничего больше не говорить.

Свѣтъ отъ электрической лампочки у двери подъѣзда падалъ прямо на лицо Сурова, и Вероника увидѣла какъ мгновенная судорога пробѣжала по немъ.

— Вы мнѣ приказываете молчать?

— Да.

— Вы мнѣ приказываете уѣхать?

— Этого я не сказала.

У Олега расширились глаза. На мгновенье онъ окуталъ Веронику горячимъ взглядомъ, съ облегченіемъ вздохнулъ, низко склонился и, поцѣловавъ протянутую ему руку, удалился быстрыми шагами.

VIII.

Было далеко за полночь. Асташовъ, въ черномъ бархатномъ халатѣ, опушонномъ чернобурой лисицей, сидѣлъ въ большомъ глубокомъ креслѣ. На подвижной ручкѣ кресла горѣла небольшая электрическая лампа, бросавшая ало-розовый отбѣнокъ на его сухое, съ тонкимъ профилемъ, лицо. Онъ внимательно просматривалъ свои краткія записки послѣдняго времени, дѣлалъ карандашомъ отмѣтки и поправки.

Его отъѣздъ былъ рѣшенъ черезъ сутки. Такъ какъ предстояло перебраться черезъ границу нелегальнымъ способомъ, то весь его багажъ долженъ былъ состоять изъ небольшого ручного чемодана, куда было сложено лишь самое необходимое и цѣнное. Весь этотъ день былъ посвященъ приведенію въ порядокъ письменнаго стола, изъ котораго приходилось предать огню много писемъ и документовъ, могущихъ оказаться опасными для всякаго, кому бы онъ ихъ ни оставилъ на храненіе. Всѣ комнаты были на половину оголены, кромѣ кабинета, котораго онъ не хотѣлъ раззорять въ своемъ присутствіи.

Асташовъ покидалъ Россію безъ сожалѣнія, съ безразличнымъ и холоднымъ чувствомъ человѣка, оторвавшаго отъ своего сердца любовь къ родинѣ, обманувшей и оскорбившей его. На колѣняхъ у него лежали записки, которыя еще болѣе усиливали въ немъ это чувство.

29-го октября 1917 года.

Возвращался домой по опустѣвшимъ, темнымъ улицамъ, внушающимъ опасеніе. На углахъ кучки вооруженныхъ солдатъ.... тихо.... угрюмо..... Телефоны не работаютъ... ждуть погромовъ квартиръ. Зимній дворецъ въ рукахъ большевиковъ, гдѣ грабятъ кладовыя съ цѣнной серебряной и золотой утварью. Изрѣзанъ портретъ Государя работы Сѣрова. Солдаты перепились въ погребѣ Зимняго дворца. Оскорбленъ и перебитъ охранявшій дворецъ женскій батальонъ.

30 октября.

На улицахъ спокойно. Министерства бастуютъ.

1-ое ноября.

Всѣ газеты, кромѣ большевистскихъ, закрыты. Телеграфъ прерванъ. Жизнь въ городѣ застыла. Разстрѣляно большое количество юнкеровъ, и тѣла многихъ изъ нихъ выплываютъ въ каналахъ. Эти юные войны стойко защищали интересы временнаго правительства, которому присягали.

2-ое ноября.

Нѣмцы подъ Ревелемъ, высадились въ Або, взяли Аландскіе острова, прорвали фронтъ подъ Барановичами, взяли важнѣйшій стратегическій пунктъ подъ Вильно-Молодечино. Въ Москвѣ большевики чинятъ ужасы. Здѣсь передъ Варшавскимъ вокзаломъ была манифестація «побѣднаго войска» надъ войсками Керенскаго.

Генераль Калединъ съ казаками подвигается съ юга; передъ нимъ разбираются рельсы. Дошелъ до Харькова.

Хлѣбъ выдается по карточкамъ по $\frac{1}{4}$ фунта на человѣка.

11-ое ноября.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ захвачены большевиками секретные документы и шрифты для опубликованія.

«Волею Народа» большевиками смѣщенъ исполняющій должность верховнаго главнокомандующаго генераль Духонинъ и на его мѣсто посаженъ прапорщикъ Крыленко.

Изданъ «декретъ» разрѣшающій солдатамъ дѣлать обыски въ квартирахъ, стоящихъ болѣе 150 рублей въ мѣсяцъ и отнимать у жителей бѣлье, одѣяла, пальто и теплыя вещи.

Всѣ служащіе Министерства Иностраннѣхъ дѣлъ подали въ отставку.

Арестованъ директоръ Государственнаго банка за отказъ выдать требуемыя у него суммы.

Бывшій верховный главнокомандующій генералъ Брусиловъ тяжело раненъ въ Москвѣ.

22-го ноября.

Вчера получено официальное сообщеніе о томъ, что генералъ Духонинъ звѣрски убитъ большевиками въ Могилевѣ, гдѣ до послѣдней минуты честно оставался на своемъ посту.

Прапорщикъ Крыленко, въ роли верховнаго главнокомандующаго, ведетъ на фронтѣ переговоры о мирѣ.

Въ Могилевской губерніи громадныя толпы бѣгущихъ съ фронта солдатъ все смѣтаютъ на своемъ пути, грабятъ жителей, жгутъ помѣщичьи усадьбы.

Большевики закрываютъ всѣ «буржуазныя» типографіи. На улицахъ жгутъ газеты.

Объщаютъ сорвать Учредительное Собраніе, которое называютъ «Учредилкой».

Генералъ Корниловъ со своими Текинцами ушелъ изъ Быховской тюрьмы.

23-го ноября.

Упраздненъ Сенатъ и всѣ суды.

Сегодня на улицахъ видѣлъ выпущенныхъ плѣнныхъ австрійцевъ и германцевъ. Съ нихъ берется честное слово, что вернувшись домой, они не вступятъ въ ряды арміи. Разумѣется большевистское правительство не сомнѣвается, что они вступятъ и усилятъ фронтъ противъ союзниковъ.

24-го ноября.

Отчетливо слышна стрѣльба: это матросы и солдаты продолжаютъ громить погреба Зимняго дворца и перепиваются.

27-го ноября.

Вильгельмъ отклонилъ переговоры о мирѣ съ большевиками.

30-ое ноября.

Правительство Ленина и Троцкаго арестовываетъ со вчерашняго дня представителей кадетской партіи. Учредительное Собраніе конечно будетъ сорвано.

Въ эти дни — разгромъ винныхъ складовъ. Пьяные солдаты и стрѣльба.

1-ое декабря.

Ждутъ скорого прихода нѣмцевъ.

2-ое декабря.

Прошелъ слухъ, будто бы Государь скрылся изъ Тобольска и направился во Владивостокъ.

15-ое декабря.

Большевики заняли всѣ частные банки и объявили, что будетъ ревизія сейфовъ.

17-ое декабря.

Во главѣ делегаціи по мирнымъ переговорамъ пріѣхалъ гр. Кейзерлингъ. Весь день устраивались «мирныя манифестаціи» подъ звуки Марсельезы.

На дачѣ подлѣ Сочи грабителями убитъ со своей семьей старикъ Горемыкинъ, бывшій премьеръ-министръ.

24-ое декабря.

Весь городъ занесенъ сугробами снѣга. Убитъ на улицѣ грабителями мой пріятель баронъ Ш.

Офицеры лишены званія и чиновъ; переведены на солдатское жалованье.

Отъ юга мы отрѣзаны. Изъ Москвы билетовъ не выдаютъ, а отсюда до Москвы путь такъ занесенъ снѣгомъ, что поѣзда стоятъ по двѣнадцать часовъ одинъ за другимъ и не могутъ подойти.

28-ое декабря.

Ни въ одномъ окнѣ не видно свѣчей елокъ. Все чаще и чаще дома тонуть во тьмѣ, такъ какъ нѣтъ электричества.

29-ое декабря.

Въ Севастополѣ матросы убили шестьдесятъ моряковъ. Ихъ вытаскивали ночью изъ домовъ и убивали на глазахъ близкихъ, тутъ же на улицѣ. Трупы были свалены на грузовикъ и брошены съ графской пристани въ море.

1918 годъ 1-ое января.

Въ эту ночь во время встрѣчи новаго года арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость Румынскій посолъ Діаманти со своимъ штабомъ за то, что Румынія препятствуетъ пропагандѣ большевиковъ на своемъ фронтѣ.

3-е января.

Вчера видѣлъ пріѣхавшаго изъ Москвы Г-ча. Поѣзда ходятъ съ выбитыми стеклами и безъ отопленія. Кромѣ дезертирующихъ съ фронта солдатъ, никому невозможно попасть въ поѣздъ.

4-ое января.

Сегодня прочелъ въ газетѣ интересную статью о томъ, что король Румыніи долженъ быть арестованъ, привезенъ сюда и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. (? ! !)..

Ежедневно выходить декреты одинъ другого нелѣпѣе, съ цѣлью завинтить чернь противъ «буржуевъ».

На улицахъ грабежи и убійства учащаются.

Завтра должно открыться Учредительное Собраніе, изъ котораго вся кадетская партія разогнана.

6 января.

Учредительное собраніе сорвано. Вчера на улицахъ были раненные и убитые. Засѣданіе, по слухамъ, походило на сборище безумныхъ: визжали, свистали, орали. . .

7 января.

Шингаревъ и Кокошкинъ (вся ихъ дѣятельность была посвящена народу) сегодня убиты матросами въ Маріинской больницѣ, куда ихъ днемъ больными перевезли изъ Петропавловской крѣпости. Они принадлежали къ кадетской партіи.

21 января

Толпы красногвардейцевъ оскорбляютъ святыню храма, вваливаясь въ шапкахъ, съ папиросами въ зубахъ, срывають съ иконъ ризы. Въ Александро - Невской лаврѣ была стрѣльба. Раненъ на смерть отецъ Прокопій.

Сегодня духовенство устроило грандіозный крестный ходъ изъ Лавры и Казанскаго собора.

По газетамъ въ Крыму бои. Ялта обстрѣливается.

На улицахъ Петрограда много нѣмцевъ и австрійцевъ.

Сегодня я былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько австрійцевъ смѣялись надъ нашими несчастными офицерами, разгребавшими снѣгъ у гостиннаго двора.

Румынія объявила большевикамъ войну. Генераль Щербачовъ объявленъ большевиками «врагомъ народа».

Вся Россія, какъ пожаромъ, охвачена мечемъ и растряпами. Трудно понять кто противъ чего и за что. Анархія во всемъ разгарѣ.

26-го января.

Большевики уничтожаютъ всѣ праздники. Врядъ ли это пройдетъ въ столь лѣнливой странѣ какъ Россія.

Интеллигенція отъ 18 до 50 лѣтъ обязательно призывается на общественныя работы, въ видѣ уборки снѣга и скалыванія льда.

Въ Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ сильные бои.

Въ газетахъ пишутъ, яко-бы миръ уже заключенъ и вскорѣ будетъ обнародованъ, но зато съ фронта война перенесена во внутрь страны.

Арестовываютъ капиталистовъ и затѣмъ требуютъ крупныхъ выкуповъ.

30 января.

Въ Брестѣ ведутся мирные переговоры съ Германіей, носящіе характеръ продажи Россіи.

Изданъ указъ о демобилизаціи арміи.

1 февраля.

Въ Москвѣ обокрадена на много миллионовъ патріаршая ризница въ Успенскомъ соборѣ.

Въ Остзейскихъ краяхъ большевиками объявлены внѣ закона всѣ бароны мужчины и женщины отъ 18 до 50 лѣтъ.

Здѣсь ждуть нѣмцевъ, какъ освободителей.

4 февраля.

Въ Кіевѣ - Печерской Лаврѣ убитъ митрополитъ Владиміръ — старикъ семидесяти лѣтъ.

Ограбленъ третьяго дня въ 11 часовъ вечера на Михайловской площади Итальянскій посолъ.

Нашъ календарь подвинуть на тринадцать дней впередъ и мы сравнялись, единственно въ этомъ смыслѣ, съ Европой.

8 февраля.

Нѣмцами взять Двинскъ и Псковъ.

Газеты полны натравливаніемъ народа на буржуазію.

Ждутъ оккупациі Петрограда.

9 февраля.

Россія, допустивъ анархію, разложила свою армію, сотнями перерѣзала своихъ офицеровъ (Кронштадтъ, Севастополь, Кіевъ) разорила и сожгла помѣщиковъ, уничтожила промышленность, почту, телеграфъ, передвиженіе. . . подорваны всѣ принципы, оплевали своего Бога и церкви...

17 февраля.

Идутъ разговоры о насажденіи красной арміи въ буржуазныя квартиры.

19 февраля.

Расклеены воззванія къ народу о томъ, чтобы «всѣ, всѣ, всѣ» становились на защиту революціи, которую хочетъ затоптать «империалистическая германская гидра». Рядомъ съ этими воззваніями еще большіе листы расклеиваются ежедневно, возвѣщающіе, что «танцульки» до четырехъ часовъ утра. . . балъ... концертъ и опять балъ... Конечно, исключительно для матросовъ и красноармейцевъ.

20 февраля.

Миръ въ Брестъ - Литовскѣ Троцкимъ подписанъ.
Нарва, однако, взята Германцами. Ихъ ждутъ здѣсь одни съ тревогой, другіе — съ надеждой.

11 марта.

Только что мнѣ звонилъ графъ З, сегодня выпущенный изъ подъ ареста, гдѣ сидѣлъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, котораго отправля-

ють въ Пермь. З. говорилъ, что допросъ великаго князя производился гнусно. Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Сегодня заѣзжалъ ко мнѣ морякъ Д—в. рассказывалъ подробности послѣдней январьской бойни въ Севастополѣ. Убито 250 морскихъ офицеровъ. Летчикъ Филоненко былъ организаторомъ этой бойни. Офицеры умирали стойко и хладнокровно, что еще больше взвинчивало кровожадность палачей. Въ Феодосіи они привели къ морю 62 человѣка изъ «буржуевъ» и, связавъ, сбросили ихъ въ море. Графъ Татищевъ, съ усмѣшкой передалъ имъ дорогой портсигаръ и бумажникъ и съ усмѣшкой погибъ.

18 марта.

Одесса, Николаевъ, Бахмачъ и Ворожба взяты Германцами. Въ Кіевѣ большевиками убито около 2500 человѣкъ офицеровъ.

Асташовъ, провѣривъ и отмѣтивъ эти краткія замѣтки по болѣе пространнѣмъ, записаннымъ въ толстой тетради, которую онъ не рѣшался брать съ собой, отложилъ ихъ въ сторону и, послѣ минутнаго раздумья, поднялся съ кресла, подошелъ къ догоравшему камину и бросилъ тетрадь на раскаленную грудѣ угля. Яркое пламя занялось по краямъ раскрытыхъ исписанныхъ листковъ и прохватило ихъ насквозь, какъ часъ тому назадъ оно охватило и испекло связки писемъ и документовъ, вынутыхъ изъ ящиковъ письменнаго стола.

Асташовъ взялъ отложенныя записки, завернулъ ихъ и спряталъ въ приготовленный для дороги, лежавшій на диванѣ, чемоданъ. Вернувшись къ креслу, онъ плотнѣе запахнулъ халатъ, удобно усѣлся и, взявъ съ полочки пачку писемъ, перевязанную широкой голубой лентой, еще благоухающую давнишними духами, развязалъ ихъ и листъ за листомъ, сталъ перечитывать исписанныя мелкимъ и чет-

кимъ почеркомъ страницы. На губахъ его мелькала слабая улыбка. . . Прочитавъ нѣсколько листовъ, онъ опустилъ ихъ на колѣни и задумался, глядя прямо передъ собой. Изъ противоположнаго конца комнаты на него глядѣло старческое сухое лицо Вольтера, со смѣившейся на мраморныхъ устахъ злой, саркастической улыбкой. Казалось, что слѣдя неподвижными очами за смѣняющейся игрой его лица, мраморный старикъ отгадывалъ его мысли и, то одобрялъ, то высмѣивалъ ихъ.

Асташовъ встрѣтился съ устремленнымъ на него мраморнымъ взглядомъ, отвѣтилъ ему такой же холодной, циничной улыбкой, связалъ недочитанныя письма и отложилъ ихъ рядомъ на столикѣ, чтобы предать огню. Онъ посмотрѣлъ на часы: было половина второго. Для него, привыкшаго обращать ночь въ день, это былъ еще ранній часъ и спать не хотѣлось. Онъ хотѣлъ читать, но мысли разлетались. Уже оторванный отъ жизни въ Петроградѣ, онъ уносился мыслью въ Парижъ, гдѣ провелъ большую часть своей жизни и гдѣ рѣшилъ поселиться навсегда. Воображеніе рисовало ему небольшую комфортабельную квартиру гдѣ-нибудь подлѣ Rue de la Paix; онъ видѣлъ веселую, суетливо-спующую по бульварамъ публику, на всѣхъ углахъ кафѣ съ бѣлыми столиками, вереницу быстро мчащихся нарядныхъ автомобилей, всю эту клокочущую шумную жизнь большого, веселаго и богатаго города.

Въ тишинѣ ночи до его слуха донесся тяжелый тупой и настойчивый стукъ въ нижнія двери. На минуту замолкъ и повторился съ удвоенной силой. Асташовъ поморщился, поднялъ съ колѣнъ книгу и, заставивъ себя сосредоточиться, опять принялся за чтеніе. Прошло нѣсколько минутъ. Послышались громкіе голоса и тяжелые шаги сперва отдаленные, затѣмъ близко въ сосѣднемъ залѣ. Безъ обычнаго стука въ дверь, откинулась тяжелая портьера, и на порогѣ появился лакей, въ накинутомъ на скорую руку пальто, съ заспаннымъ и встревоженнымъ лицомъ:

— Явились съ обыскомъ... матросы и солдаты... —
вполголоса скороговоркой проговорилъ онъ.

— Если явились, такъ пусть и обыскиваютъ, — спокойно отвѣтилъ Асташовъ.

— Спрашиваютъ ключи отъ шкаповъ.

— Ключи въ библіотекѣ на маленькомъ шкапу. Возьми и все имъ открой.

Дверь распахнулась и, одинъ за другимъ, въ кабинетъ ввалилась толпа матросовъ и вооруженныхъ солдатъ.

— Что - жъ разговоры разговаривать?! Открывайте шкапы и ящики. Нечего тутъ валандаться. Ты, Петровъ, иди - ка съ ними въ тѣ комнаты, а мы здѣсь орудовать будемъ, — обратился къ своему товарищу высокій матросъ, со сплюснутымъ носомъ и маленькими, непріятно бѣгающими во всѣ стороны, недобрыми глазами. Сдвинутая назадъ мѣховая шапка открывала узкій лобъ. Видъ у него былъ наглый и вызывающій.

— Покажите удостовѣреніе на право обыска, — подымаясь съ кресла, холодно обратился къ нему Асташовъ.

— Коли пришли, такъ значить по праву. Читайте. — Матросъ ухмыльнулся и вытащилъ изъ кармана скомканный листъ бумаги.

— Что у васъ въ этой комнатѣ? Товарищи, допрежь сосѣднюю осмотрѣть, — открывая дверь въ залъ и давая полный свѣтъ хрустальной люстрѣ, распорядился матросъ. Асташовъ, скрестивъ руки остановился у порога.

— Ломать ящики, что - ль? — спросилъ солдатъ, тыкая носкомъ грязнаго сапога большой деревянный ящикъ, въ которомъ были упакованы двѣ Севрскія вазы, предназначенныя для отправки Вероникѣ.

— Ломай, — отозвался матросъ.

— Тащи, что тамъ есть.

— Кувшины.

— Ладно. Къ черту ихъ!

Солдаты, съ трудомъ вытащившіе тяжелыя, великолѣпныя вазы, швырнули ихъ обратно одну на другую. Раздался чистый звукъ разбиваемаго вдребезги фарфора, отозвавшійся болью въ сердцѣ Асташова. Онъ стиснулъ зубы и продолжалъ неподвижно стоять на томъ же мѣстѣ.

Громадный ящикъ, въ которомъ былъ упакованъ богемскій хрусталь на двадцать четыре персоны, былъ также взломанъ, и весь хрусталь перебитъ безжалостными руками людей, непонимающихъ ни цѣнности, ни красоты вещей.

Вошли въ кабинетъ. Асташовъ бросилъ на письменный столъ связку ключей. Всѣ ящики были открыты, и два матроса принялись ихъ тщательно перерывать. Кромѣ ненужныхъ бумагъ и шнуровыхъ книгъ тамъ ничего больше не оставалось.

Рыскающіе глаза матроса нѣсколько разъ встрѣчались съ упорнымъ взглядомъ Асташова, выражавшимъ пренебрежительное, ледяное спокойствіе. Онъ стоялъ, облокотясь спиной о тяжелую мраморную колонну, на которой стоялъ бюстъ Вольтера. Ехидная, на мертвомъ мраморѣ, улыбка Вольтера какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала брезгливо-надменному выраженію лица Асташова.

Матросъ увидѣлъ лежавшій на диванѣ чемоданъ, раскрылъ его и сталъ выкидывать уложенныя вещи. Его глаза жадно загорѣлись при видѣ драгоценностей въ небольшой кожаной шкатулкѣ. Золотой порт - сигаръ, Екатерининскихъ временъ табакерка, осыпанная брилліантами, и массивный перстень съ изумрудомъ мгновенно оказались у него въ карманѣ.

— Выньте изъ кармана не принадлежащія вамъ вещи, — строго произнесъ Асташовъ.

— Вещи будутъ сданы куда требуется. Самъ знаю, нечего указывать, — грубо отвѣтилъ матросъ, развертывая записки. — Это что - же?..

Контрреволюціонные документы?... Такъ оно и есть... — произнесъ онъ, проглядывая первую страницу. — Такъ-съ!.. Ладно! Тамъ разберутся. Вотъ и леворвертъ... — Онъ положилъ въ карманъ куртки вынутый изъ чемодана револьверъ. — Оружіе есть еще? — обратился онъ къ Асташову, отходя отъ дивана.

— Оружія нѣтъ.

— А почему леворвертъ не сдали?

Асташовъ не отвѣчалъ.

— Говорите, что оружія нѣтъ, а это что? — Матросъ протянулъ руку къ лежавшему на колоннѣ подлѣ бюста Вольтера, изящному стилету, который Асташовъ рѣшилъ вмѣстѣ съ вазами препроводить Вероникѣ, въ воспоминаніе таинственнаго вечера, проведеннаго въ комнатѣ хризантемъ

— Это игрушка, а не оружіе. Оставьте. — Асташовъ накрылъ стилетъ ладонью.

— Знаемъ мы эти ваши игрушки! Сказано сдать, такъ сдавайте. — Матросъ шагнулъ къ нему вплотную,

— Отодвиньтесь! — Голосъ Асташова прозвучалъ рѣзко и повелительно.

— Чего еще разговаривать! Давай сюда оружіе, — со злобой прикрикнулъ матросъ и толкнулъ Асташова въ плечо. Въ ту же секунду онъ былъ отброшенъ однимъ движеніемъ стальной руки Асташова. На его гнѣвно-перекошенномъ лицѣ вздулись подлѣ висковъ жилы, въ глазахъ загорѣлся жуткій огонь. Матросъ, ударившійся объ уголъ книжнаго шкапа, кинулся къ Асташову, выхвативъ изъ кармана револьверъ;

— Ишь ты, собака, драться вздумалъ! — глухо воскликнулъ онъ. — Товарищи, ну - ка его!.. — Онъ хотѣлъ броситься на Асташова, но тотъ взмахнулъ стилетомъ и въ ту минуту, какъ опускалъ его, матросъ почти въ упоръ спустилъ курокъ револьвера. Асташовъ покачнулся и медленно сталъ заваливаться вбокъ, поддерживаемый тяжелой мраморной колонной.

На звук выстрѣла вбѣжалъ лакей, и за нимъ показалась группа обыскивавшихъ солдатъ. Увидѣвъ лежавшаго на коврѣ Асташова, лакей, сильно поблѣднѣвъ, остановился:

— Товарищи, что же вы это?! . Нешто такъ возможно?

— Собакѣ собачья смерть, — сквозь зубы процѣдилъ матросъ, разглядывая разукрашенную рукоятку стилета, выпавшаго изъ рукъ Асташова.

— Какъ же быть теперь? — растерянно произнесъ лакей.

— А никакъ! Разстрѣлянъ за сопротивленіе власти, вотъ и весь сказъ, — набивая въ карманъ взятые со стола вещи, отозвался солдатъ съ проворными глазами и веселымъ разудалымъ выраженіемъ лица.

Гурьбой они вышли изъ кабинета. Лакей, постоявъ минуту надъ неподвижно лежавшимъ тѣломъ, перекрестился и, робко озираясь, вышелъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь.

Асташовъ, раненый на смерть, лежалъ въ полубезпамятствѣ. Жизнь въ немъ угасала. Въ мутномъ сознаніи всплывали блѣдные образы и тѣни. Сердце сковывалось и цѣпенѣло. И вдругъ въ угасающихъ сумеркахъ, гдѣ все было полно мертвой тишины и неподвижности, онъ увидѣлъ себя надъ мутной поверхностью какой то стоячей, ничего не отражающей, желтовато-бурой воды. Безшумно, какъ летучая мышь, откуда-то вырвалась страшная тѣнь съ безкровнымъ лицомъ и огромными водянистыми глазами. Она прыгнула, таща что-то длинное, что-то неподвижное и тяжелое. Асташовъ, съ замиравшимъ отъ ужаса сердцемъ, вглядѣлся и узналъ въ неподвижной массѣ самого себя. Въ смертельной тоскѣ онъ рванулся прочь отъ видѣнья, но оно вскинуло на него мертвыми остановившимися глазами, и онъ почувствовалъ, что сейчасъ оно протянетъ къ нему руку, и онъ — тотъ второй — еще живой, погибнетъ тоже. Ужасъ и отчаяніе наполнили его душу. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы куда-то бѣжать и вдругъ сталъ

медленно, подъ безпощаднымъ, мертвящимъ душу, взглядомъ, погружаться въ желто - бурюю холодную стоячую воду...

Подлѣ кресла медленно умиралъ свѣтъ электрической лампы. Комната погружалась во мракъ. На лицѣ мраморнаго старика, змѣилась ехидная улыбка, обращенная въ сторону Астахова, умиравшаго у подножія его колонны.

IX.

Просторная и уютная квартира сенатора Петра Александровича была неузнаваема: пять комнатъ, ведущихъ отъ передней были заняты новыми жильцами. Всѣ вещи и вся нераспроданная еще мебель были свалены въ неопишуемомъ безпорядкѣ въ двѣ заднія комнаты, выходящія во внутренній корридоръ, подлѣ кухни. Среди хаоса вещей помѣщались двѣ кровати и небольшой столикъ. Анастасія Ивановна, сильно ослабѣвшая, цѣлыми днями лежала на одной изъ этихъ кроватей, въ фетровыхъ, опущенныхъ мѣхомъ, валенкахъ, съ оренбургскимъ платкомъ на, непослушно выбивавшихся изъ подъ него, сѣдыхъ, отъ природы крепированныхъ волосахъ. На столикѣ подлѣ кровати кушали приготовленную тутъ же на крошечной переносной печуркѣ незатѣйливую ѣду. Старикъ самъ колѣлъ щепки и возился подлѣ печурки, приготовляя, съ педантичной аккуратностью въ смыслѣ соблюденія пропорцій, то кашу, то отварной картофель, то соусъ изъ смѣшанныхъ овощей. Прислуга у нихъ смѣнялась чуть ли ни каждый мѣсяцъ, такъ какъ, пользуясь болѣзнью Анастасіи Ивановны, каждая изъ нихъ, наворовавъ изъ сваленныхъ вещей возможно больше, спѣшила уйти, пока воровство не было замѣчено. Такимъ образомъ былъ вытащенъ изъ шкапа весь запасъ бѣлья изъ голландскаго полотна, серебро, платья, ботинки, посуда и всякая мелочь. Пропажа вещей открывалась неожиданно, когда

надо было приступить къ ихъ продажѣ. Отрѣзанные отъ юга, гдѣ было ихъ имѣніе, лишенные сенаторской пенсіи, старики жили на выручаемыя, отъ продажи вещей, деньги. Вещей было много и если-бы ни безостановочная кража, то ихъ могло бы достать на долгое время.

Петръ Александровичъ, несмотря на свои восемьдесятъ пять лѣтъ и на все болѣе и болѣе осложнявшіеся условія жизни, былъ бодръ, съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ внутренней запутанной политики, часто съ сокрушеніемъ покачивалъ сѣдой головой, обросшей длинной густой бородой, но духа унынія не допускалъ въ себѣ и съ надеждой въ умныхъ старческихъ глазахъ встрѣчалъ первые теплые весенніе лучи. Зима была холодная, дровъ было мало, и онъ съ облегченіемъ думалъ о теплыхъ дняхъ, о томъ, что можно будетъ согрѣться и сбросить надоевшую и утомившую тяжелую шубу. Кромѣ раскалыванія щепокъ и возни съ приготовленіемъ ѣды, что отнимало очень много времени, старикъ былъ занятъ составленіемъ описи своей многотомной библіотеки и всѣхъ вещей, предназначенныхъ къ продажѣ. Невѣроятный хаосъ, въ которомъ трудно было разобраться, сильно затруднялъ дѣло, но старикъ методично и терпѣливо копался въ этомъ сумбурѣ вещей, сваленныхъ по всѣмъ угламъ, по всѣмъ столамъ и стульямъ, на подоконникахъ, подъ столами, на шкапахъ, на комодахъ, въ бѣльевыхъ корзинахъ, въ углахъ, въ деревянныхъ ящикахъ.

— Не помнишь ли, Стася, куда дѣвались мои охотничьи валенки? Онѣ гдѣ то были. Я отлично помню, что ихъ привезли изъ имѣнія, — спрашивалъ старикъ жену, отрываясь отъ листа бумаги, на которомъ заполнялъ графу.

— Да, конечно онѣ должны быть здѣсь, — слабымъ голосомъ отзывалась Анастасія Ивановна, въ неудобной позѣ на одномъ локтѣ полулежавшая на кровати и набивавшая табакъ въ коротенькую трубку. — Кажется,

въ желтомъ сундукѣ или въ нижнемъ ящикѣ платьяного шкапа.

— Тамъ нѣтъ. Я вчера смотрѣлъ.

— Значить, уворовали, — кротко вздыхала Анастасія Ивановна.

— А сколько записать скатертей?

— Было двѣ съ половиной дюжины, но есть ли онѣ, я не увѣрена.

— Я сейчасъ посмотрю. Гдѣ онѣ должны быть? — старикъ снималъ большія крутлыя очки и подымался съ мѣста.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Александровичъ, ты лучше оставь, а то опять все перероешь, какъ вчера. Я едва сложила. Тѣмъ болѣе, что скатерти должны быть въ большемъ желтомъ сундукѣ, гдѣ лежатъ шелковыя одѣяла и всякая мелочь.

— Ну, такъ что-же? Вотъ я и посмотрю...

— Ахъ, Петръ Александровичъ, вѣдь время терпѣть, а ты разбросаетъ, и все будетъ валяться.

— Не можемъ же мы продавать вещи, не зная сколько и что у насъ имѣется. За одно я впишу и то, что еще въ сундукѣ есть.

Старикъ куда попало сваливалъ груду вещей, наваленныхъ на большемъ дорожномъ сундукѣ, раскрывалъ его, вытаскивалъ вмѣстимое прямо на полъ, рылся, не находилъ того, что искалъ, разбрасывалъ то, что было аккуратно сложено, и въ концѣ концовъ, сваливалъ вещи обратно, забывая часть ихъ тамъ, куда сунулъ въ первую минуту. Анастасія Ивановна, давно привыкшая покоряться безобиднымъ причудамъ своего мужа, спокойно раскуривая трубку, наблюдала за вновь увеличивавшимся въ комнатѣ беспорядкомъ.

— Ты не положишь обратно вонъ той плюшевой скатерти... а вонъ полотенца чайныя... спрячь же ихъ,

Петръ Александровичъ, — указывала она мужу на брошенную грудь полотенецъ на углу, сплошь заваленнаго вещами, письменнаго стола.

— Куда же я все это положу? Больше тутъ мѣста нѣтъ — все полно, — заявлялъ старикъ, притискивая руками вещи.

— Ну, вотъ видишь, что ты надѣлалъ! Вещи будутъ валяться, и опять ихъ украдутъ, — тѣмъ же спокойнымъ, слабымъ голосомъ замѣчала Анастасія Ивановна.

— Такъ ты потомъ спрячь ихъ куданибудь... Я положу къ себѣ на кровать... Уже пять часовъ! Пора печку топить. Сейчасъ я наколю дровъ, и мы будемъ пить чай.

— Петръ Александровичъ закрой же сундукъ.

— Онъ не закрывается, это я потомъ сдѣлаю. Теперь надо готовить щепки. — Старикъ, не взирая на протесты жены, оставлялъ сундукъ не запертымъ и шолъ возиться съ печкой. Крошечная круглая печечка въ одну конфорку, получившая названіе «буржуйки», поставленная на столикъ и прилаженная трубой къ отдушникъ комнатной печи, отнимала очень много времени, такъ какъ трудно растапливалась, легко тухла и дымила. Старикъ терпѣливо, безъ малѣйшаго раздраженія, раздувалъ безпрестанно затухавшій огонь, подсовывалъ щепки, обжигалъ пальцы, разливалъ закипѣвшій въ кастрюлькѣ кипятокъ, варилъ кашу изъ ржаной муки и увлекался новыми изобрѣтеніями, разнообразившими одну и ту же пищу. Случалось, что обѣдъ, который онъ начиналъ готовить въ шесть или семь часовъ вечера, бывалъ готовъ лишь къ полуночи, такъ какъ печка не растапливалась и дымила, вода не закипала, картофель не разваривался. Анастасія Ивановна, что бы заглушить голодъ, курила трубку за трубкой и жевала корочку хлѣба. Какъ бы ни приходилось тяжело и трудно, старики никогда не жаловались и не роптали, стойко переноса общую участь, постигшую всю интеллигенцію и весь буржуазный классъ.

Снявъ тужурку, въ одномъ жилетѣ, повязавъ въ видѣ передника старую дырявую скатерть, затянутую на затылкѣ узломъ, такъ что оба длинныхъ конца смѣшно торчали за ушами, Петръ Александровичъ стоялъ передъ печкой, помѣшивая въ ея отверстіе короткой, желѣзной палкой, вынутой изъ петель ручной корзинки. Онъ былъ очень доволенъ, что печка на этотъ разъ растопилась довольно быстро и почти не дымила.

— Сегодня можно приготовить картофель съ брюквой и кашу. Время есть. Всего семь часовъ; кипятить сейчасъ закипитъ. Ты какъ думаешь, Стася? — обратился старикъ къ женѣ, сидѣвшей на кровати и съ трудомъ пришивавшей къ наволочкѣ пуговицы.

— Мнѣ очень хочется кофе.

— Можно и кофе, вѣдь есть молотый?

— Есть. Вотъ тутъ на столѣ въ жестянкѣ.

— Ну, такъ я и кофе приготовлю. Пока будемъ кушать кашу, кофе закипитъ.

— Поздно будетъ.

— Не все ли равно. Да и не поздно. Сегодня раннее обыкновеннаго. Вотъ и картофель закипѣлъ. Кажется, я нашелъ секретъ, что бы печка не дымила. Передай мнѣ кастрюльку: я заварю въ ней кашу.

Анастасія Ивановна протянула руку къ стоявшему подлѣ кровати комоду и взяла, среди сваленныхъ вещей, эмалированную закопѣлую кастрюльку.

— И ложечку передай заодно.

Анастасія Ивановна приподнялась на кровати, чтобы разыскать завалившуюся среди массы всякаго рода мелкихъ вещей, золоченую, прекрасной старинной работы столовую ложку, пущенную Петромъ Александровичемъ въ кухонный обиходъ.

Только что онъ отставилъ картофель и принялся подбрасывать щепки въ ярко горѣвшій огонь, какъ постучали въ дверь:

— Къ вамъ гости. Можно войти? — чуть пріоткрывая дверь, проговорила разбитная дѣвушка, прислуживавшая старикамъ поденно и уже успѣвшая стащить двѣ пары ботинокъ и галоши, что составляло крупную сумму, такъ какъ и то и другое стоило въ данное время большія деньги.

— Просите пожалуйста... А, Борисъ Николаевичъ! Здравствуйте, голубчикъ. Какъ я рада, что вы пришли. Садитесь вотъ сюда, поближе ко мнѣ, — обрадовалась гостю Анастасія Ивановна.

— Я не помѣшалъ вамъ?

— Секретовъ нѣтъ. Видите, вотъ я за повара. Угощу васъ кашей собственнаго издѣлія. Я выучился готовить очень хорошую кашу изъ муки.

— Какъ же, знаю я эту кашу. Очень вкусно, въ особенности, если масла положить.

— Да, масла... ну, этого у насъ давно нѣтъ. Слишкомъ большая роскошь; мы не знаемъ сколько оно и стоитъ теперь.

— Ужасно дорого. На базарѣ я самъ видѣлъ двадцать рублей фунтъ.

— Будетъ еще дороже, если не измѣнится политика большевиковъ, — спокойно замѣтилъ сенаторъ, понемногу всыпая изъ банки ржаную муку въ кастрюльку съ кипящей водой.

— Покорно благодарю! Я и то совершенно отошаль. Ёсть нечего. Я привыкъ, какъ вы знаете, много ёсть и, сказать вамъ правду, всегда теперь голодѣть. Кромѣ картофеля и иногда каши — ничего не имѣю.

— Что дѣлать! Насталъ для всѣхъ насъ длительный постъ... Потерпимъ, Борисъ Николаевичъ... — вздохнула Анастасія Ивановна. — Лишь бы организмъ не слишкомъ ослабѣлъ.

— Вотъ въ этомъ то и дѣло, а я чувствую, что начинаю ослабѣвать. Днемъ голодаю, а ночью спать не могу отъ тоскливыхъ мыслей. Какъ живой стоитъ передо мной

мой дорогой Андрей... Какая ужасная, какая трагическая смерть! Сколько ни думаю, — понять не могу и не могу смириться. Гдѣ логика въ этой смерти? Откидываю и свою скорбь и скорбь матери, откидываю личные переживанія и привязанности. Убили человѣка, почти юнца, съ широкой любовью именно къ нимъ, всегда идущаго на встрѣчу нуждамъ народа, горячо защищавшаго ихъ интересы, ненавидѣвшаго внутреннюю политику нашихъ консерваторовъ, горячо привѣтствовавшего революцію... Я даже больше скажу: по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ большевикъ, и они же его убили... Жестоко, беспощадно убили юношу, горѣвшаго къ нимъ любовью. Развѣ это не насмѣшка судьбы?! Гдѣ высшая справедливость? — Силовъ съузиль глаза и острымъ, строгимъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо Анастасіи Ивановны, какъ бы требуя отъ нея отвѣта на свои мысли.

— Мой другъ, существуетъ высшая, отъ насъ скрытая, логика, которую намъ, не могущимъ проникнуть въ тайны будущаго, — понять трудно. Кто знаетъ, что ожидало вашего милаго Андрюшу въ этой жизни, если бы онъ остался съ нами? Кто знаетъ, къ чему привели бы его идеи, какъ вы сами говорите, большевистскаго характера?! А можетъ быть эти идеи сгубили бы его, исковеркали бы его душу, принесли бы только горечь разочарованія. Все возможно.

— Нѣтъ, Андрей былъ умный. Онъ исповѣдывалъ свои идеи сознательно. Я вполне раздѣлялъ ихъ и, сказать правду, не смотря на злобу и обиду противъ звѣрей, убившихъ его, я все таки не могу измѣнить своихъ воззрѣній и остаюсь вѣренъ убѣжденію, что большевизмъ какъ идея — высокъ и долженъ принести обновленіе захудалому и выдохшемуся строю прежняго управленія страной.

— Идея хорошая, но способы проведенія ее въ жизнь никуда не годны, — отозвался сенаторъ, снимая съ огня

кастрюльку съ готовой кашей. — Стася, приготовь салфетку и тарелку: мы сейчас будемъ кушать.

Силовъ изъ деликатности долго отказывался раздѣлить скромный обѣдъ, но пришлось уступить настойчивому требованію всегда хлѣбосольныхъ и гостепріимныхъ стариковъ.

Говорили о политикѣ, объ отдѣленіи Украины, съ русскимъ генераломъ — гетманомъ Скоропадскимъ во главѣ, ставшимъ подъ протекторатъ Германіи; о спекуляціи, принимавшей все болѣе и болѣе широкіе размѣры, о непомѣрно взвинчивавшихся цѣнахъ, объ арестахъ буржуазіи и интеллигенціи, о движеніи съ Дона бѣлой арміи съ генералами Калединымъ, Деникинымъ и Корниловымъ во главѣ. Говорили обо всемъ этомъ спокойно, объективно, забывая личные интересы.

Силова неотступно точила тоска по сынѣ, убитомъ въ началѣ января матросами въ Глуховѣ, куда онъ пріѣхалъ съ фронта, что-бы отдохнуть и пожить въ семьѣ юной семнадцатилѣтней жены, съ которой былъ обвѣчанъ лишь четыре мѣсяца тому назадъ. Силовъ былъ скрытенъ, настойчивъ и упрямъ. Онъ умѣлъ перерабатывать внутри себя удары судьбы, не жалуясь и не показывая людямъ своего горя. Онъ страдалъ глубокимъ и одинокимъ страданіемъ, тѣмъ болѣе, что былъ отрѣзанъ отъ семьи, находившейся въ Финляндіи. Горячо любившій единственнаго сына, онъ находилъ нѣкоторое облегченіе въ томъ, что, среди друзей, знавшихъ убитого юношу, говорилъ о немъ.

— Если-бы былъ живъ мой Андрюша, развѣ онъ допустилъ бы меня такъ голодать?! — говорилъ Силовъ, принимая изъ рукъ Петра Александровича чашку съ горячимъ крѣпкимъ кофеемъ, который старикъ приготовлялъ всегда съ гущей.

— Какой онъ былъ на рѣдкость заботливый и добрый сынъ!.. На дняхъ былъ у меня, пріѣхавшій изъ Глухова,

родственниковъ его жены и подробно разсказалъ какъ это все случилось. Одинъ ужасъ!... Кошмаръ!

— Не надо вспоминать и разстраивать себя, Борисъ Николаевичъ, — остановила его Анастасія Ивановна.

— Нѣтъ, я долженъ разсказать вамъ. Вы только послушайте, что за дикая, безсмысленная кровожадность у нашего народа.

— У всякаго народа, путемъ насилія и террора захватившаго въ свои руки власть, развивается дикая кровожадность. Примѣры этому во всѣхъ революціяхъ, — замѣтилъ сенаторъ, съ наслажденіемъ отпивая изъ чашки дымящійся кофе. — Посолите кофе, это очень вкусно. — Онъ придвинулъ солонку.

— Нѣтъ, я признаю кофе только съ сахаромъ.

— А если его нѣтъ, какъ наprimѣръ у насъ?

— Тогда безъ всего, но сыпать соль въ кофе — это слуга покорный! — развелъ Силовъ руками.

— А вы попробуйте. Это очень вкусно, — настаивалъ старикъ.

— Нѣтъ, увольте, Петръ Александровичъ.

— Я и чай пью теперь съ солью, — продолжалъ Петръ Александровичъ, намѣренно стараясь отвлечь мысли Силова отъ скорбныхъ воспоминаній, но ему это не удалось.

— Да, такъ вотъ что разсказывали мнѣ о смерти моего Андрюши, — заговорилъ Силовъ черезъ нѣсколько минутъ молчанія. — Былъ поздній вечерній часъ, и вся семья сидѣла за чайнымъ столомъ, когда послышались за окнами крики и ругань, а затѣмъ стукъ въ двери и въ ставни рконъ. Не успѣли Андрюша съ тестемъ выйти изъ комнаты, что бы узнать въ чемъ дѣло, какъ ввалилась толпа матросовъ и солдатъ; они тутъ же заявили, что пришли за Андрюшей, потому что онъ офицеръ, сражался за Николая II, что офицерамъ они не вѣрятъ и что расправа у нихъ съ ними короткая. Андрюша спокойно замѣтилъ

имъ, что ни они его, ни онъ ихъ не знаетъ, но что солдаты его полка довѣряли и любили его и было бы разумнѣе сперва навести справки о немъ въ полку.

— Знаемъ мы васъ! Всѣ вы на одинъ ладъ. Некогда тутъ съ вами время терять, — заявили солдаты и окружили Андрея. Онъ былъ совершенно спокоенъ и даже въ лицѣ не измѣнился. Узнавъ, что домъ принадлежитъ тестю Андрея, они потребовали, что бы «буржуй» шолъ съ Андреемъ. Старикъ былъ также спокоенъ. Можете себѣ представить ужасъ молоденькой жены Андрея и старухи его свекрови! Андрей спокойно обнялъ и перекрестилъ жену. Она, говорятъ, ужасно рыдала и умоляла отпустить его. Ихъ вывели на дворъ и тутъ же, на глазахъ у женинѣ, разстрѣляли...

У Силова оборвался голосъ, онъ насупился и умолкъ. Чувствовалось, что, въ наступившей тишинѣ, у каждого роились въ головѣ невеселыя мысли. Анастасія Ивановна тихо вздохнула, отставила на столъ чашку съ недопитымъ кофе и опять принялась набивать трубку. Старикъ громко втягивая, пилъ горячій кофе, и слышно было какъ скрипѣла шалнера его вставныхъ челюстей.

— Сколько теперь въ Россіи, такихъ какъ я, бездомныхъ стариковъ отцовъ, матерей, женъ и сиротъ дѣтей, — прервалъ молчаніе Силовъ, стараясь подавить волненіе и глядя сощуренными, остро глядящими, глазами прямо передъ собой въ запыленное и потускнѣвшее окно. — Въ Кіевѣ они убили болѣе двухъ съ половиной тысячъ офицеровъ. Почти все молодежь хорошихъ фамилій.

— Да, расправа гнусная, слѣпая и вредная для государства, — медленно произнесъ сенаторъ. — Въ одной изъ квартиръ они тамъ убили все знакомыхъ мнѣ людей: старшаго сына Зарянки — прекраснаго, энергичнаго и добраго человѣка на глазахъ его молодой жены; брата жены — князя Яшвиля, Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго — со всѣмъ юнца и Базарова. Кажется еще кого то... Такихъ трагическихъ случаевъ — сколько угодно. Дали волю

низкимъ инстинктамъ звѣря и нѣтъ имъ удержа. Гдѣ революція — тамъ потоки крови... Чѣмъ темнѣе народныя массы, тѣмъ ужаснѣе законъ крови.

— Не знаю отчего мнѣ вспомнился сонъ, который я видѣлъ за нѣсколько дней до революціи, — опять заговорилъ Силовъ. — Я вамъ рассказывалъ его? Представьте себѣ, мнѣ снилось, что я вхожу въ Петропавловскій соборъ. Передъ иконами горятъ лампы, онѣ пусть и теменъ, такъ что я не сразу могъ различить его внутренность. Я медленно иду впередъ и вдругъ вижу, что въ гробницы открыты, и останки всѣхъ усопшихъ царей в нуты и положены прямо на полъ. Начиная отъ Петра Великаго я узнаю всѣхъ. Они лежатъ въ изгнѣвшихъ зеленыхъ мундирахъ, въ выплѣвшихъ регаліяхъ, съ потемнѣвшими, какъ бы покрытыми слоемъ пыли, лицами. Съ удивительной ясностью я узнаю каждого изъ усопшихъ царей. Съ тревогой въ сердцѣ я смотрю на разбитыя гробницы и на разбитыя короны, брошенныя подъ каждымъ изъ нихъ... У царскихъ вратъ передъ иконой Богоматери одиноко теплилась красноватая лампада. Я прошелъ впередъ, опустился на колѣни и сталъ молиться, чувствуя все болѣе и болѣе нарастающую въ сердцѣ тревогу. Когда я поднялся съ колѣнъ и приблизился къ иконѣ, желая приложиться къ ней, то со страхомъ увидѣлъ, что съ нея были сорваны ризы... Я хотѣлъ бѣжать изъ храма и вдругъ услышалъ громкій тоскливый вздохъ. Я понялъ, что этотъ вздохъ вырвался изъ мертвой груди тоскующихъ царскихъ останковъ... Тутъ я проснулся и понялъ, что мой сонъ предвѣщаетъ для Россіи нѣчто грозное. Я не ошибся: сломана корона, поругана церковь, и народъ развращенъ.

— А что новаго въ нашей политикѣ? — спросилъ сенаторъ послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго молчанія. — Эти дни я никуда не выходилъ и потому ничего не слышалъ.

— Да всё то же: ждуть сюда нѣмцевъ, а они не идутъ и вѣроятно совсѣмъ не прійдутъ. Для чего имъ Петроградъ?.. Вы знаете, что Крымъ въ ихъ рукахъ?

— Да, какъ же. Говорять, что тамъ водворенъ полный порядокъ.

— Молодцы Германцы!

— Ну, это еще подождите говорить. Какъ бы Вильгельмъ не сломалъ себѣ шею. Очень зарвался, потерялъ чувство мѣры. Англія и Франція оружія еще не сложили, и я увѣренъ, что побѣда будетъ на ихъ сторонѣ.

Степнѣло и Силовъ поднялся, чтобы уходить.

— Пойду домой. Никогда не тяготился одиночествомъ, а со смертью Андрюши оно давить меня какъ камень. Какъ останусь одинъ, такая тоска охватываетъ, что мѣста себѣ не нахожу.

— Приходите къ намъ почаще.

— Да что же я буду на васъ тоску наводить! Чувствую самъ, что сталъ я невеселымъ, угрюмымъ человекомъ.

Послѣ ухода Силова, Анастасія Ивановна съ трудомъ юднлась съ кровати, оправила ее съ помощью мужа и совсѣмъ улеглась, заправивъ передъ образами въ кіотѣ лампадѣ. Петръ Александровичъ долго еще возился подлѣ кухоньки, подогрѣвая себѣ кофе. Наконецъ, вымывъ въ эмалированной чашкѣ посуду, обливъ себя водой и разливъ цѣлую лужу на полъ, которую вытеръ попавшимся подъ руку коврикомъ, онъ тоже раздѣлся, кряхтя и отдуваясь снялъ сапоги и въ теплыхъ туфляхъ, въ одномъ бѣлье, ставъ въ узкое пространство среди нагроможденныхъ вещей, принялся дѣлать гимнастику, ловко и эластично выбрасывая вверхъ и внизъ руки и сгибая торсъ.

— Ты спишь уже, Стася? — обозвалъ онъ жену.

— Да, мнѣ хочется спать. У меня сегодня какая то слабость.

— Ну хорошо, а ячитаю.

— Да вѣдь ты усталъ, столько ходилъ сегодня... лучше ложись.

— Нѣтъ, мой другъ, я почитаю. — Старикъ надѣлъ большія очки, усѣлся въ потертое кожаное кресло, поставилъ къ краю стола маленькую керосиновую лампу и принялся читать. Не прошло и получаса, какъ въ комнатѣ раздалось равномерное глубокое дыханіе спящей Анастасіи Ивановны и короткое похрапываніе старика. Книга сползла на колѣни, голова опустилась на грудь, какъ салфеткой, прикрывая ее длинной вѣерообразной серебристой бородой. Лампа загасла, и въ темной комнатѣ, переполненной и заваленной вещами, надъ старческой сѣдой головой роились чистыя и свѣтлыя сновидѣнія, какъ были чисты мысли и свѣтла душа сильнаго духомъ и честнаго, въ своемъ прямомъ жизненномъ пути, старца.

Х.

— Здравствуйте, баронъ. Анна Федоровна дома? Она такъ строго приказала мнѣ быть сегодня ровно въ два, что я, боясь ея гнѣва, являюсь безъ пяти два,—говорилъ Михайлъ Савальевичъ Валенко, входя въ переднюю квартиры Гельмъ. Баронъ Николай Федоровичъ самъ открылъ ему входную дверь, такъ какъ семья, состоявшая изъ баронесы старухи матери и двухъ ея дѣтей — барона Николая Федоровича и овдовѣвшей дочери Анны Федоровны Рязанцевой, — рѣшила, какъ и почти всѣ семьи въ Петроградѣ, отправить прислугу, предъявлявшую непомѣрные требованія въ смыслѣ продовольствія, которое доставать становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Каждая семья, добровольно отказывавшаяся отъ прислуги, съ облегченіемъ вздыхала, освобождаясь отъ присутствія тайнаго, а иногда и явнаго врага, готоваго наклеветать, подслушать,

организовать грабежъ въ хорошо изученной квартирѣ или самой наворовать. Преданныхъ слугъ почти не оказалось.

Анна Федоровна поступила на службу желѣзной дороги, гдѣ получала хорошее жалованье и продовольственный пай; баронъ, ни за что не желавшій, что-бы его имя, которымъ онъ всегда кичился, оказалось въ спискѣ служащихъ большевистскому правительству, взялъ на себя все хозяйство включительно до кухни, которую отлично зналъ, будучи тонкимъ гастрономомъ. Старуха мать взяла на себя уборку комнатъ. Такое положеніе установилось въ домѣ еще недавно, и барона занимала его должность кулинара: онъ возился подлѣ плиты, смѣнивъ ту-журку на полосатую «пиджама» съ отвороченнымъ широкимъ воротникомъ лаун-тенисной рубашки, приготовлялъ необычайно вкусные борщи, каши, запеканки и самыя разнообразныя печенья изъ черной муки со всякими спеціями. Что-бы сытно ѣсть, семья, не жалѣя, мало по малу продавала всякаго рода фамилійныя вещи. Тяжелой стороной хозяйства было для барона добываніе продуктовъ, но вскорѣ онъ пріобрѣлъ знакомства между бывшими поставщиками лабазовъ и всякихъ съѣстныхъ лавокъ и довольно ловко покупалъ и обмѣнивалъ вещи на продукты, тонко высмѣивая, со свойственнымъ ему сарказмомъ, продавцовъ, а иногда, будучи не въ духѣ, открыто глумясь надъ ними. Сестра его Анна Федоровна не разъ замѣчала ему, дѣлая брезгливую гримасу:

— Зачѣмъ ты, Коля, пускаешь въ кухню всякій сбродъ? Что тебѣ за охота пачкаться съ ними? Слава Богу, прислуги нѣтъ и можно жить подальше отъ этихъ на-глыхъ людей, а ты ихъ самъ зазываешь.

— Сдѣлай милость, разгони всѣхъ. Буду тебѣ очень благодаренъ, но тогда останешься безъ муки, молока и крупъ. Не думай, что мнѣ весело возиться съ этими рожками. Для васъ это дѣлаю. Мнѣ довольно чернаго кофе, хлѣба съ масломъ и папиросъ.

— Неужели нельзя какъ нибудь иначе это устранивать?— виноватымъ тономъ допрашивала сестра.

— Научи пожалуйста, я попробую.

Анна Федоровна умолкала. Съ грустью глядя на брата, она отгадывала въ его желчномъ отвѣтѣ обиду за незаслуженный упрекъ. Она нѣжно любила его и втихомолку страдала, глядя на трудъ недостойный его образованія, какъ страдалъ каждый изъ членовъ семьи — очень дружной и сплоченной.

Михаиль Савельевичъ Валенко былъ однокашникомъ съ барономъ и особеннымъ его расположеніемъ не пользовался, но въ домѣ бывалъ часто, такъ какъ стремился бывать въ домахъ, гдѣ хорошо жили. Анна Федоровна, какъ и братъ, относилась къ нему свысока, называя выскочкой, но не показывала этого, такъ какъ находила его удобнымъ и пользовалась имъ для всякаго рода мелкихъ услугъ. За его силу, она шутя называла его Михаилъ Силычъ. Валенко не принадлежалъ къ тому столичному кругу, въ которомъ по своему родству вращались Гельмы. Будучи мелко тщеславенъ, хвастливъ и мало самолюбивъ, онъ часто пропускалъ мимо ушей тонкую иронию барона, что бы не ссориться съ нимъ и имѣть возможность называть въ своемъ кругу звонкія имена лицъ, съ которыми встрѣчался въ домѣ барона и въ дома которыхъ всѣми силами стремился пролѣзть. Когда онъ замѣчалъ, что симпатіи въ семьѣ Гельмовъ къ нему ослабѣвали, онъ ловко находилъ случай оказать старушкѣ баронессѣ или Аннѣ Федоровнѣ какую нибудь услугу. Особенно дурныхъ сторонъ въ немъ не замѣчалось, а потому его принимали, а часто и сами звали, когда онъ оказывался нужнымъ Рязанцевой или баронессѣ.

— Какъ вамъ этотъ вральманъ не надоѣсть? — пожималъ плечами баронъ.

— Надоѣлъ, это вѣрно, — отозвалась Анэта.

— Такъ зачѣмъ же ты его зовешь?

— Нуженъ. Я хочу передѣлать брилліантову брошь, и онъ достанетъ мнѣ хорошій рисунокъ.

— И безъ него обошлась бы.

— А мнѣ надо достать съ антресоль большой сундукъ. Когда онъ прійдетъ,— попроси его, Анэточка, сдѣлать это,— добавляла баронесса.

— Какъ-будто дворникъ этого не сдѣлаетъ?!...

— Конечно, нѣтъ. Вѣдь это такая тяжесть, что и двоимъ не сдвинуть, а онъ свернетъ одной рукой.

— Онъ сталъ очень нахаленъ,— настаивалъ баронъ.— Послѣдній разъ сидитъ у тебя въ спальнѣ, развалился, курить... что за свинство!...

— Ну, это я его живо подтяну: не въ первый разъ глотаешь пилюли. А потомъ покормлю, и будетъ пай мальчикъ,— смѣялась Рязанцева.

— До тѣхъ поръ, пока опять ни снахальничаетъ.

— Тогда опять цукнемъ, — невозможно отвѣчала сестра.

— Прошлый разъ, когда была Кранцъ съ дочерьми, онъ былъ совершенно неприличенъ со своимъ свѣшивающимся на лобъ кокомъ, какимъ то, въ кулакъ величиной, поддѣльнымъ камнемъ и клѣтчатыхъ панталонахъ.

Настоящій писарь. Честное слово, я ему это скажу, если онъ опять явится въ такомъ видѣ.

— Конечно скажи, а я поддержу. Онъ все равно не обидится. Ему лишь бы бывать запросто въ домахъ, гдѣ бываютъ титулованныя лица,— разсмѣялась Анэта.

— Дуракъ! Лично мнѣ онъ порядкомъ надоѣлъ,— фыркалъ баронъ.

Въ данное время, когда обстоятельства круто измѣнились, и блескъ титуловъ померкъ. Валенко все же продолжалъ посѣщать домъ Гельмовъ и оказывать дамамъ всякія услуги. Баронъ относился къ нему попрежнему недружелюбно, Анэта еще болѣе высмѣивала его, а старуха баронесса цѣнила его постоянство.

— Все таки онъ каковъ былъ къ намъ, такимъ и остался,— замѣчала она сыну.

— Потому что, какъ его раньше кормили, такъ кормить и теперь. Посмотримъ еще, что дальше будетъ?..

Валенко скинулъ на мѣху защитнаго цвѣта пальто, бросилъ на столъ фуражку и передъ зеркаломъ поправилъ prince - pez и крутой завитокъ черныхъ волосъ въ видѣ свободно-свѣшивавшагося на лобъ локона.

— Вы что, прямо изъ парикмахерской? Ловко они вамъ тамъ кокъ вашъ подвиваютъ,— насмѣшливо глядя на Валенко, проговорилъ баронъ, стоя подлѣ него съ заложенными въ карманы «пиджамы» руками.

— Нѣтъ, у меня волосы вьются отъ природы,— Валенко не замѣчалъ насмѣшки или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ.

— Не волосы, а только вашъ кокъ. На вашемъ мѣстѣ, я бы его давно обрѣзалъ,

— Зачѣмъ? Онъ мнѣ не мѣшаетъ.

— Вѣроятно вы имъ хотите соблазнять дамъ? И что же — удастся? — У барона ротъ скосился въ насмѣшливую улыбку.

— Иногда удастся,— весело отвѣтилъ Валенко, громко сморкаясь въ сильно надушенный платокъ и презрительно громко хохоча вульгарнымъ, короткимъ смѣхомъ.

— Можно видѣть Анну Федоровну?

— Вѣроятно, если она васъ звала. Пройдите въ столовую: тамъ мама дастъ вамъ чаю, а я сейчасъ скажу сестрѣ.

Баронъ прошелъ въ спальню сестры. Анэта, сидя подлѣ окна, зашивала на себѣ оборвавшійся подолъ юбки.

— Явился твой кавалеръ.

— Какой мой кавалеръ? — Рязанцева съ удивленіемъ подняла на брата глаза съ высоко очерченной дугой бровей.

— Писарь-Силычъ. Сегодня онъ особенно въ духѣ. Не хохочетъ, а ржетъ какъ конь и сморкается какъ іерихонская труба. Я послалъ его въ столовую. Пусть нальется кофеемъ.

— Я сейчасъ дошью подолъ. Скажи ему, Коля, чтобы пришелъ ко мнѣ черезъ десять минутъ.

— Хорошо. И пожалуйста послѣ чаю держи его здѣсь, не пускай больше въ столовую; я приготовлю тамъ все къ обѣду, и совершенно не желаю угощать его пирогомъ. И безъ того онъ навѣрное всѣ булочки слопаешь.

— Конечно, слопаешь,— спокойно подтвердила Анна Федоровна. — На этотъ разъ Богъ съ нимъ, пусть лопаешь: мнѣ нужна отъ него серьезная услуга. Ты знаешь, на счетъ моихъ вещей въ сейфѣ.

— Ты все таки рѣшила поручить ему?

— А что-же дѣлать?! Онъ ловкій.

— Ловкій то ловкій, лишь бы мошенникомъ не оказался.

— Ну, Коля! Ужъ это ты слишкомъ!

— Теперь такое время, что ни за кого поручиться нельзя, а за него и подавно.

Вскорѣ въ комнату входилъ Валенко той крѣпкой, аффектированной походкой, которой входятъ на арену борцы, желая показать игру своихъ упругихъ и крѣпкихъ мускуловъ. Поцѣловавъ Анэтѣ руку, не ожидая приглашенія, онъ рѣшительно сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Хоть бы вы, Силычъ, спросили позволенія курить у меня въ спальнѣ. Это невѣжливо,—строго замѣтила Анэта.

— Виновать!... Ради Бога простите. Это я машинально, видя, что вы сами курите.

— Я курю въ своей собственной спальнѣ. Да ужъ закурили, такъ нечего бросать — продолжайте.

— Вы сегодня, кажется, сердитая или не въ духѣ?

— Ничуть. Очень въ духѣ. По случаю праздника на службу не пошла, и потому великолѣпно выпалась. А вы какъ?

— Я тоже хорошо выпался и поздно всталъ. Сегодня со мной, знаете, казусъ произошелъ: я шелъ черезъ Неву и провалился въ прорубь.

— Когда же это было?

— Когда къ вамъ шелъ.

— Откуда?

— Съ Петроградской стороны.

— Какъ же вы провалились въ прорубь, когда вы сухой?

— Я домой забѣгалъ переодѣться.

— А зачѣмъ вы на Петроградскую сторону попали?

— Къ товарищу пошелъ.

— Вы же только что сказали, что сегодня поздно встали.

— Ну да, поздно, но вѣдь уже третій часъ,— ничуть не смущаясь продолжалъ врать Валенко.

— И вы успѣли побывать на Невѣ, провалиться въ прорубь, прибѣжать мокрый домой, высушиться и, какъ ни въ чемъ ни бывало, ко мнѣ явиться? Нѣтъ, милѣйшій Силычъ, все это ваша сплошная фантазія..., попросту говоря, вы врите.

Валенко громко расхохотался и не счелъ нужнымъ настаивать.

— Послушайте, Силычъ, вы какъ то увѣряли меня, что можете изъ подъ носа у большевиковъ вынуть изъ сейфа цѣнность.

— Сколько угодно,— чмокнувъ сочными губами, подтвердилъ Валенко.

— Вытащите мою коробочку. Она точь въ точь какъ эта. У меня было ихъ двѣ.

— Можно.

— Вы серьезно общаете?

— Совершенно серьезно. Для этого мнѣ надо накормить обѣдомъ одного типа, и тогда дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Кормите его поскорѣе; я заплачу за обѣдъ.

— Завтра же это можно устроить. Я съ нимъ сговорюсь вечеромъ по телефону, что бы пріѣзжалъ къ «Контану», котораго, говорятъ, большевики скоро прихлопнутъ, хорошенько его напитаю и дѣло будетъ сдѣлано. Только ужъ обѣдомъ надо его угостить хорошимъ, и вина дать; этотъ типъ поѣсть любить. Прійдется ему взятку дать. У васъ въ шкатулкѣ на крупную сумму?

— Тысячъ на пятьдесятъ по старой расцѣнкѣ.

— Въ такомъ случаѣ тысячъ пять надо будетъ дать.

— Если дѣло сдѣлаете, то конечно и деньги будутъ, такъ какъ можно будетъ продать что нибудь изъ полученныхъ вещей.

— Разумѣется, можно. Я вамъ и покупателя найду. Валенко выкурилъ нѣсколько папиросъ, починилъ замокъ у платянаго шкапа въ спальнѣ старухи баронессы и сталъ прощаться. Мимоходомъ черезъ гостинную онъ наложилъ себѣ полный портсигаръ папиросъ изъ открытой шкатулочки, стоявшей на столѣ и тутъ же нагаль баронессѣ, будто у него только что вытащили изъ трамвая другой, наполненный папиросами портсигаръ.

На слѣдующій день Валенко явился къ Гельмамъ подъ вечеръ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими отъ удовольствія глазами: онъ очень сытно пообѣдалъ у «Контана», вытребовавъ черезъ знакомаго лакея нѣсколько запрещенныхъ рюмокъ коньяку и, подъ видомъ кваса, бутылочку мадеры. Обѣдъ, которымъ онъ угостилъ нужнаго человѣка и, главнымъ образомъ, себя, такъ какъ дѣловой господинъ ѣлъ мало и совсѣмъ ничего не пилъ, обошелся вдвое меньше, чѣмъ онъ поставилъ на счетъ Анэтѣ Рязанцевой. Валенко, развязно потирая руки и во все горло и безпричинно хохоча, заявилъ, что обѣдъ обошелся семьсотъ рублей, такъ какъ необходимо было хорошенько «накачать типа». Рязанцева хотѣла сейчасъ же

уплатить эту сумму, но онъ, съ видомъ человѣка незаинтересованнаго такими пустяками, отклонилъ, сказавъ, что это не важно, что расчетъ будетъ потомъ.

Сидя за чайнымъ столомъ, онъ очень много вралъ и много съѣлъ сладкихъ булочекъ изъ бѣлой муки, которыя баронъ приготовилъ для матери. И то и другое бѣсило барона, и онъ нѣсколько разъ круто обрывалъ его вранье, но Валенко, не смущаясь, засовывалъ въ ротъ одну за другой половинки разломанныхъ булочекъ и продолжалъ рассказывать про себя всякія небылицы, съ цѣлью прихвастнуть и выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ. Когда онъ, потерявъ счетъ, протянулъ руку, чтобы взять еще новую булочку, барона взорвало:

— Скажите пожалуйста, Силычъ, вѣдь вы рассказывали, что получили *légion d'honneur* за полеты на французскомъ фронтѣ.

— М - гм, — промычалъ онъ, прожевывая булку, которой былъ набить его ротъ и утвердительно мотнулъ головой.

— Ну, такъ я долженъ вамъ заявить, что все это вранья: ни за какіе полеты и никакого *légion d'honneur* вы не получали и получить не могли. Это я узналъ достоверно.

— То-есть какъ это? — Дѣлая удивленное лицо переспросилъ Валенко, въ то же время ища способовъ вывернуться изъ непріятнаго положенія.

— А вотъ такъ! Кокарду вы сами себѣ нацѣпили, при чемъ плохо были освѣдомлены и сдѣлали ее слишкомъ большого размѣра т. е. такую, которую и во Франціи то даютъ по особому почету. Потомъ вы рассказывали старухѣ Кранцъ, что представлялись *Clémenceau*, что онъ чуть ли ни вашихъ совѣтовъ спрашивалъ... Зачѣмъ вы все это врете?

— Нисколько не вру...

— Нѣтъ врете, я вамъ, если желаете, докажу это при свидѣтеляхъ. Анэтъ и мамъ вы говорили всякую чушь,

что путешествовали по Индіи и тамъ васъ посвящали: чуть ли не въ іюги, а я знаю что ни Индіи, ни іюговъ вы и не нюхали...

— Скажите пожалуйста, Николай Федоровичъ, что съ вами случилось сегодня? Чего ради вы вздумали читать мнѣ нотаціи? — Валенко попробовалъ сдѣлать обиженное лицо.

— А вотъ того ради,—неожиданно гнѣвно прорвался баронъ, — что я стоялъ сегодня у плиты два часа и, какъ гончая собака, рыскалъ все утро, что-бы найти бѣлой муки совѣсъ не для того, что бы вы слопали всѣ булочки. У мамы катарръ, она не можетъ ѣсть черный хлѣбъ, а васъ раздражаетъ отъ здоровья; вы могли бы вмѣсто булочекъ удовольствоваться и хлѣбомъ.

— Коля, ну что ты говоришь?— въ одинъ голосъ воскликнули сестра и мать.

— Мнѣ ничего больше не остается какъ уйти, такъ какъ я очевидно злоупотребляю гостепріимствомъ барона,— рѣзко отодвигая стулъ на которомъ сидѣлъ, произнесъ Валенко.

— Ну, и уходите, я не заплачу,— желчно фыркнулъ баронъ, скосивъ ротъ и высоко приподнявъ изломанную въ своей линіи бровь.

— Глупости говоришь, Коля! Силычъ, сидите и пейте вашъ чай,— строго остановила брата Анэта. Валенко, не спѣшившій уходить, послушно придвинулся опять къ столу и спокойно допилъ второй стаканъ чаю.

Послѣ его ухода Рязанцева накинута на брата:

— Какъ тебѣ не стыдно, Коля, говорить ему такія вещи, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ мнѣ услугу.

— За эту услугу онъ съѣлъ всѣ булочки. Я не намѣренъ для него жариться у плиты. Этого еще не доставало! На рѣдкость неделикатный человѣкъ. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось попрекнуть своимъ хлѣбомъ-солью, но этотъ обѣдало можетъ святого изъ терпѣнія вывести. Бѣдная мама изъ за него осталась на завтра

утро безъ булочекъ.— Баронъ долго изливаль свое раздраженіе, совѣтуя сестрѣ поменьше защищать «писаря въ клѣтчатыхъ панталонахъ».

Черезъ два дня Валенко явился. Какъ ни въ чемъ не бывало, съ обычной развязностью поздоровался съ барономъ и торжественно вынулъ изъ кармана небольшую шкатулочку. Рязанцева даже вскрикнула отъ радости.

— Какъ, вы достали?!

— Ну, конечно. — Онъ ей подаль коробочку.

— Какъ вы это сдѣлали?

— Очень просто: когда, по распоряженію типа, котораго я накормилъ обѣдомъ, мнѣ открыли вашъ сейфъ, я сдѣлалъ видъ, что заинтересованъ только разборомъ квитанцій и бумагъ. Откладывая ихъ, я сунулъ къ карману эту коробочку.

— Что вы дѣлаете?— остановилъ меня замѣтившій это типъ съ крючковатымъ носомъ.— Вещи брать нельзя. Положите обратно.

— Ахъ, извиняюсь,— отвѣтилъ я.— Я не зналъ, что нельзя, — съ этими словами я вынулъ изъ кармана вашу другую коробочку и благополучно положилъ ее въ сейфъ.

— Ловко продѣлано! У васъ хорошія способности, — покачалъ головой баронъ.

— Типу, который велѣлъ открыть сейфъ, пришлось дать четыре тысячи,— солгалъ Валенко.

— Конечно, конечно,— согласилась Рязанцева.

— Я хотѣлъ дать пять, да въ послѣднюю минуту рѣшилъ сэкономить.

Анэта открыла шкатулочку и вынула изъ нее цѣнное рубиновое кольцо.

— Въ прошломъ году мнѣ за это кольцо давали пять тысячъ. Продайте его теперь тысячъ за восемь, — тогда я смогу расчитаться съ вами и на расходъ еще буду имѣть.

Валенко взялъ кольцо, обѣщавъ продать его возможной выгодѣ.

Дни проходили, а кольцо не продавалось. Рязанцева чувствовала себя очень неудобно, не имѣя свободныхъ денегъ, чтобы разсчитаться съ Валенко за обѣдъ и взятку комиссару, тѣмъ болѣе, что онъ какъ то намекнулъ ей, что сидитъ безъ денегъ. Наконецъ, черезъ большой промежутокъ времени, онъ объявилъ, что куда ни кидался, а за кольцо болѣе пяти тысячъ не дадутъ. Рязанцева, послѣ минутнаго колебанія, рѣшила отдать кольцо за эту сумму, что-бы покрыть свой долгъ. Валенко сейчасъ же уѣхалъ, Баронъ, узнавшій о рѣшеніи сестры, энергично протестовалъ:

— Пожалуйста, поручи мнѣ это кольцо, я ручаюсь тѣмъ угодно, что за восемь тысячъ я тебѣ его продамъ навѣрное, а можетъ быть и дороже. Напрасно ты все это рѣшила безъ меня. За такое кольцо каждый дуракъ дастъ восемь тысячъ.

— Однако, почти мѣсяцъ не дадутъ.

— Это еще вопросъ. Пожалуйста, позвони Валенко и вели ему завтра же привезти кольцо.

— Теперь мнѣ неудобно. Онъ подумаетъ....

— А ну его къ чорту! Пусть думаетъ что хочетъ. Скажи, что я напелъ покупателя.

Рязанцева неохотно согласилась и вызвала по телефону Валенко. Къ ея крайнему удивленію онъ отвѣтилъ, что ровно десять минутъ тому назадъ онъ продалъ кольцо, какъ было условлено, за пять тысячъ.

Баронъ разразился мефистофельскимъ смѣхомъ:

— Ну, и ловокъ же господинъ писарь! Не даромъ у него проявились способности въ родѣ подмѣны шкатулокъ. Видно, что такія шкатулки для него не новы. Ну, что ты теперь скажешь? Очевидно, это кольцо онъ продалъ давно или за него дадутъ конечно больше. Господи, какъ легко за это время люди становятся мерзавцами. Хороша культура, нечего сказать! А еще винять народъ! Тѣ хоть темнотой своей отговориться могутъ, а эти господа съ высшимъ образованіемъ тѣмъ могутъ от-

говориться? Посмотримъ, что онъ будетъ теперь врать. Ужъ я его хорошо отбрю! Надѣюсь, что ему придется раскланяться и больше не являться.

Баронъ сдержалъ слово и очень прозрачно далъ понять Валенко, что дѣло съ кольцомъ онъ считаетъ нечистымъ. Валенко вытащилъ изъ кармана какое-то письмо, въ которомъ говорилось о кольцѣ и пяти тысячахъ. Баронъ письма читать не захотѣлъ; Валенко, долго возившійся надъ составленіемъ этого письма, переписаннаго товарищемъ, сдѣлалъ возмущенно-оскорбленное лицо и, сухо простившись, ушелъ. Черезъ нѣсколько дней онъ забѣжалъ узнать какъ чувствуетъ себя старушка-баронесса, принесъ ей, дешево продававшіяся у знакомыхъ, теплыя туфли, тутъ же починилъ испортившуюся керосиновую кухоньку и ушелъ, наотрѣвъ отказавшись выпить стаканъ кофе. Затѣмъ онъ продолжалъ по прежнему посѣщать домъ, лишь на нѣкоторое время избѣгая барона.

XI.

Послѣ нѣсколькихъ солнечныхъ обманчиво-теплыхъ дней ранней сѣверной весны, задулъ холодный вѣтеръ, небо заволжилось тяжелыми однотонно-сѣрыми тучами, косой дождь, пополамъ со снѣгомъ, не переставая шель съ утра и, казалось, зима опять была готова загнать за свои ледяные затворы первые робкіе проблески весеннихъ теплыхъ лучей, съ которыми обыватели Петрограда ожидали новыхъ вѣяній и облегченій отъ тревожной, полной катастрофическихъ переживаній — зимы. Но вмѣсто облегченія, ранняя весна несла пророчество новыхъ испытаній: уменьшалось количество выдаваемого по карточкамъ хлѣба, на базарахъ цѣны на продукты росли съ невѣроятной быстротой, и сами продукты исчезали; большевистское правительство открыто объявило войну жизни. Еще полъ года тому назадъ, она еле-еле

терроръ по отношеніи буржуазнаго класса, въ который была включена и вся интеллигенція. Съ каждымъ днемъ увеличивалось число арестовъ, переполнялись тюрьмы, и массовые разстрѣлы сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Темныя массы, натравленные противъ интеллигенціи и буржуазіи, самовольно врывались въ квартиры, грабили и убивали, прикрывая свои преступленія летучимъ словомъ «контрреволюція» оправдывавшимъ всякія беззаконныя дѣянія. Кто могъ — старался бѣжать изъ Петрограда на Югъ, бросая насиженные гнѣзда со всѣмъ добромъ, съ полными обстановками. Особеннымъ гоненіямъ подвергались бывшіе военные, для которыхъ выѣздъ изъ Петрограда становился почти невозможнымъ.

Чуть ли ни ежедневно печатались декреты, отзывавшіеся болью въ сердцахъ интеллигентнаго класса, противъ котораго они были составляемы.

Весь день Марія Апполоновна чувствовала себя въ очень приподнятомъ нервномъ состояніи, такъ какъ она приняла рѣшеніе довести въ этотъ вечеръ свою тонко рассчитанную игру съ Бачаевымъ до конца. Хорошо изучивъ его несложную психологію недалекаго самодовольнаго кавказца, она за послѣднее время чувствовала, что ея власть надъ нимъ достаточно укрѣпилась, что-бы рискнуть на послѣдній рѣшительный шагъ.

Несмотря на то, что вокругъ нее всѣ ея бывшіе друзья и знакомые стонали, жаловались, страдали и гибли, она не только не испытывала на себѣ репрессій новаго режима, но жила, въ общемъ, недурно и даже начинала иногда думать, что живется въ данный моментъ плохо только тѣмъ, кто не умѣетъ или не хочетъ быть благоразумнымъ и относится слишкомъ щепетильно къ вопросу принциповъ и убѣжденій. Насколько въ первые мѣсяцы послѣ переворота она была удручена и пришиблена новыми условіями жизни, настолько теперь была полна вновь зарождавшихся надеждъ на возможную переменѣ въ лич-
сводила концы съ концами, не смотря на скромность

своего бюджета; теперь же она припрятывала довольно крупныя суммы въ затаенные уголки, зашивала въ диванныя подушки Николаевскія деньги и всегда имѣла въ шкапикѣ, ключъ, отъ котораго носила при себѣ, вкусныя лакомства, стоившія большихъ денегъ. Она давно отказалась отъ первоначальнаго плана атаковать Языкова, встрѣтивъ болѣе податливаго и, въ данное время, болѣе выгоднаго поклонника въ лицѣ кавказца Бачаева. Встрѣчи съ нимъ очень участились и, по его безцеремонно-вульгарнымъ комплиментамъ и подаркамъ, она стала понимать, что насталъ моментъ рѣшительнаго наступленія. Сбросивъ съ себя, безъ малѣйшаго колебанія и упрековъ совѣсти, всякія обязательства къ бывшему жениху, волей рока павшаго съ высотъ блеска и величія въ безпросвѣтное отчаяніе тюремнаго одиночества, она рѣшила, что лично для нея его заключеніе было удобно, такъ какъ развязывало ей руки и освобождало отъ заботъ и хлопотъ о немъ. Какъ разъ наканунѣ она видѣла его сестру — Вѣру Илларионовну, сообщившую ей, что онъ серьезно боленъ, что она усиленно хлопочетъ объ его освобожденіи и надѣется, что можетъ быть хлопоты увѣнчаются успѣхомъ, въ виду серьезности его болѣзни. Марія Апполоновна поспѣшила распрощаться съ Михайловской, избѣгая дальнѣйшаго разговора о своемъ бывшемъ женихѣ. Сообщение о болѣзни и возможности его освобожденія родило въ ея головѣ планъ рѣшительной атаки Кавказца, который или не понималъ что настала пора для объясненія, или намѣренно оттягивалъ его.

Утромъ Бачаевъ звонилъ къ ней по телефону, спрашивая почему, заѣзжая къ ней, онъ не засталъ ее дома два раза подрядъ, и почему она не звонила ему?

— У меня много хлопотъ это время, и я очень устаю,— отвѣтила Мэри.

— Да вы хоть позвонили бы ! . .

— Что же звонить, когда на душѣ невесело.— Мэри сдѣлала видъ, что подавила тяжелый вздохъ.

— Отчего же у васъ на душѣ невесело? Скажите мнѣ, можетъ быть я развеселю васъ.

— Нѣтъ, не надо,— грустнымъ тономъ произнесла она.

— А вы попробуйте.

Мэри молчала.

— Однако, я вижу, что вы дѣйствительно что то не въ духѣ. Что случилось? Можно къ вамъ пріѣхать? Днемъ я буду очень занятъ, а вечеромъ могу быть у васъ. Хотите въ театръ пойти, такъ я билеты достану.

— Ахъ, нѣтъ!.. Мнѣ не до театра.

— Ну, не надо, не надо. А конфетъ привезти? Очень хорошія есть, совсѣмъ какъ прежнія.

— Конфетъ привезите,— упавшимъ голосомъ отвѣтила Мэри.

— Такъ до вечера. Развеселитесь пожалуйста, а то вамъ не идетъ быть печальной.

Марія Апшолоновна повѣсила трубку телефона и въ веселомъ настроеніи провела день, готовясь къ рѣшительному моменту.

Когда пришелъ Бачаевъ, она заставила его довольно долго ждать и наконецъ, услыша его посвистываніе и нетерпѣливые шаги по комнатѣ, вышла съ озабоченнымъ, грустнымъ лицомъ.

— Что же это вы заставляете меня ждать вашего выхода, какъ въ прежнее время министръ просителя?—проговорилъ Бачаевъ, цѣлуя ея руку и удерживая пальцы въ своей большой горячей рукѣ.

— Извините меня, Иванъ Петровичъ, у меня много хлопотъ; я до сихъ поръ не докончила еще приборку комнаты. Вѣдь надо ее устроить удобно и уютно...

— Какой комнаты?

— Вѣдь онъ болѣнъ и надо, что бы у него все было,— дѣлая видъ, что она не слышала вопроса, продолжала Мэри.

— Кто боленъ? О комъ вы говорите? — удивленно переспросилъ Бачаевъ.

— Развѣ я вамъ не говорила? Вѣдь Михаила Илларионовича могутъ выпустить со дня на день.

— Какого Михаила Илларионовича? Я ничего не понимаю, — со свойственной кавказцамъ несдержанной вспыльчивостью, воскликнулъ Бачаевъ.

— Михаилъ Илларионовичъ Быстровъ.

— А къ чему онъ вамъ?

— Что вы говорите?! Вы же знаете, что меня съ нимъ связываетъ прошлое, — Мэри сдѣлала строго-удивленное лицо, какъ-будто поражаясь неосвѣдомленности Бачаева.

— Во первыхъ, откуда я могу это знать, разъ вы не дѣлитесь со мной вашими секретами, а во вторыхъ...

— Какой же тутъ секретъ, если это было извѣстно всему Петербургу, — перебила Мэри.

— Я не вращался, какъ вы, въ большомъ свѣтѣ, а потому не обязанъ былъ знать, что тамъ дѣлалось, — все въ томъ же повышенномъ тонѣ, вращая блестящими черными на синеватомъ бѣлкѣ зрачками, продолжалъ кавказецъ. — Вы не посвящали меня въ вашу прошлую жизнь.

— Я не знала, что это васъ интересуетъ.

— Ахъ, не знали?! Ну, въ такомъ случаѣ, я вамъ докладываю, что очень интересуетъ, и прошу васъ сказать мнѣ, почему господинъ Быстровъ имѣетъ право рассчитывать на комнату въ вашей квартирѣ, хотя у него гораздо больше данныхъ рассчитывать на разстрѣлъ.

— Иванъ Петровичъ, я прошу васъ такъ не говорить. — Мэри остановила его движеніемъ руки. — Быстровъ былъ арестованъ за нѣсколько дней до нашей свадьбы.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! — Бачаевъ криво усмѣхнулся. — Прошу извиненія! Я и не подозревалъ этого. Счастіе ваше, что свадьба эта не состоялась, иначе мы съ вами не разговаривали бы теперь, такъ какъ и вы находились бы въ томъ же помѣщеніи за Невой, именуемомъ Трубецкимъ бастіономъ.

— Ну, это ужъ другое дѣло!

— И что же: вы хотите обвиняться съ нимъ теперь?— насмѣшливо глядя на Мэри, спросилъ Бачаевъ.

Она пожала плечами: — Я ничего не знаю и ни о чемъ не думаю. Что будетъ, то будетъ.

— Однако, вы хотите, что бы онъ у васъ теперь жилъ?

— Разъ онъ былъ моимъ женихомъ...

— Мало ли что былъ! это не важно.

— Вѣдь я свободна, слѣдовательно ничто не измѣнилось, и онъ вправѣ рассчитывать на мою къ нему... — Мэри запнулась.

— Привязанность, вы хотите сказать?

— Скажемъ, добрыя чувства.

Она начинала предвидѣть по тону разговора, что ея игра можетъ быть выиграна, и это сознаніе вызвало на ея лицѣ радостную улыбку, которую она поспѣшила замаскировать.—

— Дайте мнѣ папироску; я такъ устала!... Со вчерашняго вечера топчусь, прибирая комнату.

Мэри съ утомленнымъ видомъ сѣла на диванъ, закурила, протянутую ей въ золотомъ портсигарѣ; папиросу, откинула голову на шелковую подушку и, щурясь, что-бы скрыть въ глазахъ выраженіе веселости, слѣдила за Бачаевымъ, который усиленно курилъ и какъ будто бы что то обдумывалъ.

— А чѣмъ же господинъ Быстровъ боленъ?— наконецъ прервалъ онъ молчаніе.

— Общее нервное разстройство. Можетъ быть на свободѣ, при хорошемъ питаніи и уходѣ онъ еще и выздоровѣетъ.

— Какое же теперь можетъ быть хорошее питаніе? Смѣшно васъ слушать!

Бачаевъ, какъ всѣ кавказцы, послѣ шипящихъ ставилъ мягкій знакъ и потому смѣшно говорилъ «смѣшью».

— Врядъ ли онъ будетъ стремиться тутъ оставаться...

— Врядъ ли его и выпустятъ отсюда.

— При желаніи можно и убѣжать.

— На это надо имѣть деньги, а вѣдь онъ совершенно раззоренъ.

— Найдутся друзья, что-бы помочь.— Мэри намѣрено взвинчивала ревность Бачаева.

— Изъ всего, что я слышу отъ васъ сегодня, Марія Апполоновна, я могу сдѣлать заключеніе, что вы отличаетесь большимъ постоянствомъ.

— Да, постоянствомъ въ чувствѣ признательности къ тѣмъ, кто въ трудныя минуты моей жизни умѣлъ быть мнѣ другомъ и приходилъ мнѣ на помощь.

— Развѣ въ вашей жизни только одинъ господинъ Быстровъ сумѣлъ выразить вамъ свою дружбу?

— Я не говорю этого,— протянула Грачева.

— А что касается желанія быть вамъ полезнымъ, то, если-бы вы были внимательнѣе, то нашли бы такихъ между людьми, съ которыми вы встрѣчаетесь.

Мэри молчала. Ей хотѣлось разсмѣяться: кавказецъ говорилъ именно то, къ чему она его вела.

— Вы меня понимаете, Марія Апполоновна?

Бачаевъ затушилъ въ пепельницѣ окурки папирсы, рѣшительнымъ движеніемъ всталъ и пересѣлъ на кресло рядомъ съ диваномъ.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, я не понимаю.— Мэри вздохнула. — Вѣдь я по опыту знаю, что искренно благожелательныхъ людей мало, въ особенности въ трудныя минуты.

— Давайте, милая барынька, поговоримъ съ вами обстоятельно. Который теперь часъ? Десять. Вы задержите немного чай, что бы не прерывать разговора. Кстати, тамъ въ передней лежитъ пакетъ со всякими прибавленіями къ вешему чаю. Останетесь довольны...

— Сіасибо вамъ, Иванъ Петровичъ. Вы балуете меня.

— Такъ вотъ, скажите мнѣ откровенно, но только, прошу васъ вполне откровенно... Вы общаете мнѣ?

— Разуѣтся.

— Ваши чувства къ господину Быстрову не измѣнились?

— Они все тѣ же, Иванъ Петровичъ.

— Ахъ вотъ какъ! — Бачаевъ рѣзко передернулся въ креслѣ. Подъ тяжестью его большой фигуры кресло затрещало. Наступило минутное молчаніе. Грачева, зорко наблюдавшая за выраженіемъ его лица, была довольна. Съ намѣреніемъ она продлила молчаніе и, наконецъ, заговорила, дѣлая видъ, что взвѣшиваетъ каждое слово:

— Видите ли, Иванъ Петровичъ, я отвѣтила на вашъ вопросъ буквально; теперь я раздумываю о томъ, слѣдуетъ ли мнѣ дать вамъ дальнѣйшее поясненіе.

— Вы же обѣщали быть со мной откровенной, и я рассчитываю на это, Марія Апполоновна.

— Да, но . . . — Грачева сама не знала, что должно слѣдовать за «но».

— Разрѣшите мнѣ задать вамъ рядъ вопросовъ?

— Пожалуйста.

— Если господинъ Быстровъ, переѣхавъ къ вамъ, пожелаетъ удержать за собой права жениха, вы дадите согласие?

— Да вѣдь права эти ничѣмъ не нарушались: мы разстались наканунѣ свадьбы.

— Прекрасно. Если онъ захочетъ ухватъ, вы послѣдуете за нимъ?

— Если никакихъ измѣненій въ моей личной жизни не будетъ, то вѣроятно. Какія данныя могутъ у меня быть для нарушенія нашихъ прежнихъ отношеній?!

— Значить, какъ вы только что признались, вы его любите по прежнему? . .

— Я говорила нѣсколько иначе.

— Смыслъ тотъ-же.

— Вы думаете? — усмѣхнулась Грачева.

— Развѣ въ вашей жизни ничего новаго не произошло? Неужели вы такъ мало наблюдаете?

— Я вѣрю своимъ наблюденіямъ только тогда, когда они провѣрены.

— Попробуйте провѣрить.

— На это надо время, а теперь, съ переѣздомъ ко мнѣ Михаила Илларионовича, врядъ ли оно будетъ у меня.

— Ну, такъ я помогу вамъ поскорѣе провѣрить эти наблюденія и скажу, что переѣздъ сюда господина Быстрова мнѣ очень и очень непріятенъ... и даже больше, а потому я прошу васъ не перевозить его сюда и вообще измѣнить къ нему отношенія.

Грачева молчала.

— Марія Апполоновна, вы согласны исполнить мою просьбу? Я не хочу видѣть этого господина здѣсь, да и вообще не желаю встрѣчаться съ нимъ.

— Почему?

— Потому что... вы сами хорошо знаете почему: потому, что я ревную васъ...

— Ну, это еще не резонъ! Мало ли кто вздумаетъ меня ревновать! — Пожала Мэри плечами.

— Вы меня ставите на одну доску со всѣми? Вы не видите во мнѣ ничего, что могло бы меня поставить въ болѣе выгодныя условія?

— То что я думаю, я пока оставляю при себѣ.

— Довольно намъ играть въ прятки. Скажите мнѣ, согласны ли вы передать мнѣ права господина Быстрова? Повѣрьте, что въ данное время вы только выиграете отъ этого, а ему можно найти хорошую сидѣлку и безъ васъ. Зачѣмъ вамъ теперь господинъ Быстровъ? Я не хуже его. Что вы на это скажете? — Бачаевъ взялъ руку Грачевой

— Для меня это такъ неожиданно... я не могу сразу собрать мыслей....

— Отбросьте всѣ мысли и подумайте только сердцемъ. Неужели оно не даетъ отвѣта?

Бачаевъ прижалъ къ мясистымъ сочнымъ губамъ руку Грачевой.

— Ахъ, милый Иванъ Петровичъ, смѣю ли я, должна ли я слушаться въ данный моментъ моего сердца? А чувство долга?

— Какой тамъ, къ чорту, долгъ?! Каждый изъ насъ долженъ думать о своемъ личномъ счастіи, а въ особенности теперь, когда жизнь стала похожа на хожденіе по канату. Послѣ года сидѣнія въ тюрьмѣ господинъ Быстровъ не можетъ сохранять за собой права жениха.

— Отчасти вы правы, но я то смѣю ли отнимать ихъ у несчастнаго человѣка?

— Это смѣшныя сентиментальности. Вы слишкомъ умны для нихъ. Забудьте вашего бывшего министра. Хотя вы и заявили мнѣ, что ваши чувства къ нему не измѣнились и сдѣлали мнѣ этимъ большую обиду.

— Иванъ Петровичъ, вы сказали мнѣ такъ много, что я считаю теперь своей обязанностью сознаться вамъ, что чувства мои не измѣнились къ Быстрову потому, что никогда у меня не было къ нему ни любви, ни даже привязанности. Я согласилась быть его невѣстой, такъ какъ никого не любила, видѣла въ немъ преданнаго друга, заботливаго и нѣжнаго. Положеніе его было блестяще; моимъ согласіемъ на этотъ бракъ руководилъ только разумъ, сердце же было безучастно. Все пережитое съ тѣхъ поръ, такъ утомило меня морально, что я рѣшила на всемъ поставить крестъ и вычеркнуть чувства изъ личной жизни. Вотъ причина, мѣшавшая мнѣ отдаваться порывамъ моего сердца по отношенію васъ, милый Иванъ Петровичъ.

— Не Иванъ Петровичъ, а Ваню. Такъ зовутъ меня у насъ на Кавказѣ. Для васъ я теперь Ваню.

— Хорошо, милый Ваню... я согласна...

— Значитъ вы любите меня и ни о какомъ Быстровѣ и переѣздѣ его къ вамъ не можетъ быть и рѣчи. Вѣрно?

— Да....

Бачаевъ, со всѣмъ пыломъ Кавказской природы, заключилъ Мэри въ свои сильныя объятія и сразу сталъ бурно веселъ.

— Обвѣнчаемся мы скоро, у меня будетъ умная и дѣловитая жена... мы съѣздимъ на Кавказъ, какъ только туда можно будетъ пробраться, ты познакомишься съ моей семьей... вообще, все будетъ очень хорошо!

— Господи, точно сонъ!... Я не могу прийти въ себя... такъ неожиданно сразу все измѣнилось,—говорила Мэри, отлично разыгрывая комедію растерянности.

— Вотъ и хорошо, что неожиданно. Я очень люблю, чтобы все дѣлалось скоро... Разъ-разъ-разъ!— Бачаевъ энергичнымъ жестомъ пояснилъ свою мысль, — И съ вѣнчаніемъ не будемъ медлить. Когда ты хочешь, Мэричка?

— Право, я затрудняюсь отвѣтить. Надо все таки хоть кое что приготовить, — отвѣтила Мэри, въ душѣ желая больше самого Бачаева сократить срокъ жениховства.

— Что тамъ готовить! Сдѣлаемъ что надо послѣ свадьбы. Навѣрное наготовлено было не мало для свадьбы съ министромъ, а что толку вышло? Онъ угодилъ въ тюрьму, а ты осталась безъ гроша. Хорошо еще, что тебя въ покоѣ оставили. Вотъ мы какъ рѣшимъ: свадьба черезъ двѣ недѣли... да, да, не позже. Откладывать нечего. Повѣнчаемся и тогда будемъ квартиру приводить въ порядокъ. Думаю, что надо остаться на моей теперешней; она маленькая — всего въ три комнаты, что въ данное время лучше и безопаснѣе. Обставлять ее особенно не слѣдуетъ, что-бы не притягивать вниманье нежелательныхъ лицъ. Если ты не знаешь, то я скажу тебѣ, что денегъ у меня очень много, и потому мы должны устраиваться такъ, чтобы это не бросалось въ глаза.

— Однако, я должна сказать тебѣ, милый Ваню, что это можетъ прийти въ голову: ты бросаешь много денегъ въ кафэ и ресторанахъ.

Это не важно. Лишь бы этого не было замѣтно по квартирѣ. Я деньги бросаю легко, но, въ то же время, я очень остороженъ и дѣла свои веду съ оглядкой.

— Это я замѣтила и мысленно очень хвалила тебя.

— Мы съ тобой, Мэричка, однихъ взглядовъ, это я скоро подмѣтилъ; какъ говорится, одного поля ягода. Мы еще тутъ завертимъ машину и какъ-скоротимъ миллиончиковъ десять, такъ и удеремъ подальше. Ты согласна?

— Отъ всей души. А теперь я пойду распорядиться, что-бы намъ дали чаю.

— Не забудь взять изъ передней пакетъ. Какъ разъ къ случаю тамъ найдешь бутылочку вина.

Эластичной походкой, чувствуя, что въ ней бьется каждая жилка отъ неожиданно нахлынувшей радости, Мэри вышла изъ комнаты. Изъ передней она захватила громадный тяжелый пакетъ и, пройдя съ нимъ въ маленькую, чисто-прибранную кухню, стала его развязывать. Отъ радости у нея дрожали руки, и она долго не могла распутать толстаго узла бичевки.

Въ корзинкѣ оказались всякія вкусныя вещи, которыми Бачаевъ обыкновенно баловалъ ее всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ ней чай пить или обѣдать. Тамъ была бутылка мадеры, прекрасная ветчина, сыръ, варенье, медъ, бѣлые хлѣбцы, нѣсколько плитокъ шоколаду, сардины, сливочное масло и даже коробка съ конфетами. Мэри, привыкшая къ этимъ роскошнымъ приношеніямъ Бачаева, разсѣянной рукой разворачивала пакеты, переполненная радостными мыслями о близкой счастливой пристани, которая, она чувствовала, на этотъ разъ не окажется миражемъ, какъ это случилось годъ тому назадъ.

— А все таки мнѣ адски везетъ! — думала Мэри. — Правда, я упорно стремлюсь къ разъ намѣченной цѣли, и стоитъ мнѣ это не мало нервовъ и бессонныхъ ночей. Конечно, другая на моемъ мѣстѣ не сумѣла бы такъ быстро ориентироваться съ новыми обстоятельствами и

условіями жизни, но надо умѣть жить, надо быть разумнымъ... Теперь мало одного ума. Хотя бы эта несчастная семья Гельмовъ: что толку въ ихъ баронствѣ, въ ихъ принципахъ, традиціяхъ барства и всякихъ мораляхъ, когда приходится провѣдать брилліанты, золото, мебель и даже тащить на базаръ носильное платьѣ.... Рязанцева бѣгаетъ на службу, худѣетъ, дурнѣетъ, озлобляется. Смысла въ такой жизни мало. Вѣра Илларионовна потихоньку отъ мужа продаетъ для ѣды свои цѣнности, возится по ночамъ съ дѣланьемъ глупыхъ шоколадныхъ конфетъ тоже во имя принциповъ, отъ которыхъ, въ итогъ, кромѣ обузы ничего въ жизни не получается. Съ принципами удобно жить только людямъ широко-обеспеченнымъ, а такъ какъ теперь этого быть не можетъ, то надо жить мозгами. — Мэри почувствовала, что отъ этихъ разсужденій у нея укрѣпилось сознаніе полной логичности и благоразумія собственныхъ поступковъ. Она быстро приготовила чай, отправила прислугу спать, прошла на секунду въ спальню, заглянула на себя въ зеркало, осталась очень довольна отраженіемъ разгорѣвшагося лица съ блестящими отъ возбужденія глазами, поправила прическу, надушилась и пригласила своего новаго жениха къ чайному столу, который, съ расставленными на хрустальныхъ тарелочкахъ вкусными вещами, имѣлъ видъ, напоминавшій Грачевой до революціонное время, когда она такъ же звала къ чайному столу пріѣзжавшаго къ ней поздними вечерами блестящаго друга-министра.

ХІІ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Грачева сдѣлалась невѣстой Бачаева, Быстровъ больной, ослабѣвшій, съ безпокойно блуждавшимъ взглядомъ, тяжело опираясь на руку поддерживавшей его сестры, медленно выдвигая

одну и ту же ногу, какъ это дѣлають маленькія дѣти, подымался по лѣстницѣ въ квартиру Михайловскихъ. Отъ волненія онъ задыхался и нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться, что-бы перевести дыханіе.

— Еще высоко? .. Скоро прійдемъ? — спрашивалъ онъ, какъ бы боясь, что ему помѣшаютъ достигнуть заветной мечты столькихъ безсонныхъ ночей: очутиться среди родныхъ, умыться теплой водой, протянуть истомленное болѣзнью и лишеніями тѣло на мягкой кровати подъ свѣжими полотняными простынями.

Едва Вѣра Илларионовна нажала пуговку звонка, какъ Михайловскій открылъ дверь и, не давъ Быстрову вымолвить слова, обнялъ его и ввелъ въ переднюю. Мысленно онъ ужаснулся страшной перемѣнѣ, произшедшей въ немъ за одинъ годъ: передъ нимъ былъ сгорбленный, немощный, жалкій старикъ.

Быстровъ, войдя въ переднюю, растерянно оглянулся, хотѣлъ улыбнуться и вдругъ разрыдался. Михайловскій вмѣстѣ съ женой усадилъ его на стулъ.

— Благодарю Тебя, Боже, все таки я дожилъ до этой блаженной минуты освобожденія... — рыдалъ Быстровъ. — Я такъ измученъ и физически и душевно... я такъ усталъ!...

— Ну вотъ теперь вы отдохнете. Успокойтесь, Михаилъ Илларионовичъ. Сейчасъ мы проведемъ васъ въ вашу комнату; уложимъ васъ, напоимъ чаемъ...

— Ахъ нѣтъ, дайте мнѣ сѣсть съ вами къ столу. Я такъ мечталъ объ этомъ... друзья мои, благодарю васъ, что взяли меня къ себѣ... не побоялись... Николай Николаевичъ, дайте вашу руку... благодарю васъ!... Помните наше послѣднее свиданіе въ моемъ кабинетѣ? Клянусь вамъ, я понялъ тогда, что вы были правы и сейчасъ же поѣхалъ въ Маріинскій дворецъ, что бы отказаться отъ власти, но было уже поздно... слишкомъ поздно... да... я искупилъ свою вину! Какъ я страдалъ два дня, слоняясь по улицамъ города, въ которомъ меня искали!... какъ

я... — Быстровъ говорилъ сбиваясь и какъ бы въ чемъ то оправдываясь

— Миша, оставь это; постарайся думать и говорить о другомъ. Ты долженъ теперь укрѣпить свои нервы. Все это осталось въ прошломъ. Будемъ жить настоящимъ, оно хоть и очень тяжело и безотраднo, но все же лучше твоихъ воспоминаній,— остановила его сестра.

Она едва сдерживала все время накипавшія слезы, до такой степени удручалъ ее видъ несчастнаго брата. Ничего, ни даже тѣни не осталось отъ прежняго самоувѣреннаго, виднаго, блестящаго человѣка. Передъ ней былъ загнанный, слабый, жалкій старикъ, совершенно сѣдой, съ обрюзгшимъ желто-сѣрымъ лицомъ, съ потухшимъ растеряннымъ вѣзглядомъ и неувѣренными движеніями.

Въ столовой былъ накрытъ столъ и поданъ чай. Самоваръ кипѣлъ.

— Какія вкусныя вещи!.. Какъ я мечталъ въ тюрьмѣ, все время мечталъ сѣсть за такой столъ, покрытый чистой скатертью. Послѣдній разъ это было на Фонтанкѣ... нѣтъ, ошибаюсь: въ послѣдній разъ я пилъ чай за такимъ столомъ вечеромъ у царицы въ Царскомъ Селѣ. Вернулся къ себѣ поздно и легъ спать ничего не подзрѣвая...

— Это было въ тотъ вечеръ, когда въ Царскомъ былъ подписанъ роспускъ Думы?— спросилъ Михайловскій, садясь за столъ противъ Быстрова и придвигая ему тарелку и ножъ съ вилкой.

— Да, да... Какъ очаровательна была царица, въ сиреневомъ бархатномъ платьи, съ ниткой крупнаго жемчуга вокругъ лебединой шеи. Какъ она вѣрила въ меня! Господи, все это какъ сонъ, какъ долгій сонъ, а вѣдь было же... было!

По лицу Быстрова пробѣжала судорога, и онъ поникъ головой.

— Да... на утро я былъ разбуженъ тревожнымъ приѣздомъ Мэри Грачевой... Она первая сообщила мнѣ о надвигающейся катастрофѣ, и я ей не повѣрилъ... а затѣмъ телефонъ... ужасныя вѣсти... Помню, я послалъ тогда за Гоголь-Яроцкимъ. Онъ все понялъ. Ударъ за ударомъ сыпался на мою голову. Мнѣ казалось, что вокругъ меня все трещить, что я слышу какъ рушатся свая государства. Потомъ приѣхали вы, Николай Николаевичъ, и я понялъ что все кончено. Выйдя изъ Маріинскаго дворца, я до поздняго вечера скитался по улицамъ взболемученной столицы. Что это былъ за ужасный день!... Я ночевалъ у своего бывшаго сапожника. Онъ спряталъ меня... потомъ опять я скитался по улицамъ... Это былъ кошмаръ! Я слышалъ какъ называли въ толпѣ мое имя, зналъ, что меня вездѣ ищутъ. Откровенно говоря, я и самъ не знаю, какъ я попалъ на Шпалерную и какъ рѣшилъ назвать себя въ Таврическомъ дворцѣ.

— Пожалуйста, Миша, кушай.— Вѣра Илларионовна, въ чистомъ бѣломъ передникѣ, принесла изъ кухни форму съ запеканкой изъ манной каши и поставила ее на столъ. — Тебѣ надо теперь набираться силъ и кушать.

— Что же, я одинъ не хочу...

— Мы тоже будемъ. Какъ разъ время для завтрака. Николенька, кушай. Хочешь я, ради торжественнаго дня, приготовлю и тебѣ стаканъ какао?— хлопотала Вѣра Илларионовна.

— Какао?— изумился Быстровъ.— Я думалъ, что какао теперь ни за какія деньги не достанешь?

— Да, ты почти правъ. Я достаю его по протекціи для дѣланія шоколаду. Я теперь поставляю шоколадныя конфеты въ одно кафэ, очень посѣщаемое солдатами и матросами, т. е. новоиспеченными капиталистами.

— Вѣрочка, какъ все это странно! Ты — дѣлаешь какія то конфеты для матросовъ, сама готовишь... у тебя прислуги нѣтъ?

— Конечно нѣтъ, и слава Богу, что мы освободились отъ нее: такъ — гораздо спокойнѣе. Меня не тяготитъ трудъ; я готова дѣлать еще больше, лишь бы Николенька не хандрить.

— Полно, Вѣрочка... Развѣ я хандрю?..

— Вы служите гдѣ нибудь, Николай Николаевичъ?

— Нѣтъ... до сихъ поръ не могу рѣшиться идти на службу къ большевикамъ. Хотѣлъ удрать на Донъ къ Каледину, да здоровье не позволяло. Вы знаете, что не будь Вѣрочки, я давно гнилъ бы въ какой нибудь ямѣ подлѣ Станиславова.

До Быстрова не могли дойти въ тюрьму эти свѣдѣнія, и Михайловскій со всѣми подробностями рассказалъ ихъ. Быстровъ слушалъ и въ то же время жадно ѣлъ. Казалось, онъ за часъ времени, проведенный въ уютной атмосферѣ заботливости и ласки, среди обстановки, благотворно дѣйствовавшей на разбитые нервы,— сталъ какъ будто бы бодрѣе.

Послѣ завтрака Вѣра Илларионовна провела его въ приготовленную для него комнату, гдѣ была раскрыта чистая постель, гдѣ во всякой вещи чувствовалась заботливая рука.

— Вотъ тебѣ, Миша, халатъ. Ты раздѣвайся, а я сейчасъ принесу для умыванья теплой воды. На ночь я устрою тебѣ ванну.

— Какое счастье, Вѣрочка, умыться теплой водой!.. Спасибо тебѣ. Ахъ, какъ я усталъ... какъ я весь усталъ!.. — Быстровъ безсильно опустился на кровать.

— Господь возвратитъ тебѣ силы, Мишенька.

Вѣра Илларионовна помогла брату умыться. Послѣ подъема радости нервы его сразу опять ослабѣли, и онъ съ трудомъ держался на ногахъ. Надѣвъ чистое бѣлье, онъ легъ въ постель, опустилъ голову на подушки и закрылъ глаза. Вѣра Илларионовна, стоя у изголовья и держа на его исхудалой, ввалившейся подлѣ висковъ, головѣ свою теплую ласковую руку, дававшую ощущение покоя

многимъ страдавшимъ на войнѣ, съ тоской смотрѣла на лицо брата, измѣнившееся до неузнаваемости и думала о его превратной судьбѣ, о чашѣ страданій, посланныхъ ему Свыше послѣ головокружительнаго запоя властью, блеска въ царскихъ покаяхъ и благосклонности царской семьи.

Прошло нѣсколько минутъ. Дыханье Быстрова стало ровнымъ, и Вѣра Илларионовна думала, что онъ сталъ засыпать.

— Вѣрочка, — неожиданно обозвалъ онъ ее, — какъ больно, что человѣка, котораго начнеть преслѣдовать судьба, люди покидаютъ, и, въ концѣ концовъ, онъ подходитъ къ могилѣ совершенно одинокимъ. Ты помнишь, какъ много было вокругъ меня людей, называвшихъ себя моими друзьями. Гдѣ они всѣ? ! Я остался совершенно одинокъ и если-бы ни ты, то такъ бы и умеръ въ тюрьмѣ.

— Не думай объ этомъ, Миша.

— Не могу не думать. Сколько горькихъ мыслей! Я былъ увѣренъ, что найду здѣсь Мэри Грачеву. Я такъ вѣрилъ въ ея преданность и привязанность. Ты не упомянула о ней, значить она обо мнѣ забыла. Скажи мнѣ, пожалуйста, правду: она знаетъ, что меня выпустили сегодня?

— Я недавно встрѣтила ее и говорила, что жду со дня на день твоего освобожденія.

— Что же она?

— Она промолчала. Грачеву я всегда считала холодной и расчетливой натурой. Богъ съ ней!

— Да, конечно... но горько это. Когда я былъ у власти и богатъ — она любила меня...

— Не тебя, Миша, а власть и богатство.

Опять наступило нѣсколько минутъ молчанія. Вѣра Илларионовна, продолжая держать руку на головѣ брата, сѣла на край его кровати.

— Какъ хорошо... Какъ тихо... спокойно въ мозгу и на душѣ. — Медленно, шопотомъ произнесъ Быстровъ

и облегченно вздохнулъ. — Вотъ я лежу съ закрытыми глазами, мнѣ тепло, чисто и мягко лежать; я знаю, что открывъ глаза, увижу уютную комнатку и всѣ тѣ вещи, которыхъ былъ такъ долго лишенъ; знаю, что увижу ихъ и завтра и послѣ завтра; подлѣ меня сидишь ты, вотъ твоя теплая рука; я буду видѣть тебя и завтра и много дней впереди . . . какое облегченіе, какое счастье знать это, Вѣрочка! Только тотъ, кто сидѣлъ долго въ тюрьмѣ, кто не зналъ увидить ли онъ свѣтъ слѣдующаго утра, только тотъ можетъ понять то, что я переживаю въ данныя минуты. Господи, благодарю, благодарю Тебя!

Изъ подъ опущенныхъ вѣкъ показались двѣ слезы и медленно протекли по исхудалому лицу.

— Не плачь, Миша. Всѣ страданія остались позади; теперь ты отдохнешь и успокоишься.

— А я не помѣшаю тебѣ и твоему мужу? Не обезпокою васъ?

— Что ты говоришь, Мишенька ? !

— Вѣдь я больной, нищій, никуда не годный . . .

— Оставь, оставь объ этомъ! Во всемъ воля Божья.

— Мнѣ бы поправиться и уѣхать куда нибудь подальше. Можетъ быть я могъ бы со временемъ пробраться въ свое имѣніе. Тамъ бы въ глуши я и дожилъ свои дни. Теперь мнѣ ничего не надо, кромѣ покоя и солнца. Какъ я стосковался, Вѣрочка, въ сыромъ и темномъ казематѣ по солнцу! Я плакалъ, слезами плакалъ, вспоминая поля, лѣсъ, рѣчку; вспоминая раннія утра на охотѣ, росистую высокую траву, теплый туманъ надъ рѣкой, костеръ въ прогалинѣхъ лѣса, котелокъ съ кашпцей . . . Вѣрочка милая, какъ это все далеко! Неужели все это было ? ! И солнце, горячее солнце въ полдень, запахъ прѣлой земли и травъ . . . Боже, какъ я хочу все это видѣть и чувствовать еще хоть одинъ разъ въ моей жизни. Я согласенъ быть хоть чернорабочимъ въ моемъ бывшемъ имѣніи, только бы пожить немного среди природы.

— Миша, а ты прежде не любилъ природы?

— Я не цѣнилъ ее, не понимая счастья, которое она даетъ человѣку. А помнишь нашъ душистый тѣнистый садъ надъ Волгой? Помнишь, какъ мама поймала насъ, купающихся потихоньку въ рѣкѣ? . . . И нашъ шалашикъ, куда мы прятали съ тобой пойманную рыбу, и она тамъ гнила и отвратительно пахла . . .

— Да, конечно, помню.

— Приведется ли нашему праху лежать въ фамильной усыпальницѣ подлѣ праха отца и матери?

— Не думаю. Я слышала, что наше имѣніе совершенно разграблено и все въ немъ уничтожено.

— Какъ это грустно! Отецъ столько труда и денегъ положилъ . . . а впрочемъ, Богъ съ нимъ! Не все ли равно теперь. Ты не удивляйся, Вѣрочка, что я все говорю. У меня такая потребность подѣлиться мыслями, высказаться и, главное, кому нибудь пожаловаться, поплакать въ присутствіи близкаго человѣка, какъ слабый, больной ребенокъ.

Спасибо, спасибо тебѣ, моя дорогая. Я виноватъ передъ тобой, я такъ мало понималъ и цѣнилъ тебя въ прежней обстановкѣ. Вѣрочка, скажи мнѣ, — ты счастлива?

— О, вполне, Миша, вполне. Николенька такъ любить меня, такъ ласковъ и добръ ко мнѣ.

— Какъ же иначе: вѣдь ты спасла ему жизнь, да и теперь, какъ я понимаю, ты несешь на своихъ плечахъ всю тяжесть существованія.

— Тихе, ради Бога, тихе; онъ можетъ услышать, — всполошилась Вѣра Илларионовна. — Вѣдь онъ хоть и бодрится, но до сихъ поръ не вполне оправился отъ полученныхъ ранъ. У него часто болитъ бокъ, и нервы очень сильно расшатаны. Я сама удерживаю его отъ службы у большевиковъ.

— Какъ же дальше вы будете жить? Не сможешь же ты все время лѣпить эти конфекты и быть за кухарку, горничную и чернорабочую?

— Я не заглядываю въ будущее. Это бесполезно. Теперь надо жить настоящимъ и быть бодрымъ духомъ. Конечно, кое какіе планы есть. Мы надѣемся въ скоромъ будущемъ пробраться на Украину; такъ какъ Николенька украинецъ, то ему это будетъ не трудно. Гетмана Скоропадскаго онъ лично хорошо знаетъ по фронту, такъ какъ завѣдывалъ въ той же арміи красно-крестнымъ отрядомъ до назначенія его уполномоченнымъ въ нашъ отрядъ. Скоропадскій очень хорошо относился къ Николенькѣ и, навѣрное, возьметъ его къ себѣ на службу. Онъ знаетъ, что Николенька честный человѣкъ и хорошій работникъ. Здѣсь оставаться не имѣетъ смысла. Вмѣсто созидательной работы, все идетъ къ разрушенію.

— А кто это сдѣлалъ?! — Быстровъ приподнялся и сѣлъ на постель. По лицу его пробѣжала судорога. — Кто это сдѣлалъ?! Его тамъ нѣтъ? — прошепталъ онъ, указывая глазами на сосѣдную комнату. — Закрой дверь... Слушай Вѣрочка. Я не спалъ ночи въ моемъ заключеніи и проводилъ ужасные дни, подводя итоги прошлаго, стараясь уяснить себѣ за что покаралъ меня Господь. Я понялъ за что: за гордость, за запой властью, за то, что я имѣлъ дерзость и легкомысліе забрать въ свои руки бразды правленія, не будучи подготовленъ къ этому; за то, что я потворствовалъ темной силѣ въ лицѣ Распутина. Вотъ за что покаралъ меня Господь, и я достоинъ этого; но царя я любилъ искренно и преданъ ему былъ всей душой; я не хотѣлъ гибели трона и, со всей моей слѣпотой и легкомысліемъ, со всѣмъ неумѣніемъ управлять страной, я все таки понималъ, что Дума гнетъ слишкомъ влѣво, что кадетская партія играетъ опасную игру. Твой мужъ былъ кадетъ. Вѣроятно теперь онъ и самъ сознаетъ, что его партія безсознательно содѣйствовала гибели монархіи.

— Миша, ты забываешь, что раньше до власти ты самъ былъ либераленъ въ своихъ идеяхъ, — мягко напомнила ему сестра.

— Я отрекся отъ нихъ, понявъ какой это вредъ для монархіи, а они захватили въ свои руки власть, заставили царя отречься, а власти удержать не сумѣли. И рушилось все: и тронъ и государственный строй, и все, на чемъ держалась мощь Россіи. Я всегда былъ монархистомъ, Вѣрочка... Я... впрочемъ, зачѣмъ я все это говорю теперь? Я только что выпущенъ изъ тюрьмы... я усталъ, Вѣрочка, и не надо, не хочу больше думать обо всемъ этомъ. Довольно. Все рушилось, я погибъ и хочу только немного покоя передъ тѣмъ, какъ умереть. — Быстровъ замолчалъ, медленно опустилъ голову на подушки и опять закрылъ глаза.

— Ты меня прости, Вѣрочка, что я такъ сказалъ, — усталымъ едва внятнымъ голосомъ прервалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ молчаніе.

— Полно, что же ты сказалъ, Миша?

— Да вотъ, что твой мужъ виноватъ, какъ принадлежавшій къ кадетской партіи.

— Чтожъ, Миша, это вѣрно. Николенька не разъ это и самъ говорилъ.

— Не мое теперь это дѣло. Я такъ много виноватъ передъ Россіей. Твой мужъ любитъ тебя, ты счастлива съ нимъ... мы были врагами послѣднее время, и когда я былъ всесильнымъ, — онъ не боялся открытой вражды. Теперь, когда я оплеванъ и загнанъ судьбой, онъ ласковъ ко мнѣ и далъ мнѣ пріютъ въ своемъ домѣ. Я благодаренъ ему, Вѣрочка. Господь наградить его...

— Засни, Миша. Тебѣ нуженъ отдыхъ. — Вѣра Илларионовна поднялась съ края кровати и поцѣловала брата въ лобъ.

— Да, я засну. Я такъ ужасно весь усталъ, — упавшимъ голосомъ опять повторилъ Быстровъ, и Вѣра Илларионовна съ тоской поняла, что въ этой, безпрестанно повторяемой, фразѣ сказывалась вся физическая и душевная надломленность измученнаго заточеніемъ и лишеніями человѣка.

ХІІІ.

Маленькая портниха Сонечка, крестница Анастасіи Ивановны, жившая у Вероники, стояла на колѣняхъ и связывала на полу громадный узелъ, изъ собранныхъ, по указанію Анастасіи Ивановны, всевозможнаго сорта вещей, предназначенныхъ для продажи въ одной изъ комиссіонныхъ лавокъ, которыми въ то время были переполнены всѣ улицы Петрограда и куда буржуазія и интеллигенція несли свою бронзу, серебро и носильныя вещи. Вырученныя деньги уходили на базаръ, гдѣ продуктовъ становились все меньше, и цѣны на нихъ быстро росли.

— Вамъ придется, Сонечка, прійти два раза: вещей набралось вѣдь очень много, — лежа на кровати на одномъ локтѣ и слѣдя за быстрыми движеніями Сонечки, проговорила Анастасія Ивановна.

— Ничего. Я снесу ихъ въ одинъ разъ. Взяваю узелъ на спину и донесу. И не такіе тюки таскала, — говорила Сонечка, упершись колѣномъ въ узелъ и затягивая двумя руками концы толстой, съ краснымъ бордюромъ, старенькой скатерти.

— Какая вы сильная, Сонечка, . . . А я такъ ослабѣла, что не могла сегодня передвинуть вотъ этого столика. Откройте двери, милая: кто то стучитъ.

Сонечка побѣжала открыть дверь.

— Это къ вамъ гость, Анастасія Ивановна: можно ему войти?

— Можно, можно. Кто?

— Господинъ Минкинъ.

— А, Володя, это вы? А я и то вспоминала васъ на дняхъ и даже просила Нику Кампіони позвонить къ вамъ. Что вы насъ забыли? У Петра Александровича къ вамъ дѣло есть. Садитесь, мой милый. Сонечка, будьте добрая, сбросьте куда нибудь съ того стула всѣ вещи и по-дайте его сюда . . . Садитесь, Володя.

— Я все время очень занятъ былъ. Столько всякаго дѣла. Звонилъ къ вамъ, да вашъ аппаратъ не дѣйствуетъ.

Сонечка, продолжая возиться съ узломъ, внимательно поглядывала на вновь пришедшаго гостя, который, поцѣловавъ руку старушкѣ, развязно усѣлся подлѣ ея кровати, попросилъ разрѣшенія курить и, вынувъ массивный серебряный портсигаръ, протянулъ его Анастасіи Ивановнѣ.

— Нѣтъ, я папиросъ не курю. Вотъ моя трубка. Передайте ее мнѣ, голубчикъ. Если хотите чаю, то тамъ въ чайникъ есть, только онъ, кажется, простылъ. Я тоже выпью.

— Я вамъ разогрѣю чай, Анастасія Ивановна. Въ кухнѣ у хозяевъ сейчасъ плита топится, я видѣла.

— Ну разогрѣйте, милая. Напойте насъ и сами выпейте.

Сонечка, покончивъ съ узломъ, захватила чайникъ и пошла въ кухню. Вернувшись, она стала на подоконникѣ перемывать чашки и, поглядывая на Минкина, прислушивалась къ разговору.

— За послѣдніе дни, — говорилъ онъ, — опять участились обыски по квартирамъ и, конечно, въ связи съ ними кражи. У троихъ изъ моихъ знакомыхъ обыскивавшіе «товарищи» наворовали массу всякой всячины. Изъ туалета — брилліантовые вещи крупной цѣнности, которая жена моего пріятеля только въ тотъ день выпорола изъ гостинной подушки, въ которую они были зашиты. У другихъ знакомыхъ массу серебра столоваго стапили, чаши и золотой портсигаръ. А у васъ не было обыска?

— Былъ давно, еще въ ноябрѣ, когда оружіе искали.

— Вѣроятно, и къ вамъ заглянуть. У васъ все наружу, и имъ будетъ не трудно выбирать. Вотъ я вижу серебряныя ложки на комодѣ, сахарница... а вонъ часы Петра Александровича.

— Какъ же быть, Володя? Куда же спрятать?

— Хоть и спрячете они найдутъ. Эта публика отлично выучилась рыться по всѣмъ ящикамъ.

— Конечно, жаль и серебра и часовъ, но главное, это шкатулка съ нашими семейными цѣнностями, которыя я, къ счастью, такъ и не успѣла передъ революціей сдать въ государственный ломбардъ на храненіе. Говорятъ, что все это пропало. Тамъ у меня раньше былъ данъ большой ящикъ съ серебромъ, а шкатулка съ драгоценностями осталась при мнѣ.

— Дайте ее на время кому нибудь, у кого уже былъ обыскъ.

— Трудно мнѣ это сдѣлать: я не вставая лежу, а Петръ Александровичъ устаетъ очень съ хожденіемъ на базары и съ возней у печечки. Вотъ развѣ передать ихъ Никѣ? Сонечка, у Вероники Антоновны уже былъ обыскъ?

— Нѣтъ, еще не было. Мы и то каждый вечеръ этихъ гостей поджидаемъ.

— А у васъ, Володя, обыскъ уже былъ?

— Былъ и ничего не нашли. Я очень ловко запряталъ не только цѣнныя вещи, но и два великолѣпныхъ револьвера.

— Знаете что, Володя: возьмите на нѣсколько дней мою шкатулку къ себѣ.

Сонечка при этихъ словахъ Анастасіи Ивановны сдѣлала невольное движеніе впередъ, какъ будто хотѣла что то сказать, но удержалась и, съ безпокойствомъ во взглядѣ, на минуту прекратила приготовленіе чая.

— Нѣтъ, Анастасія Ивановна, я не рѣшусь взять на себя такую отвѣтственность, въ особенности если въ вашей шкатулкѣ большія цѣнности.

— Именно потому я и обращаюсь къ вамъ. Вы живете безъ прислуги, т. е. безъ опаснаго въ данный моментъ шпіона, квартира у васъ маленькая, обыскъ былъ, — настаивала Анастасія Ивановна, которую отказъ Минеина

какъ бы убѣдилъ въ необходимости передать ему цѣнную шкатулку.

— Да, съ этой стороны риска конечно нѣтъ, но мало ли что можетъ быть: я могу попасть подъ трамвай, могу такъ просто умереть, могу быть арестованъ.

Ну, это мы всѣ подь Богомъ ходимъ. Авось, въ недѣлю времени съ вами ничего не случится. Сонечка милая, пойдите ко мнѣ. Вотъ этимъ ключемъ откройте верхній ящикъ шифоньера, и съ правой стороны на нижней полкѣ вы увидите завернутый въ голубой шелкъ пакетъ. Докажите его.

Сонечка прошла въ другой конецъ комнаты, открыла шифоньеръ, сразу увидала завернутую въ голубой шелкъ шкатулку, но нарочно дѣлала видъ, что ищетъ и не находитъ.

— Что же вы, Сонечка: нашли? — вынимая изъ рта трубку, спросила Анастасія Ивановна.

— Нѣтъ, я не нашла. Кажется, ее тутъ нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ! Поищите. Прямо передъ вами. Пощупайте рукой.

— Нѣтъ, не нахожу.

— Неужели это патріархъ опять все перерылъ мнѣ въ шифоньерѣ? — досадливо покачала головой старушка. — Вы не повѣрите, Володя, какой онъ дѣлаетъ безпорядокъ и какъ перепутываетъ всѣ вещи. Ну что же, нашли, Сонечка?

— Нѣтъ. Навѣрное это вправду Петръ Александровичъ куда нибудь запряталъ.

— Не запряталъ, а засунулъ и самъ теперь, конечно, забылъ.

Сонечка рѣшительнымъ движеніемъ задвинула ящикъ шифоньера и хотѣла его уже залереть, какъ со своего мѣста поднялся Минкинъ.

— Разрѣшите мнѣ поискать.

— Да, Володя, посмотрите. Сонечка мала ростомъ и можетъ быть не видить.

— Что же смотрѣть, когда нѣтъ! Я отлично вижу, — рѣшительно вынимая ключъ произнесла Сонечка, но Минкинъ спокойно протянулъ къ нему руку:

— Поищемъ вмѣстѣ, авось и найдемъ.

Сонечка досадливо отошла, но, не спуская глазъ, слѣдила за каждымъ движеніемъ Минкина.

— Да вотъ она! Я сразу нашелъ, — Минкинъ вынулъ шкатулку изъ шифоньера.

— Вотъ и отлично. Дайте ее сюда, Володя.

Анастасія Ивановна открыла висѣвшимъ у нея на шеѣ ключикомъ шкатулку и стала перебирать цѣнности.

— Вотъ этотъ *collier de chien* въ мирное время былъ оцѣненъ Фаберже въ тридцать пять тысячъ; а этотъ браслетъ съ сапфирами *étoilés* сейчасъ вѣрно очень дорого цѣнится; вотъ запонки жемчужныя и серги; а взгляните, какая дивная работа этого кошелька... — Анастасія Ивановна перебирала кожаные футляры и, раскрывая ихъ одинъ за другимъ, любовалась вещами.

Сонечка, стоя поотдалъ, напряженно смотрѣла, то на вмѣстимое шкатулки, то на Минкина. Лицо ея выражало нарастающую тревогу.

Я увѣрена, что никакого обыска у васъ не будетъ, и ваша шкатулка останется у васъ цѣла, — проговорила она, подавая чашки съ налитымъ чаемъ.

— Ну, это одно предположеніе и рисковать не слѣдуетъ, — небрежно протянулъ Минкинъ. — Долженъ сознаться, что ни отъ кого другого я не взялъ бы на свою отвѣтственность такихъ цѣнностей; дѣлаю это исключительно для васъ, Анастасія Ивановна. Теперь такое время, что и за свою личную цѣлость поручиться нельзя, а за драгоценности и тѣмъ болѣе. Однако надѣюсь, что какънибудь сумѣю ихъ припрятать на эти дни.

— Да ужъ, голубчикъ, возьмите ихъ пока. Сонечка, вонъ тамъ лежитъ бумага и веревочка, — дайте мнѣ, я за верну.

Анастасія Ивановна уложила обратно въ шкатулку всѣ футляры, заперла ее, оставивъ ключикъ на своей шейной цѣпочкѣ, завернула въ листъ газетной бумаги и передала Минкину.

Вскорѣ Минкинъ поднялся, что бы уходить. Онъ поцѣловаль руку старушкѣ, поднялъ шляпу, завалившуюся за кипу сваленныхъ на полъ книгъ, пожалъ руку Сонечки и направился къ двери. Въ глазахъ Сонечки, замѣтившей, что онъ не захватилъ шкатулки, мелькнула радость, моментально потухшая при возгласѣ Анастасіи Ивановны:

— Володя, Володя, а шкатулка ? !

— Ахъ, да: я и забылъ, — небрежно бросилъ онъ.

Когда онъ остались однѣ, Сонечка, въ задумчивости сложивъ на колѣняхъ руки, сѣла на стулъ подлѣ кровати и, молча, тихо вздыхала.

— О чемъ вы такъ задумались, Сонечка? — обратилась къ ней старушка.

— Объ вашей шкатулкѣ. Зачѣмъ вы ее отдали? Нѣтъ, не надо было отдавать. Простите меня, что я позволяю сказать такъ про вашего хорошаго знакомаго, но я очень хорошо замѣтила, какъ у него жадно загорѣлись глаза при видѣ вашихъ драгоценностей.

— Да что вы, Сонечка! — замахала рукой Анастасія Ивановна. — Я знаю Володю съ девяти лѣтъ. Какъ могутъ у него загорѣться глаза на вещи, къ которымъ онъ съ дѣтства привыкъ. Онъ выросъ въ полномъ довольствѣ и всегда располагалъ большими средствами. Его не удивишь брилліантами. Это вамъ показалось. Къ тому же онъ очень привязанъ ко мнѣ: я была дружна съ его отцемъ, котораго онъ боготворилъ. Володя скорѣе свое потеряетъ, чѣмъ рискнетъ сдѣлать мнѣ хоть какую нибудь маленькую потерю.

— Конечно, я совсѣмъ не знаю господина Минкина... можетъ быть онъ и очень хорошій человекъ, а все таки... лучше бы вы не давали ему этой шкатулки.

— Смѣшная вы дѣвочка! — улыбулась старушка.

— Такое дивное ожерелье отдали изъ дому!... Нѣтъ, это вы напрасно! — упрямо повторяла Сонечка, сокрушенно покачивая головой.

— Ваши волненія напрасны, — замѣтила, помолчавъ, Анастасія Ивановна. — И по своему воспитанію, и по общественному положенію онъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній.

— Ахъ, крестная, это было раньше, а теперь, я слышала, что все перевернулось и очень трудно узнать, кто по настоящему честный человѣкъ.

Прошло нѣсколько дней, и Сонечка, опять забѣжавъ къ крестной, съ перваго же слова освѣдомилась о шкатулкѣ.

— Вчера онъ былъ у меня и предлагалъ принести ее обратно, но я все таки побаиваюсь возможнаго обыска и просила поддержать шкатулку еще дней пять-шесть, — отвѣтила Анастасія-Ивановна.

— А я все думаю о вашихъ вещицахъ и успокоюсь, когда узнаю, что онъ при васъ, — прощаясь со старушкой проговорила Сонечка.

Прошло еще нѣсколько дней; обыски прекратились, и Анастасія Ивановна поручила передать Минкину по телефону, что шкатулку принести можно. Онъ отвѣтилъ, что занесетъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней и пришелъ подъ вечеръ, въ то время когда сенаторъ, покончивъ возню съ кухонькой и перемываньемъ тарелокъ, сидѣлъ въ своемъ потертомъ кожаномъ креслѣ и дремалъ за книгой, выскальзывавшей у него съ рукъ на колѣни.

— Очень радъ, что у васъ обошлось безъ обыска, — проговорилъ Минкинъ, усаживаясь подлѣ Анастасіи Ивановны. — Хоть бы господа «товарищи» и ничего не стянули мимоходомъ, а все таки это шареніе по всѣмъ вашимъ ящикамъ производитъ гнусное впечатлѣніе. Вотъ ваша шкатулка, Анастасія Ивановна. Лежала она

у меня въ очень укромномъ мѣстечкѣ: подъ половицей вмѣстѣ съ моими цѣнностями. Трудно было бы до нея добраться.

Если бы въ этой комнатѣ была Сонечка, то отъ ея наблюдательности навѣрное не ускользнула бы излишняя развязность, веселость и говорливость Минкина. Шкатулку, завернутую въ ту же газетную бумагу и перевязанную той же бичевкой, онъ поставилъ на столикъ и, разговаривая, все время, какъ бы случайно держалъ руку на ней. Говорилъ онъ безъ умолку, какъ это дѣлаютъ люди, желающіе отвлечь отъ чего нибудь вниманіе своего собесѣдника.

И вдругъ вошла Сонечка:

— А я шла мимо и думаю: дай ка зайду, — не надо ли чего нибудь?

— Умница, что зашли: у меня есть порученіе. Что же вы спѣшите, Володя? Посидите еще, — обратилась Анастасія Ивановна къ Минкину, видя, что тотъ всталъ.

— Я только на минутку. Меня ждуть въ одномъ мѣстѣ.

— Владиміръ Анатоліевичъ, подождите, — очнувшись отъ своей послѣбобѣденной дремоты и подымаясь съ кресла, проговорилъ патріархъ. — Я, видите ли, получилъ тутъ листъ для заполнения о подоходномъ налогѣ и не понимаю кое чего. . . .

Петръ Александровичъ надѣлъ на носъ вторую пару очокъ и, доставъ изъ вороха, наваленныхъ на пыльномъ столѣ, бумагъ большой листъ, сталъ его просматривать. Минкинъ стоялъ рядомъ съ нимъ, съ заложенными за спину руками и, казалось, слѣдилъ за тѣмъ, что читалъ «патріархъ». Однако большая часть его вниманія была направлена на то, что дѣлалось и говорилось подлѣ кровати.

— Ваша шкатулочка здѣсь?! Ахъ, какъ я рада! . . . Вотъ ужъ рада! . . . Ее надо опять спрятать и подальше. Можно мнѣ ее развернуть? — съ видимымъ удоволь-

ствіемъ и съ улыбающимся лицомъ при видѣ шкатулки говорила Сонечка.

— Да, разверните ее, душечка, и спрячьте туда же въ шифоньеръ. Поищите ключи. Кажется тамъ на комодѣ... Петръ Александровичъ, куда ты дѣлъ ключи?

— Какіе ключи?

— Отъ шифоньерки.

— Я ихъ не видѣлъ.

— Какъ, не видѣлъ? Ты же ихъ зачѣмъ то у меня изъ подъ подушки бралъ.

— Ахъ да, вѣрно. Я искалъ тамъ ручку отъ мясорубки.

— Какая же можетъ быть въ шифоньеркѣ ручка?

— Я самъ ее туда спряталъ и уже нашелъ, — глядя поверхъ очковъ, внушительнымъ тономъ возразилъ старикъ.

— Ахъ, какой ты безпорядокъ устраиваешь — вздохнула Анастасія Ивановна. — Скоро ты и кастрюли будешь въ шифоньеръ прятать... А все таки гдѣ же ключи?

— Гдѣ нибудь найдутся... впрочемъ, это можно и потомъ... Нѣтъ, Владиміръ Анатоліевичъ, вы ужъ стойте, не уходите: докончите съ этимъ листомъ. — Старикъ удержалъ за рукавъ Минкина, опять порывавшагося уйти.

— Я найду ключи, вы не беспокойтесь, — сказала Сонечка и въ то же время переложилла шкатулку со стола на колѣни Анастасіи Ивановны. — Будьте добрая, покажите мнѣ ваши вещички; я ихъ тогда видѣла только издали. Онѣ показались мнѣ такими чудесными! — Сонечка просительно заглядывала въ глаза Анастасіи Ивановнѣ. Старушка вытянула изъ за ворота золотую цѣпочку, открыла шкатулку и сняла лежавшую сверху шолковую стеганную подушечку. Черезъ минуту на лицѣ ея выразился не то испугъ, не то удивленіе:

— А гдѣ же... *collier de chien*?... Что же это?!.. Володя, поглядите: здѣсь нѣтъ моего *collier de chien*...

Анастасія Ивановна подняла на Минкина удивленный взглядъ. Тотъ, не торопясь, подошелъ къ кровати и, дѣлая въ свою очередь удивленное лицо, пожалъ плечами:

— Право, не знаю. Шкатулка была спрятана мною въ томъ видѣ, какъ вы мнѣ ее дали. Я даже не разворачивалъ ее. Очевидно, вы ошиблись, предполагая, что *collier de chien* было тамъ.

— Какъ же я могу ошибаться, Володя, когда мы вмѣстѣ съ вами его смотрѣли, и, я отлично помню, оно лежало сверху.

— Положительно вы ошибаетесь, дорогая Анастасія Ивановна, потому что я лично *collier de chien* здѣсь не видалъ, т. е. . . вы не показывали его мнѣ, — совершенно спокойно возразилъ Минкинъ, глядя на старушку открытыми глазами, безгранично-наглыми въ умѣніи скрывать ложь.

— Но вѣдь я не помѣшалась еще, Володя! я въ полномъ умѣ! я знаю навѣрное, что *collier de chien* было тутъ. Больше ему и быть негдѣ. Петръ Александровичъ, что ты на это скажешь?

— Конечно, оно было въ шкатулкѣ, — спокойнымъ, строгимъ голосомъ отозвался старикъ, откладывая на столъ листъ, снимая вторую пару очковъ и подходя къ кровати. — Шкатулка была заперта?

— Да, я сама ее заперала, передавая Володѣ.

— И замокъ въ полной цѣлости?

— Замокъ не испорченъ.

— Ровно ничего не понимаю! — опять пожалъ плечами Минкинъ.

Сонечка стояла въ эту минуту поотдаль, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и дрожащими губами. Казалось, она вотъ-вотъ расплачется.

— Шкатулка была запрятана такъ, что я самъ съ трудомъ ее вытащилъ изъ подъ половицы, прислуги у меня нѣтъ, мои вещи всѣ въ цѣлости . . . увѣряю васъ, что вы ошибаетесь. Понщите ваше *collier de chien* въ

другомъ мѣстѣ. Я утверждаю, что въ шкатулкѣ его не было, когда вы ее мнѣ давали, — хладнокровно доказывалъ Минкинъ, переводя глаза съ Анастасіи Ивановны на «патріарха».

— Нѣтъ, ожерелье было тамъ. Я его видѣла издали... такое широкое какъ лента изъ бѣлыхъ бусъ.... Я забыла какъ называется это... — раздался звенящій голосъ Сонечки.

— Жемчугъ, — подсказала Анастасія Ивановна.

— Да, да изъ жемчуга; а поперекъ были красные каменья съ брилліантами.

— Совершенно вѣрно. Вотъ видите, Володя, если Сонечка его могла видѣть, значитъ оно было тамъ, такъ какъ о существованіи шкатулки она до той минуты даже и не подозрѣвала.

Анастасія Ивановна была совершенно спокойна, не смотря на то, что исчезнувшее ожерелье составляло цѣлый капиталъ.

— Я теперь не могу простить себѣ, что согласился взять эту шкатулку! — досадливо воскликнулъ Минкинъ. — Вѣдь я говорилъ вамъ, Анастасія Ивановна, что это слишкомъ большая отвѣтственность, что теперь не такое время, чтобы можно было рисковать. Ну, вотъ и вышло!... Для меня ясно, что никакого ожерелья тамъ не было, а виноватымъ оказываюсь я. — Минкинъ развелъ руками и сдѣлалъ обиженное лицо, слишкомъ мало обиженное для такого тяжелаго положенія, въ которомъ онъ очутился.

— Я это знала... — среди наступившаго молчанія, со вздохомъ произнесла Сонечка.

— То есть что «это» вы знали? — обернулся къ ней Минкинъ, съ недоброжелательнымъ взглядомъ въ синихъ выпуклыхъ глазахъ.

— Знала, что ожерелье или что нибудь другое пропадетъ, — тихимъ, но увѣреннымъ голосомъ, не опускала

глазъ подъ строгимъ взглядомъ Минкина отвѣтила Сонечка.

— Это почему же вы знали? По какимъ даннымъ?

По всему знала.... — упрямо повторила она.

— Почему же вы тогда молчали, разъ вы это знали?

— Я и не молчала, — совсѣмъ попотомъ отвѣтила Сонечка. Опустивъ глаза она отошла къ окну, давая понять, что больше ей говорить нечего.

— Однако, все это крайне для меня не пріятно! Вы меня знаете съ дѣтства, Анастасія Ивановна. Тутъ какое-то недоразумѣніе.... пожалуйста поищите колъе у себя; я увѣренъ, совершенно увѣренъ, что оно найдется гдѣ нибудь у васъ. — Минкинъ взялся за шляпу.

Петръ Александровичъ, все время упорно смотрѣвшій на Минкина, кашлянулъ, поправилъ на носу очки и сдѣлалъ шагъ къ нему:

— Не хорошо, очень не хорошо... можно сказать, позорно! — внушительно и строго проговѣрилъ онъ.

— Позвольте, Петръ Александровичъ.... это слишкомъ обидно... какія доказательства?! — путаясь въ словахъ, неувѣреннымъ голосомъ, съ дѣланнымъ возмущеніемъ воскликнулъ Минкинъ.

— Очевидно, культура буржуазныхъ слоевъ нашего общества стояла не выше уровня культуры выпущенныхъ изъ тюремъ темныхъ преступныхъ элементовъ, которые, пользуясь временнымъ отсутствіемъ закона и правосудія, творятъ безчинства, грабежи и воровства. Но тамъ простительно, такъ какъ тамъ сама среда и отсутствіе образованія толкаютъ на преступныя дѣянія, а вамъ — кончившему высшее учебное заведеніе, человѣку лучшаго общества, вамъ — непростительно злоупотреблять отсутствіемъ закона и довѣріемъ къ вашей порядочности. Мнѣ стыдно за васъ.

— Что же это?! По вашему я, значить, мошенникъ?!

— Я, лучше, воздержусь отъ дальнѣйшихъ комментарій. Мое почтеніе. — Старикъ наклонилъ голову въ

знакъ того, что разговоръ оконченъ и, не подавая руки, сдѣлалъ ею легкое движеніе по направленію къ двери.

Анастасія Ивановна, сложивъ обѣ руки на лежавшей у нея на колѣняхъ шкатулкѣ, смотрѣла на Минкина грустнымъ взглядомъ.

Когда онъ вышелъ, она тяжело вздохнула:

— Что жъ это, Петръ Алѣксандровичъ? Я не могу въ себя прійти отъ изумленія и отъ огорченія. Человѣкъ, котораго я знала съ дѣтства, сынъ честнѣйшаго, кристаллически-чистаго отца и вдругъ оказывается мошенникомъ, воромъ. Это что-то непонятное, что-то дикое....

Старикъ развелъ руками:

Полное паденіе нравственныхъ устоевъ. Кричатъ: народъ — воръ, народъ — грабитель, а что сами дѣлаютъ?! И это не единичный случай. Мнѣ вчера рассказывали, что сынъ генерала Панѣева, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, набралъ драгоцѣнностей, яко-бы для продажи, отъ своихъ знакомыхъ тысячъ на сто и исчезъ. Бывшій пажъ, потомъ гвардейскій офицеръ. Позоръ! Да, нравственность упала....

— Что же теперь будетъ? Неужели ожерелье такъ и останется у него? — спросила Сонечка, поворачиваясь отъ окна. Лицо ея было блѣдно и печально.

— Конечно. Никакихъ доказательствъ нѣтъ, да и кому доказывать? Суду матросовъ, которые сами грабятъ, — проговорила Анастасія Ивановна, откладывая шкатулку и уминая голову на подушки.

— Да и стыдно искать правосудія у матросовъ и солдатъ противъ человѣка своего же круга, обвиняемомъ въ такомъ гнусномъ воровствѣ.

— Пусть бы лучше уворовали при обыскѣ: не такъ было бы обидно, — тихимъ, разбитымъ голосомъ проговорила Сонечка.

— Не было бы стыдно, — поправилъ старикъ, садясь опять въ свое кресло и принимаясь за недочитанную газету.

Нѣсколько дней спустя, Минкинъ, въ отличномъ настроеніи, выпивъ въ дорогомъ кафѣ три стакана какао съ большимъ количествомъ пирожныхъ и уплативъ въ кассѣ очень внушительную сумму, входилъ въ совершенно разоренную, еще недавно очень парадную квартиру графини Кранцъ, жившую въ принадлежавшемъ ей домѣ, нынѣ націонализированномъ. Графиня, небрежно одѣтая, въ черной юбкѣ и темно-синей выпцвѣтшей и вылѣзшей бархатной кофточкѣ, съ оборванными пуговицами, съ грязноватыми, висѣвшими какъ тряпица, кружевами у ворота и рукавовъ, сама открыла Минкину дверь.

Несѣдѣющія, несмотря на преклонный возрастъ, черные волосы, въ беспорядочной прическѣ захваченные роковымъ гребнемъ на макушкѣ, выбивались космами подлѣ ушей и на затылкѣ. Опухшія отъ ревматизма руки были грязны. На желтомъ, худомъ, морщинистомъ лицѣ горѣли безпокойнымъ огнемъ черные глаза. Кто ее не зналъ, принялъ бы за состарѣвшуюся къ кутежахъ и безсонныхъ ночахъ цыганку изъ большого хора.

— Не могу подать вамъ руки, Владиміръ Анатоліевичъ, такъ какъ только что чистила картошку. Вѣдь я теперь совсѣмъ одна: моя жилища уѣхала на югъ, и все приходится дѣлать самой. Видите, что за беспорядокъ... Какъ жить теперь приходится!.. А главное, что вѣдь ѣсть нечего. Скоро всѣ передохнемъ съ голоду, ей Богу!

Черезъ большую опустѣвшую комнату, въ которой стоялъ лишь покрытый чехломъ концертный рояль и громадный, массивный шкафъ изъ палисандроваго дерева, отдѣланный бронзой, графиня провела Минкина въ столовую. На столѣ, покрытомъ грязноватой скатертью, стояла кастрюлька съ недоѣденной кашей, валялась грязная ложка, ножъ и вилка, двѣ три немытыхъ тарелки, стоялъ закопченный кофейникъ на керосиновой машинкѣ и большая фарфоровая пепельница, переполненная окурками папиросъ и спичками. Полъ былъ невыметенъ, и комья мусора видны были подъ тяжелыми, съ высокими

спинками ореховыми стульями. Стѣны были оголены, на дорогихъ обояхъ видны были квадратные слѣды отъ снятыхъ картинъ.

— Вчера я получила отъ сына и невѣстки письмо изъ Стокгольма. Они настаиваютъ на продажѣ домовъ... да что же вы стоите? Садитесь и курите. Угощать мнѣ васъ нечѣмъ.

— Они правы. Продавайте, пока еще существуетъ эта тайная сдѣлка.

— Да вѣдь на однѣ взятки уйдетъ около полумилліона.

— Лучше это, чѣмъ остаться и безъ домовъ и безъ капитала.

— Какой тамъ капиталъ! За домъ на Сергіевской даютъ всего пятьсотъ тысячъ.

— Цѣна отличная.

— Да вы знаете сколько онъ стоитъ? — все время нервно жестикулируя и дергаясь на стулѣ, воскликнула Кранцъ.

— Сколько бы ни стоилъ, это теперь значенія не имѣетъ. Дома ваши націонализированы и если можете продать, продавайте за что даютъ.

— Они ихъ націонализируютъ для того, чтобы драть взятки и тайно перепродавать...

— Это другой вопросъ, а для васъ сейчасъ важно хоть что нибудь получить. Если хотите, я вамъ найду покупателя.

— А на Гороховую съ нимъ не попадешь?

— Нѣтъ, это человѣкъ вѣрный.

— Ну, я еще подумаю. На дняхъ продала мой изумрудъ, что-бы дѣтямъ отправить деньги въ Стокгольмъ. Скоро нищей останусь; нечего будетъ продавать.

— Что же вы поторопились такъ? Я бы вамъ изумрудъ хорошо продалъ. У меня есть скупщикъ, даетъ отличныя деньги.

— Ну ужь, все равно, я продала. А вы принесли мнѣ Николаевскія деньги?

— Принесъ.

— Это хорошо. Надо отправлять. На дняхъ, кажется, будетъ вѣрная оказія. Ну, давайте считаться; сколько вы обмѣняли?

— Теперь всѣ. Вотъ вамъ письмо въ Стокгольмскій банкъ на три тысячи кронъ. За него мнѣ надо получить двадцать одну тысячу.

— По чемъ же крона?

— По семь рублей.

— Да что вы, Владиміръ Анатоліевичъ?! Вчера мнѣ говорили, что крона по четыре рубля.

— Говорили люди плохо осведомленные. Ровно по семь рублей. Ни на этомъ письмѣ, ни на обмѣнѣ денегъ я не наживаю ни одной копейки. Я уже говорилъ вамъ, графиня, что со своихъ добрыхъ знакомыхъ я процентовъ не беру. Такъ вотъ ваше письмо на три тысячи кронъ. Вы мнѣ за него уплатите сейчасъ, такъ какъ у меня свободныхъ денегъ нѣтъ.

— Да, да, конечно. Такъ мы разсчитаемся такъ: я вамъ дала прошлый разъ для обмѣна двадцать пять тысячъ. Изъ нихъ оставьте двадцать одну тысячу въ счетъ этого письма.

— Простите, графиня, вы ошибаетесь. Вы дѣйствительно мнѣ дали двадцать пять, но на пятнадцать я вамъ прошлый разъ принесъ Николаевскихъ. Значить у меня вашихъ осталось всего десять.

— То есть какъ же это? — удивленно посмотрѣла на него Кранцъ. — Простый разъ вы принесли мнѣ на тѣ пятнадцать, что я впередъ давала вамъ, а двадцать пять были вамъ даны послѣ поконченнаго счета. Я это отлично помню, и у меня это записано въ книжкѣ. Вотъ она. Подождите... Ну да, совершенно вѣрно: двадцать пять тысячъ дано послѣ расчета.

— Никакъ нѣтъ, графиня. Тутъ недоразумѣніе. Вы записали совершенно вѣрно, что двадцать пять тысячъ, но вы забыли, что изъ нихъ...

— Ахъ нѣтъ, совсѣмъ это не изъ этихъ! Еще въ передней я вамъ напоминала, что у васъ теперь моихъ денегъ двадцать пять тысячъ, и вы согласились съ этимъ, вы сказали: да, да у меня вашихъ двадцать пять тысячъ.

— Я помню это, но я имѣлъ въ виду, что изъ нихъ пятнадцать идетъ въ счетъ размѣняныхъ.

Лицо графини покраснѣло отъ волненія красными пятнами. Никакихъ доказательствъ въ правотѣ своихъ словъ, кромѣ помѣтки въ записной книжкѣ, она представить не могла, такъ какъ, получая деньги, росписки Минкинъ не давалъ, мотивируя это рискованностью данного момента.

— Вы подумайте хорошенько, графиня, и, я увѣренъ, что вы вспомните куда дѣвались эти пятнадцать тысячъ. Навѣрное вы ихъ кому нибудь отдали.

— Ни съ кѣмъ кромѣ васъ я никакихъ дѣлъ не имѣла это время; я даже не вынимала изъ шкапа бумажника съ этими деньгами, такъ какъ для расходовъ у меня отложены другія. Вѣдь пятнадцать тысячъ это не пятнадцать рублей, — ошибиться въ такой суммѣ невозможно и просчитать тоже невозможно, — горячась и энергично жестикулируя доказывала графиня. Минкинъ, глядя на нее въ упоръ большими наглыми глазами, спокойно настаивалъ на томъ, что она ошибается, что она отдала кому то эти деньги и сейчасъ забыла, и что, конечно, она вспомнить.

— У васъ тутъ никого въ квартирѣ нѣтъ? Шкапъ былъ запертъ?

— Шкапъ все время запертъ, ключъ я ношу при себѣ, и въ квартирѣ больше недѣли ровно никого нѣтъ, такъ какъ моя квартирантка уѣхала, и еще никто комнаты не занялъ. Посчитайте, ради Бога, ваши деньги;

вѣдь нельзя же такъ!... Шутка сказать! пятнадцать тысячъ выскочило изъ бумажника!...

Сколько графиня яи доказывала, Минкинъ настаивалъ на своемъ, что она ошиблась. Уходя онъ сказалъ, что посмотреть между какими то своими пакетами, но что впередъ знаетъ, что просчета у него быть не можетъ, такъ какъ онъ педантично аккуратенъ въ денежныхъ дѣлахъ.

Графиня чуть ни плакала. По уходѣ Минкина она перерыла всѣ ящики въ шкапу и конечно ничего не нашла, такъ какъ эти деньги Минкинъ присоединилъ къ суммѣ, которую онъ, подобнымъ же путемъ, вытянулъ еще у одной дамы, довѣрившей ему свои процентныя бумаги.

XIV

— Я всегда знала, что у Маріи Апполоновны черствая и эгоистическая натура, но все же я не предполагала, что въ такой мѣрѣ, — говорила Вѣра Илларионовна Вероникѣ. Лицо у нея было очень разстроенное; она говорила вполголоса, предварительно прикрывъ дверь.

— То, что она теперь замужемъ и носить другую фамилію могло бы еще болѣе гарантировать хоть на время безопасность пребыванія у нея Миши. Я ни на минуту не сомнѣвалась, что она согласится взять его къ себѣ. Вѣдь вопросъ тутъ не въ удобствахъ, а въ безопасности... Можетъ быть, вопросъ жизни и смерти. Если бы видѣли, съ какимъ спокойнымъ видомъ она мнѣ отказала. Теперь, когда не существуетъ никакихъ условностей, когда насъ травятъ какъ дикихъ звѣрей, когда мы обязаны идти на помощь другъ другу, есть люди, остающіяся, какъ и въ прежнее время, черствыми эгоистами.

— Чѣмъ же она мотивировала свой отказъ? — спросила Вероника, съ грустью глядя на осунувшееся за эти дни лицо Михайловской, ежеминутно находившейся въ

тревогъ за больного брата; до нее дошелъ слухъ, что освобожденіе его изъ тюремнаго госпиталя не нравится кое кому изъ властей. Она сильно боялась вторичнаго ареста, но, конечно, брату ничего не говорила. Годъ, проведенный въ тюрьмѣ въ ежеминутномъ страхѣ за жизнь, такъ сильно повліялъ на его организмъ и психику, что, не смотря на полный покой и окружавшую его заботливость, онъ продолжалъ имѣть видъ затравленнаго звѣря. Въ его глазахъ не исчезало выраженіе внутренней напряженной тревоги; несмотря на легальное освобожденіе, онъ не чувствовалъ себя внѣ всякой опасности. Малѣйшій стукъ въ двери, автомобиль, задерживавшій подъ окнами ходъ, незнакомый ему голосъ въ передней, — все это волновало и пугало его въ такой мѣрѣ, что Вѣра Илларионовна не могла безъ страданія смотрѣть на его дрожащія руки, на судорогу въ лицѣ.

За послѣдніе дни она, какъ и онъ, стала пугаться всякаго неожиданнаго стука въ дверь и голосовъ на лѣстницѣ. Посовѣтовавшись съ мужемъ, она рѣшила обратиться къ Маріи Апполоновнѣ съ просьбой взять Быстрова на нѣкоторое время къ себѣ, съ тѣмъ, что въ домовомъ комитетѣ она заявить, что онъ выѣхалъ изъ города. Рассчитывая на новыя связи бывшей невѣсты брата, она надѣялась, что той удастся болѣе чѣмъ кому либо оградить его отъ возможнаго вторичнаго ареста.

Несмотря на свою антипатію къ Мэри, Вѣра Илларионовна, во имя брата, поѣхала къ ней. Мэри приняла ее очень любезно, внимательно выслушала, не спѣша стряхнула въ пепельницу нагорѣвшій пепелъ папироски и наконецъ дѣловито заговорила:

— Во первыхъ, Вѣра Илларионовна, вы не учли, что я вышла замужъ, и что моему мужу врядъ-ли можетъ быть пріятенъ видъ человѣка, который былъ моимъ женихомъ.

— Боже мой, что вы говорите, Марія Апполоновна! — всплеснула руками Михайловская. — Мой несчастный братъ доведенъ до такого нервнаго состоянія, онъ такъ

боленъ, что видѣ его ничего не можетъ внушать кромѣ глубочайшей жалости. Могутъ ли теперь, въ это ужасное время, существовать какіе нибудь счеты съ прошлымъ?! Вѣдь тутъ идетъ вопросъ о спасеніи жизни брата, который въ прошломъ былъ такъ близокъ вамъ, Марія Апполоновна...

Однако, кромѣ жизни Михаила Илларионовича существуетъ еще жизнь моего мужа, который не въ прошломъ, а въ настоящемъ близокъ мнѣ, — перебила Бачаева взволнованную рѣчь Михайловской. — Имя Быстрова до такой степени опасно, что пребываніе его въ домѣ моего мужа можетъ отозваться и на немъ. Въ данный моментъ осторожность и благоразуміе должны быть на первомъ планѣ.

— Даже въ ущербъ человѣчности?!

— Что дѣлать! — пожала плечами Бачаева. — Сентименты сейчасъ не у мѣста: есть только одна голая, суровая жизнь, съ которой бороться очень не легко. Если бы Михаилъ Илларионовичъ переѣхалъ сюда, то, кромѣ того, что его безопасность нисколько не гарантирована въ домѣ моего мужа, но своимъ присутствіемъ онъ могъ бы сдѣлать ему много вреда. Вотъ причина, которая заставляетъ меня идти вопреки моему желанію быть полезной вашему брату.

Вѣра Илларионовна отъ Бачаевой уѣхала совершенно разбитая морально: ея доброе сердце, всегда готовое на жертвы во имя человѣчности, болѣзненно жалось при видѣ холоднаго эгоизма женщины, которую ея братъ баловалъ, осыпалъ цѣнными подарками, крупной денежной помощью и своей дружбой и привязанностью.

— Напрасно васъ такъ разстраиваетъ отказъ Бачаевой, — проговорила Вероника, выслушавъ рассказъ Михайловской. — Я и не ожидала отъ нея иныхъ словъ. Кромѣ эгоизма, въ ее отказѣ кроется еще причина, которой вы, очевидно, не знаете: ея мужъ, какъ я слышала, крупной марки спекулянтъ, и, конечно, имъ необходимо

какъ можно больше оставаться въ тѣни. Не разстраивайтесь и забудьте этотъ непріятный визитъ.

— Ахъ нѣтъ, я не могу помириться со все болѣе и болѣе выплывающей черствостью людей. — Михайловская смахнула набѣжавшую слезу.

— Мы же гибнемъ, и мы остаемся равнодушны къ участи одинъ другого. Мишѣ я, конечно, ничего не говорила ни о моихъ страхахъ за его свободу, ни о моемъ свиданьи съ Бачаевой; пусть ничего не знаетъ. Онъ такъ жалокъ, такъ безумно жалокъ, что я иногда едва сдерживаю себя, что-бы не разрыдаться въ его присутствіи. Тяжело видѣть его пришибленную кротость, въ которой сказывается страхъ забитаго судьбой человѣка, передъ тѣми, отъ кого зависитъ его покой. Онъ по сто разъ въ день спрашиваетъ меня, не беспокоить ли Николеньку его кашель, не слишкомъ ли дорого стоитъ намъ топить каждый день въ его комнатѣ печь, отказывается часто отъ ѣды, когда я отлично вижу, что ему хочется ѣсть, извиняется за всякій пустякъ. Вчера онъ разлилъ на скатерть чай. Вы бы видѣли его смущеніе, почти испугъ. Дрожащими руками онъ сталъ вытирать скатерть чистой салфеткой, еще болѣе взволновался и, чуть ни со слезами на глазахъ, сталъ просить извиненія у Николеньки и у меня. Я чуть ни расплакалась... И это Миша, прежній Миша! Боже мой, что могутъ люди сдѣлать съ человѣкомъ! Николенька такъ добръ къ нему и такъ деликатенъ, а все таки Миша то и дѣло повторяетъ мнѣ, что онъ въ тягость, что Николенька не можетъ имѣть къ нему ни симпатіи, ни уваженія и якобы терпитъ его присутствіе только ради меня. Вы подумайте только, Вероника Антоновна, сколько страданія для человѣка, привыкшаго всю жизнь чувствовать себя независимымъ и богатымъ и вдругъ оказаться нищимъ, безъ гроша, безъ крова, оплеванный судьбой и людьми, и рядомъ съ этимъ—вѣчный страхъ, что бы опять ни стацили бы въ тюрьму. Развѣ это не ужасная трагедія

человѣческой души?! — Вѣра Илларионовна прижала къ глазамъ носовой платокъ, стараясь удержать слезы.

— Бѣдный Михаилъ Илларионовичъ, — вздохнула Вероника. — Пока вы говорили, я все обдумала, и отъ души предлагаю вамъ перевезти его ко мнѣ. У меня, я увѣрена, его пребываніе наименѣе опасно. А когда онъ поправится, можно будетъ устроить его выѣздъ изъ Петрограда куда нибудь подальше.

Вѣра Илларионовна сразу согласилась на предложеніе Вероники. Надо было только найти удобный предлогъ для переѣзда, и не заронить въ немъ никакихъ подозреній. Вероника обѣщала немедленно приготовить комнату и ушла очень довольная, что ея предложеніе успокоило Михайловскую, которую она любила и цѣнила все болѣе и болѣе.

Вероника отъ Михайловской направилась къ своему дому. По часамъ, стрѣлка которыхъ по указу властей была переведена на два часа впередъ, былъ десятый часъ вечера. Косые вечерніе лучи солнца заливали улицы Петрограда. На Невскомъ и въ началѣ Литейнаго, сѣрая публика, состоявшая исключительно изъ рабочихъ, матросовъ, солдатъ и крикливыхъ, сильно завитыхъ дѣвицъ, сновала густой и пестрой толпой по панелямъ и прямо вдоль мостовой. Чувствовалась разнузданность нравовъ сѣрой толпы и придавленность изрѣдка мелькавшихъ отдѣльныхъ фигуръ «буржуевъ» въ старенькихъ поношенныхъ пальто и шляпахъ, съ какими нибудь пакетами подъ мышкой или корзинками въ рукѣ. Было что-то диссонирующее, что-то нагло вызывающее во всемъ колоритѣ уличной вечерней жизни. Это не была бьющая черезъ край жизнь большого богатого, счастливаго города, гдѣ каждый гражданинъ, послѣ трудового дня, свободно и радостно выходитъ на улицу, чтобы посидѣть въ кафѣ, встрѣтить знакомыхъ или просто прогуляться и подышать воздухомъ. Въ развязной однородной толпѣ, состоявшей исключительно изъ

народа, чувствовалась излишняя веселость недоброжелательного побѣдителя, придавившаго своего обезоруженнаго врага.

На Литейномъ и на Невскомъ по обѣ стороны улицы, подлѣ стѣнъ домовъ стояли бѣдно одѣтыя благообразныя дамы и миловидныя скромныя дѣвушки съ корзинками въ рукахъ. На аккуратныхъ, чистыхъ салфеткахъ были разложены печенья или пирожки по два и по три рубля за штуку. Матросы и солдаты со своими дамами быстро ихъ раскупали. На Литейной, сидя на выступѣ подлѣ садовой рѣшетки, старый, обрюзглый отставной генералъ въ потертомъ, порыжѣломъ пальто, продавалъ газеты. Лѣтъ двѣнадцати, хорошенькій мальчикъ въ гимназической формѣ, съ блѣднымъ личикомъ и большими робкими глазами, протягивалъ прохожимъ маленькія зеленыя вѣточки зелени. Вероника купила у него, заплативъ вдвое больше, чѣмъ онъ спросилъ.

Видъ улицы, съ развязно-веселой толпой, робкіе продавцы и продавщицы съ тонкими профилями и скромными, тихими манерами, образъ Быстрова, съ его запуганнымъ взглядомъ и изможденнымъ болѣзнью и страданьемъ лицомъ, — наполняли душу художницы тоскливымъ чувствомъ. Широкій размахъ историческаго сдвига страны ускользалъ и блѣднѣлъ въ печальной окраскѣ вседневной жизни, наполненной страданьями и слезами гонимаго народомъ класса. Широкому чувству человѣчности нестерпимо было сознаніе, что братъ поднималъ руку на брата, что послѣ кровопролитной войны, скосившей сотни тысячъ жизней, кровь продолжаетъ литься еще большимъ потокомъ, но не отъ руки чужеземнаго врага, а отъ руки родныхъ намъ по крови и по вѣрѣ братьевъ; что ненависть, распаленная отдѣльными личностями, дошла до тѣхъ предѣловъ, когда къ униженному и оскорбленному нѣтъ ни

жалости, ни состраданія, а есть все болѣе разрастающаяся неудержимая волна жетокаго глумленія.

Вероника прошла до самой набережной. Мягкими красками яснаго весенняго вечера была залита вся прозрачно-голубоватая поверхность рѣки и небосклонъ. Надъ шпицемъ Петропавловской крѣпости, алѣвшимъ какъ раскаленная въ огнѣ игла, рѣяла нѣжно-розовая дымка. Вдоль пустынной, широкой торцовой мостовой носился легкій вѣтерокъ, чуть перебирая выпвѣтшую красную ткань, прибитую къ древкамъ надъ уныло и мертво опустѣвшими, разграбленными дворцами, глядѣвшими грязно-мутными запущенными, запыленными окнами на свѣжую и чистую даль спокойной и тихой Невы. Не было слышно ни свистковъ пароходовъ, всегда сновавшихъ по рѣкѣ, ни сигналовъ нарядныхъ автомобилей, не ударялись о торцовую мостовую подковы выхоленныхъ кровныхъ лошадей, запряженныхъ въ щегольскія коляски и пролетки.

Вероника, пройдя вдоль гранитной набережной, остановилась, глядя передъ собой на хорошо знакомую и любимую картину веселыхъ нѣжныхъ тоновъ проснувшейся отъ долгой зимней спячки величественной рѣки.

— Боже мой, — думала она, — какъ все измѣнилось, какъ не похожа эта мертвая тишина набережной на прежнюю кипѣвшую здѣсь въ эти часы жизнь!...

Налетъ грусти какъ будто бы былъ разлитъ въ краскахъ наступавшей бѣлой ночи, въ прозрачно-перламутровой дымкѣ, окутавшей рѣку и далекій горизонтъ съ громадами умолкшихъ, постѣ смертельной спазмы, дворцовъ. Было что то тоскливое и жуткое въ этой тишинѣ, въ этомъ насильственномъ покоѣ.

Передъ Вероникой вставали образы частью исчезнувшихъ неизвѣстно куда, бѣжавшихъ или безвременно погибшихъ обитателей пышныхъ, теперь унылыхъ, какъ будто осѣвшихъ въ своей тяжести, загрязненныхъ и ободранныхъ внутри дворцовъ и хоромъ. Противъ нихъ

алѣла игла крѣпости. Въ этомъ легкомъ, воздушномъ, вѣчномъ стремленіи къ небу, художницѣ чудился трагическій музыкальный аккордъ, неумолкающій скорбный вздохъ тѣхъ, кто со временъ Петра Великаго, обиталъ въ мрачныхъ и сырыхъ казематахъ угрюмой крѣпости и, прислушиваясь къ плеску рѣчныхъ волнъ и къ бою курантовъ, въ одинокомъ томленіи искупалъ свои заблужденія или укрѣплялъ своими страданьями борьбу за идею.

Пойдетъ ли разрушеніе еще дальше? — спрашивала себя въ этотъ моментъ Вероника, — или съ возрожденіемъ природы нахлынетъ новая волна, смягчающая вражду, и Россія начнетъ воскресать отъ залившихъ ее потоковъ крови.

Она не находила отвѣта на свои мысли и, глубоко задумавшись, стояла въ неподвижности, окутанная тишиной и послѣдними умиравшими лучами заката.

Послышались четкіе, одинокіе шаги. Она обернулась: къ ней подходилъ князь Олегъ. Въ высокихъ, желтой кожи, шнурованныхъ сапогахъ и галифѣ, въ ловко сидѣвшемъ на крѣпкой, стройной фигурѣ френчѣ, князь Олегъ могъ притянуть къ себѣ вниманіе даже и въ толпѣ. Особенно выдѣлялись его большіе кругловатые глаза, со стальнымъ блескомъ и выраженіемъ сильной воли и энергіи.

— А я шолъ къ вамъ. Какъ хорошо, что я васъ встрѣтилъ. О чемъ вы такъ задумались?

— Объ этой мертвой тишинѣ, — обводя взглядомъ далекій горизонтъ, отвѣтила Вероника.

— Да, подавляющая тишина . . . — со вздохомъ произнесъ Олегъ. Онъ сѣлъ на гранитныя перила противъ стоявшей Вероники и внимательно посмотрѣлъ на нее:

— Отчего у васъ печальны сегодня глаза? Я не привыкъ къ этому. Отъ васъ всегда вѣетъ заразной бодростью и оживленіемъ.

— На меня тяжелое впечатлѣніе произвелъ, во первыхъ, видъ больного Быстрова,—я только что была у Михайловскихъ, а во вторыхъ, эти теплые весенніе колориты, нѣжные и чистые, такъ не гармонируютъ съ тѣмъ, на чемъ они покоятся, что въ душѣ подымается тоска и много, много вопросовъ, на которые не находишь отвѣта.

— А я нашелъ главный отвѣтъ на мои сомнѣнія и пришелъ къ вамъ, чтобы сказать его, Вероника Антоновна: я рѣшилъ уѣхать на Донъ. Больше оставаться здѣсь я не долженъ.

Вероника вскинула на него глаза:

— Когда вы это рѣшили?

— Сегодня утромъ. Въ данный моментъ я долженъ выполнить только долгъ, откинувъ желанья сердца.

— Вы правы.

— Я считаю, что каждый мужчина въ Россіи, способный носить оружіе, обязанъ, провѣривъ свои убѣжденія, примкнуть къ тому или другому лагерю. Оставаться на нейтральной почвѣ — недопустимо. Изъ этому лагерю я примкнуть не могу, потому, что не вѣрю въ чистоту ихъ идей и потому, что мнѣ гнустны способы проведенія ее. Значить, я долженъ ѣхать на Донъ.

— Когда вы уѣзжаете?

— На дняхъ.

Оба замолчали и, глядя на тихую, ровную поверхность голубой рѣки, въ которой отражались розовые отблески заката, напряженно думали. Князь Олегъ думалъ о томъ, что, уѣзжая, онъ порывалъ всякую связь съ женщиной, ставшей дорогой его сердцу, что никакихъ плановъ, никакихъ надеждъ на новую встрѣчу съ ней онъ имѣть не можетъ, такъ какъ настоящая жизнь влилась въ рамки, недопускающія ни плановъ, ни даже надеждъ. Онъ спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли ему вполнѣ высказаться передъ ней, раскрыть, въ какой мѣрѣ она стала дорога ему или же благоразумнѣе уѣхать, не ска-

завъ ей, для чего онъ такъ долго сидѣлъ въ Петроградѣ, рискуя арестомъ и зная, что товарищи на Дону ждутъ его.

Вероника, услышавъ о рѣшеніи князя уѣхать, почувствовала какъ бы легкій толчокъ въ грудь. За послѣднее время она привыкла часто видѣться съ нимъ, привыкла чувствовать его вниманіе къ себѣ и отгадывала, что въ его молчаніи скрывалось нѣчто большее, чѣмъ симпатія. Ей нравилась его гордая и сильная душа, его прямая и пылкая натура. Чувствуя ту же силу и энергію въ себѣ и не достаточно зная и отгадывая всѣ его душевныя качества, она какъ бы стояла на сторожѣ, не давая ему перешагнуть линію къ близости, къ тѣсной дружбѣ. Ей нравилась характерная выпуклость его натуры и вполне гармонизировавшая благородная внѣшность. Бывали минуты, когда она какъ художница съ интересомъ выжидала какую нибудь подмѣченную игру его лица, движеніе бровей, красивый поворотъ головы, когда чистая и строгая линія его профиля выдѣлялась рѣзче. Съ его отъѣздомъ она теряла компаньона для прогулокъ и живого собесѣдника, съ которымъ можно было говорить не только о текущихъ моментахъ и политикѣ, но и объ искусствѣ, о краскахъ, о музыкѣ, которые онъ и любилъ и понималъ; это было особенно цѣнно теперь, когда Петроградъ пустѣлъ и когда немногіе оставшіеся въ немъ или замыкались и прятались по своимъ угламъ, или же если собирались вмѣстѣ, то вели бесѣду только о продуктахъ и ихъ дороговизнѣ или о внутренней политикѣ, при чемъ большая часть свѣдѣній была измышленіемъ со всевозможными прикрасами. Наука, искусство, музыка и красота мало по малу вычеркивались изъ жизненнаго обихода людей, усталыхъ отъ гоненій, арестовъ и разстрѣловъ.

— Съ какимъ сердцемъ вы ѣдете, князь, на Донъ? — прервала Вероника долгое молчаніе.

Князь неопредѣленно пожалъ плечами:

— Я ѣду на неизвѣстное и далеко не увѣренъ, что горсть собравшихся тамъ русскихъ людей спасетъ Россію. Какъ она спасетъ? Сѹмѣетъ ли спасти? Есть ли еще Россія? Все это для меня туманно. Мы стоимъ слишкомъ вплотную къ совершающимся событіямъ и истинная ихъ оцѣнка ускользаетъ отъ насъ, расплываясь въ общей массѣ событий. Я знаю, что хочу, какъ истинно любящій мою родину, спасти Россію, но въ то же время я не увѣренъ, что та Россія, которую я люблю, — еще существуетъ. А кромѣ всѣхъ этихъ мыслей, является еще сомнѣніе: надо ли спастъ? Россія — это народъ, а не вы, не я, не мы — буржуазія и интеллигенція; и если самъ народъ рушится и оплевывается вѣковое строительство, то пусть самъ и создаетъ сѣизнова.

— Я удивлена, князь, это слышать отъ васъ. Я никакъ не ожидала, что вы можете быть такъ объективны.

— Конечно могу, — улыбнулся Олегъ знакомой художницѣ, чарующей улыбкой.

— Вы какъ то горячо доказывали тупость, некультурность и даже дикость нашего народа.

— Подтверждаю это и теперь. Народъ нашъ дикъ и некультуренъ, но если мы, живя съ нимъ цѣлые вѣка, не сѹмѣли или не захотѣли поднять его до нашего уровня Европейской культуры, то вправѣ ли мы — наименьшая часть Россіи — навязывать этому народу наши патріотическія понятія и наши идеи о государственности? Очевидно, нашему народу претятъ европейскіе вкусы; онъ смахнулъ ихъ однимъ движеніемъ своего мощнаго кулака, а чтобы мы ихъ и впредь ему не навязывали, онъ заодно смахиваетъ и насъ, потому что не любить и не понимаетъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ его понятіями, съ его потребностями и вкусами. Классовая вражда разожжена до крайнихъ предѣловъ. Вопросъ поставленъ ребромъ: или мы, или они. Съ точки зрѣнія логической справедливости, — конечно мѣсто имъ, а не намъ, не сѹмѣвшимъ за цѣлые вѣка ни слиться со сво-

имъ народомъ, ни внушить къ себѣ любовь и уваженіе. Сила на ихъ сторонѣ, значитъ и право на Россію на ихъ сторонѣ. Разрушили, такъ пусть теперь по своему и созидають, а наше дѣло — сторона.

— И все таки вы ѣдете на Донъ?

— И все таки я ѣду. Не могу же я арестоваться или разстрѣляться или просто бѣжать за границу. Первое и второе не позволяетъ мнѣ чувство самосохраненія, третье не позволяетъ мнѣ моя честь. За границу убѣгу я только тогда, когда пойму, что бѣлые на Дону безсильные фантазеры, но тогда я уйду изъ Россіи навсегда, потому что нельзя жить въ своей странѣ, не имѣя уваженія къ народу и потерявъ его къ нашей интеллигенціи и буржуазіи.

— Нѣтъ, князь, Россію на всегда вы не бросите. Это теперь вамъ такъ кажется. А вы раньше любили нашъ народъ?

— Я его никогда не уважалъ, а любить я могу лишь то, что уважаю. На этой почвѣ мы не разъ сталкивались съ братомъ. Онъ всегда возлагалъ какія то несбыточные надежды на разумную силу и добродушіе нашихъ Ивановъ и Петровъ, а я доказывалъ, что у Ивановъ и Петровъ есть только здоровый и тупой кулакъ. Ни разума, ни добродушія у нихъ нѣтъ.

— А нашъ классъ? Развѣ онъ оказался лучше?

— Оставимъ, Вероника Антоновна, этотъ слишкомъ больной теперь для меня вопросъ. Съ одной стороны черноземная сила въ видѣ Ивановъ и Петровъ, а съ другой — monsieur X. и monsieur Z., съ которыхъ сняли смокинги и лакированные ботинки и которымъ ничего иного, кромѣ арестантскаго халата за мошенничество и спекуляцію, надѣтъ не подобаетъ. Больно это... больно!

— Ну, не всѣ же, князь!

— Не всѣ, но слишкомъ много. Однимъ словомъ, такіе какъ мы съ вами — оказались общипанными со всѣхъ концовъ: и матеріально и морально. Нѣтъ больше

фундамента, на которомъ можно было бы строить съизнова жизнь. Чтожь, будемъ жить пока изо дня въ день. А вы, Вероника Антоновна? — помолчавъ спросилъ князь.

— Что-я?

— Какъ вы будете жить?

— Еще не знаю. Собираюсь пробраться вскорѣ въ Крымъ за моимъ братишкой, вернусь сюда и тогда увижу.

— Кто знаетъ, когда и гдѣ свидимся съ вами?! Уѣду и порвется всякая связь. Ни письма, ни телеграммы, ни слова привѣта. *C'est triste! Partir-c'est mourir un peu, c'est mourir à seux qu'on aime**), — вполголоса пропѣлъ Олегъ фразу изъ романа Тости.

— Вы для меня не умрете.

— Вы не забудете меня? Это вѣрно?

— Нѣтъ, князь, я васъ не забуду. Я даже больше скажу вамъ: когда вы уѣдете, то я наизусть напишу вашъ портретъ, и онъ будетъ ждать вашего возвращенія. Я напишу васъ такъ, какъ вы сейчасъ здѣсь сидите: и это небо, и эту пустую набережную, и этотъ умирающій блѣдно-опаловый закатъ, и рядъ опустѣлыхъ, уныло глядящихъ дворцовъ. Будетъ много колорита, много тонкихъ печальныхъ тоновъ.

— Да, напишите; тогда я буду знать, что хоть нѣкоторое время вы будете думать обо мнѣ.

— Не знаю какъ и гдѣ, но я чувствую, что мы еще свидимся съ вами, князь, — помолчавъ и подумавъ, какъ будто бы провѣряя себя, сказала Вероника.

— И я въ этомъ увѣренъ. Во всякомъ случаѣ, я везу съ собой маленькую, тонкую и душистую связь съ вами. *Un jour j'ai commis un petit vol,**)* — Говоря это Олегъ досталъ изъ бокового кармана сафьяновый бумажникъ и

*) Это грустно! Уѣхать, это умереть... умереть для тѣхъ, кто намъ дорогъ.

**) Однажды я совершилъ маленькую кражу.

вынулъ изъ него аккуратно сложенный маленькій, тонкій, отдѣланный кружевомъ носовой платокъ.—Вы его узнаете?

— Когда вы его взяли? — удивилась Вероника.

— На второй день нашего знакомства. Я могу его оставить?

— Онъ вашъ, князь...

Надъ рѣкой потухла розовая дымка, и легкія прозрачныя тѣни спустились и окутали набережную. И небо, и рѣка, и прямая линія гладко-мощеннаго тарца казались акварельнымъ наброскомъ тонкой кисти художника. Въ прозрачной высотѣ зажглась одинокая блѣдная звѣзда. Стало еще тише.

— *Partir c'est mourir un peu, c'est mourir á ceux qu'on aime*... тихонько опять запѣлъ князь Олегъ. Лицо его было строго и задумчиво, въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ отражалось свѣтлое вечернее небо.

— Пойдемте, князь, ко мнѣ. Еще не поздно, — кладя руку на его руку, проговорила Вероника.

Онъ молча поцѣловалъ ея пальцы, и молча, окутанные надвигавшимися легкими полу-тѣнями бѣлой ночи, они пошли вдоль гранитной набережной.

XV

Было поздно. Бѣлая ночь спустилась надъ Невой. Набережная совсѣмъ опустѣла. Князь Олегъ одиноко шагаль вдоль ея гранитныхъ береговъ, и его сильная душа первый разъ въ жизни потонула въ глубокой тоскѣ. Уходя отъ Вероники, онъ все таки не сказалъ ей того слова, которое могло бы имѣть рѣшающее значеніе для его жизни, которое могло бы сдѣлать его отъѣздъ менѣе тягостнымъ. Теперь, наединѣ съ этой грустной бѣлой ночью надъ мертвой одинокой набережной, онъ проклиналъ себя за излишнюю силу воли и готовъ былъ вернуться, постучаться

въ ея дверь и крикнуть ей слово которое томило и мучило его.

Иногда ему казалось, что она отгадываетъ и понимаетъ его чувства, иногда же, какъ напримѣръ въ этотъ вечеръ, она казалась ему слишкомъ замкнутой и далекой отъ его рвущагося къ ней сердца.

Никогда Олегъ не испытывалъ столько теплыхъ, нѣжныхъ порывовъ къ женщинѣ, какъ онъ испытывалъ ихъ къ Вероникѣ. Всю жизнь избалованный вниманьемъ женщинъ, онъ любилъ ихъ шутя, безъ страданій, безъ страховъ потерять, безъ ревности. До этихъ поръ онъ видѣлъ въ женщинѣ радость, но не цѣль жизни и долго не останавливался на своихъ привязанностяхъ. Никогда не откровенничая съ братомъ на темы о женщинахъ, онъ однако догадывался, что въ жизни князя Сергѣя была привязанность, имѣвшая глубокое вліяніе на его самолюбивую натуру, заолодившую для дальнѣйшей жизни его сердечные порывы. Онъ удивлялся и не понималъ этой, по его мнѣнію, излишней отзывчивости и впечатлительности на женскія чувства.

— Бери женщину такой, какъ она есть, — не разъ повторялъ онъ, — и не ищи въ ней того, чего она дать не можетъ.

Измѣна женщины огорчила бы его мало, такъ какъ никогда онъ глубоко не былъ привязанъ и не искалъ такой привязанности къ самому себѣ.

La vie est brève:

Un peu de rêves,

Un peu d'amour

*Et puis... — bonjour... *)* — шутя говорилъ онъ, когда его спрашивали, какъ онъ относится къ любви.

Встрѣча съ художницей круто измѣнила его отношенія къ этому вопросу. Онъ чувствовалъ, что въ его жизнь влилась совершенно новая, невѣдомая ему до сихъ

*) Жизнь коротка: немножко грезъ, немножко любви, и затѣмъ... прощай!...

порь, струя, что вопросы, къ которымъ онъ до сихъ порь подходилъ шутя, стали имѣть для него иной, болѣе серьезный и глубокий смыслъ и то, что до этихъ порь онъ считалъ забавой, могло имѣть для его сердца значеніе драмы.

Онъ вспомнилъ, какъ однажды, совершенно случайно, братъ встрѣтилъ его въ очень поздній часъ ночи, провожавшаго, закутанную съ головы до ногъ въ черный шелкъ, даму. Вспомнилъ тихій испуганный возгласъ его дамы и измѣнившееся, какъ ему показалось, даже поблѣднѣвшее, лицо брата. Вернувшись домой, онъ немедленно прошелъ на его поолвину и, весело и возбужденно блестя глазами, рѣшительно приступилъ къ объясненію, которое сводилось къ тому, что онъ безъ всякаго ущерба для своего хорошаго настроенія, готовъ сойти съ пути, если только, благодаря неожиданной случайности и коварству дамы, они оказались соперниками.

— Ты, пожалуйста, милый Еремка, не вздумай играть въ благородство чувствъ и не приноси никакой жертвы, такъ какъ, предупреждаю тебя, что въ этой игрѣ я задѣтъ очень поверхностно и шутя отставляю этотъ бокаль, что бы наполнить другой.

Теперь происходило нѣчто другое: не разъ въ глубинѣ души Олегъ испытывалъ незнакомое ему, острое, бо-лѣзненное чувство отъ невыясненнаго сомнѣнія, ограничивались ли взаимныя отношенія художницы и князя Сергѣя лишь простымъ мимолетнымъ знакомствомъ. Онъ испытывалъ почти страданіе при мысли, что, уѣзжая, онъ такъ же мало зналъ о чувствахъ Вероники къ себѣ или къ брату, какъ это было въ первый день ихъ встрѣчи. А между тѣмъ, въ то время какъ онъ будетъ отъ нея далеко, братъ Сергѣй, навѣрное, увидится съ ней, такъ какъ ему необходимо было вернуться въ Петербургъ для личныхъ дѣлъ...

Осаждаемый этими мыслями, Олегъ медленно шелъ по набережной, не замѣчая ни пути, ни времени. Разбудивъ звонкомъ швейцара и поднявшись по лѣстницѣ, онъ от-

крылъ дверь американскимъ ключемъ и на секунду остановился въ удивленіи, увидавъ въ столовой свѣтъ свѣчей. У него мелькнула мысль, что въ квартирѣ обыскъ, но слышался стукъ отодвигаемаго стула, и на порогѣ передней появился братъ Сергѣй.

— Еремка! — радостно воскликнулъ князь Олегъ, забывъ всѣ, только что мучившія его, сомнѣнія. — Вотъ ужъ не ожидалъ! Хотя и предполагалъ, что ты будешь здѣсь, но никакъ не думалъ, что такъ скоро. Милый мой, сама судьба послала тебя, такъ какъ я на дняхъ уѣзжаю.

Братья обнялись. Въ глазахъ обоихъ свѣтилась радость встрѣчи. Они сѣли за столъ, на которомъ стоялъ кипѣвшій самоваръ и вынутые старикомъ лакеемъ, рѣдкіе для Петрограда, лакомства, въ видѣ сала, колбасы и бѣлаго хлѣба, привезенныхъ Сергѣемъ изъ деревни.

— Надѣюсь, ты не на долго сюда? — спросилъ Олегъ, съ удовольствіемъ принимаясь за неожиданный ужинъ. — Кромѣ очень серьезно свирѣпствующей холерной эпидеміи, положеніе для насъ съ тобой, а въ особенности для тебя, здѣсь довольно угрожающее: обыски и аресты не прекращаются.

— Да, это я знаю, — спокойно проговорилъ князь Сергѣй. — Вѣдь я пробылъ болѣе двухъ недѣль въ Тулѣ и тамъ кое кого видѣлъ. Мама очень тревожится о тебѣ. Я общалъ съ первой же оказіей увѣдомить ее, здѣсь ли ты и все ли съ тобой благополучно.

— Оказія эта будетъ на дняхъ въ лицѣ меня самого, такъ какъ я снимаюсь съ якоря и ѣду на Донъ.

— Великолѣпно! — радостно воскликнулъ князь Сергѣй. — Обожди нѣсколько дней меня и поѣдемъ вмѣстѣ. Я рѣшилъ проѣхать туда, что бы повидать Сазонова, нащупать его дипломатическія перспективы и, сообразно съ этимъ, обдумать куда дѣвать себя и, вообще, — что предпринять. Ты понимаешь, что не могу же я болтаться такъ съ сѣвера на югъ и обратно, не имѣя никакихъ цѣлей, никакихъ видовъ на будущее. Проживъ отшельникомъ полъ

года близъ береговъ Колхиды и блуждая цѣлыми днями съ ружьемъ за плечами по скаламъ и дебрямъ, куда долетали лишь глухіе отзвуки того, что творится здѣсь, я совершенно отдохнулъ отъ пережитыхъ волненій и тревогъ прошлой зимы и даже одичалъ. Пора и мнѣ опять влиться въ потокъ, затопившій нашу Россію.

— Очень потокъ этотъ мутный. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе муты подымается со дна. — Князь Олегъ съ сокрушеніемъ вздохнулъ.

— Подожди, мой другъ, подожди: — еще немного и вся эта муть осядетъ, потокъ будетъ чистъ, и просвѣтленныя воды его зальютъ благотворной волной родныя нивы... — Въ тонѣ голоса князя Сергѣя звучала душевная бодрость, а въ глазахъ свѣтился, хорошо знакомый брату, огонекъ энтузіазма.

Олегъ пожалъ плечами:

— А ты твердишь все свое, — по старому? Удивляюсь! До сихъ поръ остаешься вѣренъ иллюзіямъ. Повѣрь мнѣ, что твои иллюзіи смахиваютъ на несбыточныя сказки. Неужели ты до сихъ поръ не видишь и не понимаешь во что обратилась Россія, если Россія еще существуетъ!... Гдѣ эти благотворныя волны чистаго потока? Царство хама, муть, грязь, озорство, безчинство, грабежъ... Хаосъ, безпросвѣтный хаосъ!...

— Да, хаосъ, но брызнуть лучи свѣта, и закипитъ иная, новая жизнь..., — съ пафосомъ, какъ бы весь наэлектризованный, проговорилъ Сергѣй.

— Мечтатель, фантазеръ! Мнѣ жаль тѣхъ минутъ величайшаго разочарованія, которыя неминуемо ждутъ тебя, — сокрушенно покачалъ головой Олегъ.

— Ты не любишь, не понимаешь нашего народа; души его не понимаешь.

— Понимаю и не уважаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты постой, не перебивай, — горячо остановилъ брата Сергѣй. — Я ѣхалъ изъ Сочи до Тулы болѣе двухъ недѣль, ѣхалъ въ третьемъ классѣ и даже въ

теплушкахъ. Ты бы послушалъ о чемъ они говорятъ, какъ они интересуются политикой, какіе высказываютъ взгляды...

— Навязанные имъ агитаторами и нахваченные съ пятого на десятое отъ нашей же либерльной молодежи, ходившей до революціи по деревнямъ.

— Это смѣшно! Почему ты не допускаешь, что у нихъ можетъ быть свой личный взглядъ на политику?

— Потому что она имъ не нужна, потому что патріотическихъ чувствъ въ нашемъ народѣ абсолютно не существуетъ. Никакого дѣла имъ нѣтъ до Россіи. Ихъ горизонты не расширяются дальше собственной губерніи, и всѣ ихъ помыслы сосредоточены лишь на одномъ вопросѣ: землячка, лошаденка и коровенка, а все остальное хоть пропадомъ пропади. Какіе могутъ быть патріотическіе запросы у народа, который не доросъ еще до понятія объ уваженіи къ чужой собственности, въ натурѣ котораго сидитъ воръ, грабитель и насильникъ ? !

— Ну, если такъ, то кто виноватъ, что народъ нашъ до сихъ поръ находится въ состояніи полудикости?

— Это — другой вопросъ. Мы сейчасъ говоримъ съ тобой о фактахъ, а не объ ихъ причинахъ. Я возражаю тебѣ съ цѣлью доказать, что народъ нашъ никакого *fiat-lux* въ психологіи своей не имѣетъ и, будучи воромъ, озорникомъ и грабителемъ не можетъ создать самостоятельно никакого разумнаго государственнаго строя.

— Я не говорю самостоятельно, но съ его потенциальной силой.

— А я говорю, что такой народъ какъ нашъ долженъ молчать и выполнять волю вожака. *Tout pour le peuple, rien par le peuple.* *) Въ общемъ же итогъ я дошелъ до признанія, что пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Если мы допустили, что-бы народъ богоносецъ развалилъ всю Россію, такъ нечего намъ теперь и соваться: пусть дѣлаетъ

*) Все для народа, ничего — самимъ народомъ.

что хочеть. — Князь Олегъ устало махнулъ рукой, большой и породистой, на которой ярко блеснула алая грань большого фамильнаго перстня. Онъ прищурился и, задумавшись, сталъ при свѣтѣ неяркаго пламени свѣчи разглядывать игру перстня.

— Какъ ты могъ дойти до такой пассивности? Теперь, именно теперь... — опять загорячился князь Сергѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно на эту тему, — отставляя подальше свѣчу, остановилъ брата князь Олегъ. — Въ то время какъ ты утопалъ близъ береговъ Колхиды въ лучахъ горячаго солнца и въ блескахъ моря, я утопалъ здѣсь въ темныхъ и мутныхъ проявленіяхъ жестокости, вражды, грабительства и запоя разрушенія. Не забудь, что я три года пробылъ на войнѣ и изъ огня попалъ въ полымя. Есть отъ чего устать... Впрочемъ, я не усталъ, а только вижу факты въ ихъ настоящемъ освѣщеніи и не хочу фантазировать.

— Да, ты правъ, оставимъ разговоръ на эту тему; все равно мы никогда не сговоримся, — наливая себѣ вторую чашку чая, произнесъ князь Сергѣй.

— Не беспокойся — придетъ время, и мы окажемся солидарны во мнѣніяхъ, — улыбнулся Олегъ, съ удовольствіемъ отправляя въ ротъ большой кусокъ привезеннаго братомъ сала.

— Какова исторія съ убійствомъ въ Москвѣ графа Мирбаха?! Я узналъ объ этомъ только въ Тулѣ. И нѣмцы проглотили эту пилюлю?! Что жъ это — начало заката ихъ могущества? Я ожидалъ съ ихъ стороны громаднаго взрыва негодовнія, а на дѣлѣ оказалось полный молчокъ.

— А про Царя слышалъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Держится упорный слухъ, что царь со всей семьей разстрѣлянъ въ Екатеринбургѣ. Вчера я читалъ гнусныя подробности въ газетахъ.

— Ты этому вѣришь?

— Не хотѣлъ бы вѣрить, но, думаю, что это возможно. Какимъ ужаснымъ кровавымъ пятномъ ляжетъ этотъ фактъ на страницы русской исторіи!

На лбу князя Олега появилась глубокая складка, и изъ подъ сдвинутыхъ бровей блеснулъ суровый стальной взглядъ.

Послѣ чая братья перешли въ комнату князя Сергѣя, который, сбросивъ съ себя пыльное платье, въ одномъ бѣльѣ, не желая беспокоить въ такой поздній часъ старика лакея, приготовилъ себѣ чистую постель и разбиралъ дорожный сакъ. Пройдя въ сосѣднюю маленькую уборную, онъ умывался, плескаясь въ водѣ и громко переговариваясь съ братомъ о своихъ новыхъ планахъ, впечатлѣніяхъ въ пути и рассказывая о матери и ея желаніи пробраться въ Одессу.

Олегу, полулежа на широкой оттоманкѣ, одну за другой курилъ папиросы, слушалъ брата и, въ то же время, не переставалъ думать о Вероникѣ.

Сергѣй вышелъ изъ туалетной комнаты весь освѣженный, въ чистомъ бѣльѣ, съ прилизанными, глянцевыми отъ воды, аккуратно расчесанными на бокъ волосами, улегся въ постель, укрылся до пояса легкимъ шолковымъ одѣяломъ, съ видимымъ наслажденіемъ вытянулся и также закурилъ папиросу.

— Однако и усталъ же я! — Онъ закрылъ глаза и замолчалъ.

— А я сегодняшній вечеръ провелъ у художницы Кампіони, — прервалъ молчаніе Олегу, слѣдуя теченію своихъ мыслей.

— Она еще здѣсь?

— Здѣсь. Собирается ѣхать въ Крымъ.

— Ну что жъ: она раздѣляетъ твои пессимистическіе взгляды на положеніе въ Россіи?

— Какъ художница, какъ натура творческая, она смотритъ на все происходящее очень объективно.

— Пишетъ что нибудь новое?

— Да, начала большое полотно.

Спокойный, почти безразличный, тонъ брата показался Олегу искусственнымъ, и изъ глубины души его начало подыматься глухое чувство ревности.

— Въ знакъ признательности за хлопоты о моемъ освобожденіи изъ тюрьмы, мама просила передать ей посылку съ вареньемъ и медомъ. Пожалуй, завтра-же зайду къ ней, — наслаждаясь отдыхомъ и чувствуя близость крѣпкаго здороваго сна послѣ усталостныхъ ночей, медленно затягиваясь дымомъ папиросы, проговорилъ Сергѣй, не подозревая, что этой фразой онъ подливалъ масло въ огонь нарастающихъ, невѣдомыхъ для него, ревнивыхъ чувствъ брата.

— Послушай, Сергѣй, отвѣть мнѣ, пожалуйста, очень честно на слѣдующій вопросъ: *tu tiens beaucoup à la voir**)?

— То есть какъ это? — недоумѣвая переспросилъ Сергѣй и вдругъ разразился мальчишески звонкимъ, веселымъ смѣхомъ: — не имѣешь ли ты въ виду, какъ было однажды, предоставить мнѣ мои первоначальныя права на даму, съ которой я тебя встрѣтилъ?

— Развѣ у тебя были права и въ даномъ случаѣ? — силясь подавить напившуюся въ груди бурю, намѣренно растягивая слова, проговорилъ Олегъ.

— Я этого не говорилъ, я только...

— Ну да, конечно, *tu es trop gentleman*.

— Да нѣтъ же, ничего подобного, — опять разсмѣялся князь Сергѣй, — я не отрицаю, что она обаятельна, что у нея можетъ быть громадный темпераментъ и очень пылкія чувства, но...

Князь Сергѣй не договорилъ, такъ какъ раздался мощный ударъ кулака по стоявшему рядомъ съ нимъ столу:

— Перестань шутить!.. я говорю тебѣ, перестань шутить!.. — внѣ себя, задыхаясь отъ внезапно нахлынувшего гнѣва, крикнулъ князь Олегъ.

*) Ты очень хочешь ее видѣть?

Сергѣй, въ изумленіи, широко открытыми глазами уставился на брата:

— Ты съума сошелъ? Что съ тобой дѣлается?

— Не шути, не шути, говорю я!.. — задыхаясь, повторялъ Олегъ.

Сергѣй, знавшій за братомъ съ самаго дѣтства эти внезапные бѣшенные взрывы гнѣва, которые такъ же скоро проходили какъ и появлялись, замолчалъ, протянулъ руку къ ночному столику и стряхнулъ въ пепельницу нагаръ папиросы.

— Во всякомъ случаѣ, — послѣ минутнаго молчанія, справившись съ собой, заговорилъ князь Олегъ, — этого бокала я такъ легко не отставлю, какъ готовъ былъ это дѣлать всегда. Мы, кажется, съ тобой обмѣнялись ролями.

— Ты успокоился теперь? Изволь, буду говорить серьезно: я не стою и не стоялъ на твоёмъ пути.

— Отчего мнѣ кажется, что между тобой и ею что то было? Это меня беспокоитъ.

— Напрасно. Ты меня прости, что я смѣялся, но, увѣряю тебя, я не предполагалъ, что это...

— Что это серьезно? Да, мой другъ Еремка, это серьезно, это очень серьезно... а я долженъ уѣхать на Донъ и уѣду... *Malbrouk s'en va'ten gerre, Dieu sait quand reviendra*, — вздохнулъ Олегъ.

Въ памяти князя Сергѣя промелькнули воспоминанія дней, когда художница, вся сгорая отъ налетѣвшаго на нее порыва, искала въ немъ отвѣтнаго чувства; однако, ни на секунду не пришло ему въ голову подѣлиться этими воспоминаніями съ братомъ.

— А она знаетъ? — спросилъ онъ.

— Догадывается... а можетъ быть и нѣтъ. Я не увѣренъ... — Оба замолчали. Князь Сергѣй докурилъ папиросу, зѣвнулъ и приготовился спать.

— Ну, я пойду къ себѣ. Спи, ты усталъ. Завтра поговоримъ. — Олегъ поднялся съ тахты, пожалъ руку брата и прошелъ въ свою комнату. Хотя было уже очень поздно,

онъ зажегъ на письменномъ столѣ свѣчу, такъ какъ электричество совсѣмъ не давалось, задернулъ на окнахъ тяжелыя драпировки, что бы не видѣть бѣлесовой, свѣтлой ночи, сѣлъ къ столу и, безъ остановки, однимъ взмахомъ, написалъ Вероникѣ письмо:

«Я ушелъ отъ Васъ, не сказавъ Вамъ самого для меня важнаго. Мысль, что я уѣзжаю на Донъ, заставила меня молчать. Теперь, среди ночи, эта самая мысль заставляетъ меня, свѣтлая, радостная женщина, открыть Вамъ то, что я носилъ все это время далеко запрятаннымъ отъ всего міра, отъ Васъ, въ глубинѣ моего сердца и мозга... Вы знаете это слово, я не могу довѣрить его даже бумагѣ.

Я не боюсь ни смерти, ни жизни, но я не хочу умирать, такъ какъ «тамъ» не будетъ Васъ, и не хочу жить, если здѣсь Вы не будете со мной. И умирать, и жить я хочу только съ Вами. Я долженъ, не откладывая, уѣхать на югъ, но я жду отъ Васъ отвѣта, отъ котораго зависить поѣду ли я, озаренный солнцемъ жизни и лучами радости или же... Однако, каковъ бы ни былъ Вашъ отвѣтъ, прошу Васъ, помните, что духъ мой силенъ, и я могу безъ страха, хоть и съ великимъ страданьемъ, идти на встрѣчу смерти и тьмѣ.

Цѣлую Ваши прекрасныя тонкія руки и края ароматнаго шарфа, окутывающаго Ваши стройныя плечи.

Вашъ вѣрный другъ и рабъ Кн. Олегъ Суровъ».

Вероника получила это письмо утромъ, когда уже яркое и теплое солнце заливало ея рабочій кабинетъ полными лучами, игравшими искрами на граняхъ большихъ хрустальныхъ вазъ и придававшими живую теплую окраску тонамъ большого полотна съ видомъ южнаго моря и цѣпью отдаленныхъ, тонущихъ въ туманныхъ даяхъ горъ.

Это было радостное для художницы утро, такъ какъ неожиданно она получила по телефону сообщеніе, что есть немедленная оказія для отправки брату въ Крымъ давно приготовленнаго письма и пакета съ деньгами. Стоя у мольберта и выжимая на палитру краски, она думала

о князѣ Олѣгѣ, о необычайно тонкихъ и нѣжныхъ колоритахъ вчерашняго заката надъ гранитной набережной. Фантазія уже создавала мельчайшія подробности задуманной картины. Раздался звонокъ въ передней, и старыи утрюмый лакей князей Суровыхъ передалъ ей большой, изъ толстой бумаги, конвертъ съ четкимъ энергичнымъ почеркомъ Олега.

— Просили отвѣтъ, — проговорилъ лакей вслѣдъ выходящей изъ передней Вероникѣ.

Она прочла письмо, опустила его на колѣни и, съ блуждающей на губахъ улыбкой, задумалась:

— Будущее ? ! . Какъ и когда онъ вернется съ Дона ? Останутся ли чувства все тѣ-же ? Гдѣ буду я сама ? Гдѣ всѣ мы будемъ и уцѣлѣемъ ли еще въ этомъ кипящемъ котлѣ ? Отчего не дать радость надежды, когда сейчасъ такъ мало у всѣхъ счастья, когда жизнь становится все мрачнѣе и безпросвѣтнѣе ? Въ немъ есть сила, есть энергія къ упорной борьбѣ, есть благородство души . . . онъ мнѣ не безразличенъ . . . мнѣ жаль, что онъ уѣзжаетъ . . . что будетъ черезъ полгода, черезъ годъ ? . . . Ахъ, не время теперь заглядывать въ непринadleжащее намъ будущее. надо жить сегодняшнимъ днемъ . . . Кому дано это счастье, тотъ долженъ разсыпать вокругъ себя возможно больше лучей радости и свѣта . . . — Энергичнымъ движениемъ Вероника подняла голову, подошла къ письменному столу и быстро начертила на листкѣ бумаги:

«Будьте счастливы и радостны. Жду васъ къ себѣ сегодня вечеромъ.

Вероника Кампіони».

Все было готово къ переѣзду Быстрова въ квартиру художницы Кампіони. Необходимыя вещи были отправлены впередъ, что бы скрыть отъ дворни слѣды его переѣзда. Съ утра Быстровъ находился въ возбужденномъ, нервномъ и тревожномъ состояніи. Его страшилъ этотъ переѣздъ изъ уютнаго гнѣзда сестры, гдѣ онъ былъ окруженъ ея заботой и нѣжной лаской. Съ понурой головой онъ сидѣлъ въ своей уже раззоренной комнатѣ въ ожиданіи завтрака, послѣ котораго сестра должна была перевезти его къ Вероникѣ. Полными грусти глазами онъ смотрѣлъ въ открытое окно, черезъ которое видны были зеленныя деревья сада частной лечебницы. Видъ этихъ густыхъ зеленыхъ кленовъ былъ ему дорогъ, какъ былъ дорогъ каждый клочокъ свободной жизни, послѣ долгаго мрачнаго заточенія. Нервы были такъ слабы, что при мысли о необходимости разстаться со всѣми, ставшими безконечно дорогими, условіями тихой, какъ въ гнѣздѣ, жизни у сестры, Быстрову хотѣлось плакать, и онъ съ усиліемъ удерживалъ наливавшія слезы.

— Вотъ и Николенька стучить, — услышалъ онъ голосъ сестры, быстро проходившей черезъ столовую, что бы открыть дверь мужу.

— А что, завтракъ готовъ? — послышался голосъ Михайловскаго.

— Готовъ, готовъ. Я сегодня угощу васъ чѣмъ то очень вкуснымъ. Ты слышишь, Мишенька?

— Слышу, — уныло отозвался Быстровъ.

— Что это вы такъ приуныли, Михаилъ Илларионовичъ? — Михайловскій пожалъ руку Быстрова и грузно опустился на стулъ.

— Да вотъ . . . переѣздъ этотъ . . . грустно мнѣ.

— Полно, стоитъ ли себя волновать! Вѣдь это вопросъ короткаго времени. Какъ кончатся обыски въ нашемъ районѣ, такъ мы васъ опять сюда водворимъ. — Михайловскій повторялъ условную объ обыскѣ ложь, что бы не наполнять страхомъ и безъ того измученную душу больного человѣка.

— Вы отдохнете отъ моего невеселаго присутствія; я знаю, что стѣсняю и мѣшаю вамъ и врядъ ли смогу когда нибудь и чѣмъ нибудь отблагодарить васъ. Мнѣ было такъ хорошо, такъ спокойно у васъ, — сдавленнымъ голосомъ, сдерживая слезы, говорилъ Быстровъ.

— Зачѣмъ вы все это говорите, Михаилъ Илларионовичъ? Никого вы тутъ не стѣсняли и не будете стѣснять. Что за благодарности? ! Недѣльки черезъ двѣ вернетесь, и тогда будемъ подумывать объ отъѣздѣ вашемъ.

— Вернусь ли? !. Что то у меня очень тяжело на душѣ...

— Нервы, все это нервы. Знаю я это: самъ прошелъ черезъ все это послѣ блѣзни. Казалось, что никогда не выздоровѣю, все представлялось въ мрачномъ свѣтѣ, а вотъ пережилось и, оказалось, что жить еще можно.

— Надъ вами не висѣлъ Дамокловъ мечъ.

— Э, все обойдется, Михаилъ Илларионовичъ; чѣмъ чортъ не шутить! Пойдемте ка завтракать.

Во время завтрака звонила Вероника Кампиони, уведомляя, что всё готово къ пріѣзду Быстрова, и что она ждетъ всѣхъ ихъ съ кофеемъ для новоселья.

— Ты, пожалуйста, Миша, не грусти. Я буду приходить къ тебѣ часа на два, на три каждый день, буду приносить тебѣ хлѣбцы къ чаю, буду развлекать тебя, и ты не замѣтишь какъ пройдетъ время, — подбадривала брата Вѣра Илларионовна.

Кончили завтракать. Михайловскій закурилъ папиросу и сѣлъ на подоконникъ открытаго окна. Былъ жаркій, солнечный день; вѣтеръ гналъ пыль по неполитымъ, сорнымъ улицамъ города; слышны были звонки не вда-

лекъ проходившаго трамвая и отдаленный стукъ безпрестанно снующихъ грузовиковъ.

— Вѣрочка, подойди-ка скорѣе, — подозвалъ Михайловскій жену, перегибаясь и вглядываясь на улицу.

Вѣра Илларионовна подошла, взглянула по указанному ей-направленію и сразу поблѣднѣла: четыре вооруженныхъ солдата, въ сопровожденіи какихъ то двухъ мушницъ, только что высадившихся изъ автомобиля, стояли у воротъ сосѣдняго дома, о чемъ то толкуя между собой и поглядывая то на номеръ у воротъ, то на сосѣдній домъ, гдѣ жили Михайловскіе. Когда эта группа людей рѣшительно двинулась впередъ, Вѣра Илларионовна, поблѣднѣвъ еще сильнѣе, шагнула къ брату, шепнувъ мужу:

— Это сюда: надо Мишу спрятать. Миша, — обратилась она къ Быстрову, — скорѣе слѣдуй за мной. Боюсь, что идутъ къ намъ съ обыскомъ.

У Быстрова затряслись руки. На сильно поблѣднѣвшемъ лицѣ выразился ужасъ.

— Куда же мнѣ идти, гдѣ спрятаться?

— Бери, бери скорѣе... — быстрымъ движеніемъ она сунула брату въ карманъ кусокъ оставшагося на столѣ хлѣба и, взявъ подъ руку, почти потащила къ дверямъ черного хода.

— Куда? На чердакъ? — не теряя самообладанія, спросилъ Михайловскій.

— Нѣтъ, въ дровяной сарай... у меня тамъ, на всякій случай, уже приготовлено. Николенка, если къ намъ будутъ стучать, удержи сколько можешь въ дверяхъ.

— Такъ скорѣе же, скорѣе... навѣрное прійдутъ съ параднаго и съ черного хода.

— О, Боже мой, Боже мой... неужели опять схватятъ?! Спасите меня... Не выдержу больше... Господи помоги... — лепеталъ Быстровъ, блѣдный, съ растеряннымъ испуганнымъ взглядомъ.

Вѣра Илларионовна, поддерживая его подъ руку, спустилась съ нимъ по лѣстницѣ и толкнула дверцу сарая, принадлежавшаго ихъ квартирѣ. Въ полутемномъ сыроватомъ подвалѣ, за кучей сваленныхъ дровъ, былъ постланъ старенькій коверъ.

— Ложись сюда, Миша. Если холодно — укройся однимъ концомъ. Пока я не приѣду за тобой, не подавай признаковъ жизни. Христосъ съ тобой... Молись. — Она захватила нѣсколько полѣньевъ, замкнула дверцу сарая, и, услышавъ приближавшіеся по двору чьи то шаги, стремительно бросилась вверхъ. Запыхавшись, еле переводя духъ отъ волненія и быстрого бѣга по лѣстницѣ, она вбѣжала къ себѣ и закрыла черную дверь на ключъ и на болтъ.

— Николенька, гдѣ ты? — взволновано обозвала она мужа.

— Я здѣсь. Иди скорѣе. Они вошли въ нашъ дворъ. Очевидно, это къ намъ.

Вѣра Илларионовна перекрестила себя и мужа.

— Авось обойдется! Скажи, что братъ уѣхалъ на Украину. Хорошо, что вещи его отправлены и комната пустая. Надо поскорѣе убрать Мишинъ приборъ. Отодвинь его стулъ, Николенька.

— Не волнуйся такъ, Вѣрочка. Чему быть, того не миновать, — вздохнулъ Михайловскій.

Прошло нѣсколько минутъ, и изъ передней донесся громкій и рѣшительный стукъ въ дверь.

— Что жъ, пойду отворять, — Михайловскій поднялся съ мѣста.

— Не ты, не ты... оставь, я сама открою. — Вѣра Илларионовна отстранила мужа и, придавъ лицу спокойное выраженіе, направилась къ дверямъ передней.

Послѣ короткихъ переговоровъ черезъ пріоткрытую на цѣпочкѣ половинку двери, въ комнату вошло двое агентовъ чрезвычайной комиссіи и за ними двое воору-

женныхъ солдатъ. Въ то время какъ солдаты расположились у дверей, агенты прошли въ столовую.

— Здѣсь находится Быстровъ Михаилъ Илларионовичъ? Намъ надо переговорить съ нимъ по дѣлу, — оглядывая комнату, проговорилъ одинъ изъ агентовъ, барабанивъ по скатерти грязными пальцами. Лицо у него было непріятное, рябое, съ безцвѣтными, ничего не выражавшими, глазами. Другой, коренастый, очевидно, сильный человѣкъ, въ кожаной курткѣ и такой же фуражкѣ, съ потнымъ отъ жары лицомъ и настойчивымъ взглядомъ, вытащилъ изъ кармана папироску и сталъ ее раскуривать.

— Быстрова нѣтъ, онъ уѣхалъ, — спокойно проговорила Бѣра Илларионовна.

— Куда онъ могъ уѣхать? Что жъ вы это говорите? — ухмыльнулся раскуривавшій папиросу.

— На Украину уѣхалъ.

— Не можетъ этого быть. Онъ здѣсь. — Человѣкъ, барабанившій пальцами, отошелъ отъ стола и направился къ комнатѣ Быстрова.

— Можете посмотрѣть; какъ разъ это была его комната. Видите, вещи всѣ увезены.

— Спрятаны, а не увезены. Все равно мы найдемъ его, напрасно только тревожите себя.

— Это ужъ какъ хотите, — пожала плечами Михайловская.

— А вы ему какъ приходитесь: родня?

— Нѣтъ, не родня. Просто такъ жилъ въ свободной комнатѣ.

— Все равно отыщемъ его, потому намъ доподлинно извѣстно, что Быстровъ никуда не выѣзжалъ.

— Зачѣмъ онъ вамъ понадобился? Вѣдь его освободили какъ совершенно больного человѣка, — вмѣшался въ разговоръ Михайловскій.

— Переосвидѣтельствовать надо и больше ничего. Всего на нѣсколько дней нуженъ, а тамъ и отпустили бы

опять. Такъ хуже будетъ. Что жъ онъ прячется?! Противъ власти, значить, идетъ, — доказывалъ, покурявая папиросу, коренастый человѣкъ.

Вѣра Илларионовна переглянулась съ мужемъ. У обоихъ явилась одна и та же мысль, что, можетъ быть, лучше было бы его не прятать.

— Вы, товарищъ, укажите ка намъ лучше гдѣ находится Быстровъ. — обратился къ Михайловскому рябой агентъ, стоя на порогѣ спальни. — Найти мы его найдемъ, это безъ всякаго сомнѣнія, а только хлопотъ будетъ меньше, да и ему не будетъ непріятностей. По хорошему объявится, такъ послѣ переосвидѣтельствovanja дней черезъ пять — шесть опять свободенъ будетъ; ну, а какъ въ прятки играть станетъ, такъ ужъ, конечно, по головкѣ не погладимъ. Что же зря время то терять.

— А зачѣмъ понадобилось переосвидѣтельствovanje? — спросила Вѣра Илларионовна, чувствуя все болѣе и болѣе нарастающее въ душѣ волненіе.

— А потому, что комиссія этого требуетъ.

— Да вѣдь онъ чуть ли ни полъ года лежалъ въ госпиталѣ на испытаніи. Онъ совершенно больной человѣкъ.

— Такъ тѣмъ болѣе, значить, комиссія его скоро отпустить. Тутъ никакихъ подлоговъ нѣтъ.. Дѣло ясное.

Михайловскій выразительно посмотрѣлъ на жену. Она поняла его взглядъ, подтверждавшій ея мысль, что ихъ упорство въ отказѣ выдать Быстрова можетъ оказаться для него пагубнымъ.

— Какая гарантія, что его опять не засадятъ въ тюрьму, и что вы говорите правду? — оттягивая рѣшительный моментъ, спросила Вѣра Илларионовна.

— Сами же говорите, что онъ больной. Коли по болѣзни былъ выпущенъ, такъ, значить, по той же причинѣ опять отпустить, — улыбнулся коренастый агентъ, подходя къ окну и швырнувъ въ него окурокъ папиросы. — Ему бы лучше самому объявиться, а то непріятность

выйдетъ крупная, — добавилъ онъ, засовывая обѣ руки въ карманы куртки и, съ безразличнымъ видомъ, оглядывая на стѣнахъ гравюры.

Вѣра Илларионовна тяжело вздохнула.

— Все равно обшаримъ всѣ щели въ домѣ. Намъ доподлинно извѣстно, что онъ находится здѣсь.

— Хорошо, я вѣрю вамъ, вѣрю вашему слову, что это не арестъ, — сильно волнуясь проговорила Михайловская.

— Какой же тутъ арестъ?! Ничего подобнаго.

— Онъ совсѣмъ больной, у него нервы развинчены... я его спрятала.

— Напрасно трудились. Незачѣмъ было и прятать. Куда же запрятали?

— Онъ внизу, въ дровяномъ сараѣ.

— Не стоило хлопотать. Все равно нашли бы.

Агенты направились изъ столовой въ корридоръ, ведущій къ кухнѣ. Вѣра Илларионовна пошла впередъ. За ними шелъ Михайловскій.

— Я прошу васъ не пугать его. Онъ и безъ того сильно взволнованъ.

— Ладно, чего тамъ пугаться! Въ тюрьмѣ посидѣлъ, такъ, значить, дѣло то привычное.

— Не входите, я сама ему скажу, — остановила ихъ Михайловская, но они рѣшительно перешагнули порогъ сарая:

— Ну гдѣ жъ онъ тутъ у васъ? Ишь куда забрался! Словно кроликъ. Небось министромъ то не сиживалъ въ этакихъ хоромахъ, — пересмѣивались они.

— Миша, Мишенька, это я пришла за тобой. Будь спокоенъ, ничего страшнаго: тебя должны только пересвидѣтельствовать.

— Они увезутъ меня? — растерянно глядя на вошедшихъ и подымаясь съ настилки, хриплымъ отъ волненія голосомъ спросилъ Быстровъ.

— Всего на нѣсколько дней, Миша. Ради Бога не волнуйся, — поддерживая Быстрова подъ руку, успокаивала Вѣра Илларионовна. Она чувствовала, какъ онъ весь дрожалъ мелкой нервной дрожью.

— Что тутъ торговаться?! Коли пріѣхали за вами, такъ значить ѣхать надо. У насъ нѣтъ времени на разговоры.

— Подождите минуту: я сейчасъ принесу ему пальто, шляпу и кое что изъ вещей.

— Ладно, да поскорѣе.

Быстровъ, Михайловскій, двое агентовъ и два вооруженныхъ солдата стояли скучившись внизу черной лѣстницы подлѣ дверей, выходящихъ во дворъ. Быстровъ тяжело опирался на руку Михайловскаго. Онъ продолжалъ дрожать всѣмъ тѣломъ и имѣлъ до крайности жалкій и несчастный видъ.

— Что вамъ дался этотъ человѣкъ! Оставили бы его въ покоѣ. Вы видите, онъ совсѣмъ никуда ужъ не годенъ, — пожимая плечами, обратился Михайловскій къ агенту въ курткѣ.

— Это онъ со страху такъ осѣлъ, — зло разсмѣялся рябой.

— Съ утра я былъ въ угнетенномъ состояніи духа... я предчувствовалъ что то недоброе. Вотъ оно и есть. — вполголоса обратился Быстровъ къ Михайловскому. — Если на долго, то я не вынесу на этотъ разъ, навѣрное не вынесу.

На лѣстницѣ слышались быстрые, легкіе шаги Вѣры Илларионовны. Она несла небольшой ручной чемоданчикъ, пледъ съ подушкой и пакетъ съ провизіей.

— Завтра я принесу тебѣ, Миша, еще провизіи; на сегодня тутъ хватитъ. Чай и чайничекъ въ чемоданѣ. На первое время все есть, тѣмъ болѣе, что, я увѣрена, это вопросъ нѣсколькихъ дней. — Она обняла брата и стала его порывисто и спѣшно крестить. Слезы все быстрѣе и быстрѣе капали изъ ея глазъ.

— Видно, не очень то чужая, — мотнулъ въ ея сторону агентъ въ курткѣ. — Ладно ужъ, нельзя ли поскорѣе тутъ съ вашими проводами.

Вѣрочка, прощай... благодарю за все. Господь награждаетъ тебя... больше мы съ тобой не свидимся, я это знаю навѣрное. Николай Николаевичъ, спасибо...

— Идемте, некогда ждать: машина у воротъ, — нетерпѣливо проговорилъ рябой, отстраняя за плечо Быстрова отъ сестры и зятя. Солдаты стали позади, и Быстровъ, съ трудомъ передвигая слабыя ноги и удерживая слезы, понурый и сгорбленный, направился черезъ дворъ къ автомобилю, ожидавшему у воротъ. Вѣра Илларионовна беззвучно плакала.

— Бѣдный, несчастный Миша!... Неужели они его не выпустятъ?! Господи, а вѣдь мы не спросили куда его повезли? Куда же завтра провизію принести?! — Она рванулась впередъ и бѣгомъ бросилась къ воротамъ. Только что захлопнулась дверца автомобиля; моторъ трещалъ и за его шумомъ не было слышно голоса Михайловской.

— Куда его везутъ? — громко кричала она, стараясь быть услышанной шофферомъ. Въ ту же минуту автомобиль тронулся.

— Справитесь на Гороховой, — бросилъ ей, высунувшійся изъ окна агентъ въ кожаной курткѣ.

XVII

Петроградъ, совершенно измѣнившій свой прежній видъ блестящей столицы, походилъ на какой то прифронтный полуразоренный городъ, гдѣ бѣжавшіе жители побросали свои насиженные гнѣзда, теперь обращенныя во всевозможные комиссаріаты и всякія общественныя учрежденія, съ заплеванными, загрязненными лѣстницами барскихъ квартиръ, съ ихъ разоренными комнатами, гдѣ,

среди простых канцелярских столовъ, залитых чернилами, захватанных, съ обломанными ручками, дверей и загрязненных обоевъ, неумѣстно и сиротливо выдѣлялся благородствомъ формъ и изяществомъ какойнибудь секретеръ въ стилѣ «жакобъ» или прекрасный массивный буфетъ средневѣковой эпохи, или цѣнный рояль, съ переломанной крышкой и провалившимися отбитыми, засаленными клавишами. Пролетаріатъ все больше и больше заполнялъ собой всѣ дома, вытѣсняя интеллигенцію и высшій слой въ тѣсныя отдаленныя комнаты, гдѣ приходилось ютиться какъ попало.

Спекуляція разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ. Среди всеобщаго обнищанія и раззоренія были, однако, люди, продолжавшіе пользоваться всѣми благами жизни.

Марія Апполоновна Грачева, выйдя замужъ за Бачаева, была однимъ изъ подобнаго рода исключеній. Въ небольшой квартиркѣ, очень уютно обставленной ея умѣлой и заботливой рукой, хранились запасы продуктовъ, недоступныхъ по своей дороговизнѣ для большей части населенія. Просто, но хорошо одѣтая, Марія Апполоновна обрѣла свой прежній цвѣтушій видъ и, не только съ большимъ интересомъ, но и съ большой пользой участвовала въ совѣщаніяхъ мужа по поводу оптовыхъ закупокъ леденцовъ, какао, шоколаду, сгущеннаго молока, масла, сахару, макаронъ, муки, всякихъ крупъ, меду, варенья и другихъ вещей, переправляемыхъ ловкими спекулянтами изъ Украины въ Петроградъ. Она отыскала свою прежнюю горничную, вышедшую замужъ за повара совѣтской столовой, которая, услуживая ей, въ то же время пользовалась отъ нея благами для себя и своего мужа и за то вполне обеспечивала для Маріи Апполоновны полную безопасность въ смыслѣ доноса. Такая же ловкая какъ и сама Бачаева, горничная, сдѣлавшись повѣренной въ ея дѣлахъ, не была чужда всякаго рода спекулятивныхъ дѣлъ черезъ посредство своего супруга, что приносило крупныя цифры дохода на обѣ стороны. Спеку-

лянты крупной марки, изъ которыхъ многіе еще недавно кичились своими дворянскими гербами, зачастую бывали въ квартирѣ Бачаевыхъ, пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ хозяйки дома, всегда оживленной, дѣловитой и вполнѣ довольной своей судьбой. Понемногу ея завѣтная шкатулка, опустѣвшая послѣ февральскаго переворота, начала опять наполняться цѣнностями, которыя дарилъ ей мужъ, скупавшій ихъ тайно изъ разграбленныхъ сейфовъ и нескораемыхъ шкаповъ. Хотя жизнь, опредѣленно измѣнила свой колоритъ, однако по существу своему она осталась для нея такой же, какой была до переворота и даже лучше, такъ какъ отпали заботы объ устройствѣ своей дальнѣйшей судьбы, которая теперь казалась вполнѣ обезпечена въ ловкихъ и мощныхъ рукахъ богача кавказца.

— Черезъ годъ я закончу тутъ всѣ дѣла, и мы уѣдемъ съ тобой, Мэричка, на Кавказъ. Тамъ мы заживемъ съ тобой иначе, по настоящему... — не разъ говорилъ Бачаевъ женѣ, и Мэри чувствовала, что съ такимъ солиднымъ компаньономъ ей не страшны никакія превратности въ судьбѣ Россіи. Отъ немногихъ изъ оставшихся прежнихъ знакомыхъ она понемногу совсѣмъ отстала, такъ какъ это были люди совершенно ей теперь не нужные. Лишь изрѣдка она встрѣчалась съ художницей Кампіони.

— Вы знаете, что бѣднаго Быстрова опять арестовали въ квартирѣ Вѣры Илларионовны? — сказала, встрѣтивъ ее однажды, Кампіони.

— Нѣтъ, я не знала. Очень мнѣ жаль бѣднаго Михаила Илларионовича.

— Тѣмъ болѣе жаль, что вы могли предотвратить этотъ арестъ, если бы на время спрятали его у себя, — замѣтила Вероника.

Мэри, нисколько не смущаясь, пожала плечами:

— Прятать его у себя, это рисковать собственной головой. Я знала, что Михаилъ Илларионовичъ конченный

человѣкъ, а мой мужъ еще молодъ, полонъ энергіи и можетъ во многомъ быть полезенъ.

— Но я не вижу, въ чемъ же былъ рискъ?

— Въ томъ, что агенты, конечно, запомнили обитателей квартиры, въ которой нашли Михаила Илларионовича и, конечно, теперь будутъ слѣдить за ними. Я увѣрена, что Михайловскіе уже подъ надзоромъ. Нѣтъ, Вероника Антоновна, теперь не такое время, чтобы безразсудно рисковать своимъ спокойствіемъ. Въ особенности должны быть осторожны люди съ прошлымъ. Михайловскій, какъ бывшій членъ Думы и кадетъ, особенно долженъ быть остороженъ.

— Тѣмъ болѣе удивляюсь, что вы, Марія Апполоновна, не нашли возможнымъ спрятать Быстрова у себя: у вашего мужа политическаго прошлаго нѣтъ.

Марія слегка смутилась:

— Да, но онъ извѣстенъ былъ какъ очень богатый человѣкъ; его всѣ знали на биржѣ.

Марія не хотѣлось сказать, что Бачаеву было опасно не прошлое, а его настоящее.

— Вообще, я не понимаю теперь рисковъ. Къ чему эта игра съ неминуемой опасностью? Вотъ, напримѣръ, я слышала, что пріѣхалъ князь Сергѣй Суровъ. Къ чему онъ пріѣхалъ? Вѣдь онъ на примѣтъ у нихъ за участіе въ забастовочной организаціи и, конечно, они его арестуютъ.

— Князь Сергѣй пріѣзжалъ на самый короткій срокъ по личнымъ дѣламъ, и оба брата уже уѣхали.

— А вы, Вероника Антоновна, не собираетесь уѣзжать?

— Я скоро уѣзжаю вмѣстѣ съ Глинковыми въ Крымъ: они на свою дачу въ Ялту, а я ѣду за братишкой. Мы соскучились одинъ безъ другого.

— Вотъ тоже Глинковъ! — пожала Марія плечами. — Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ они оставляютъ его въ

покоѣ. Безъ всякаго сомнѣнія до него доберутся, и чѣмъ скорѣе онъ уѣдетъ, тѣмъ это будетъ для него безопаснѣе.

Вероника, зная, что у Маріи Апполоновны были связи въ большевистскихъ кругахъ, рѣшила передать ея слова и Михайловскимъ и Глинкову. Она была увѣрена, что Мэри была гораздо болѣе освѣдомлена, чѣмъ это показывала.

Михайловскій отнесся очень равнодушно къ этому предостереженію и просилъ Веронику ничего не говорить Вѣрѣ Илларионовнѣ.

— У насъ есть маленькая семейная тайна, — пояснилъ онъ свои слова. — Вѣрочка въ ожиданіи, а потому я не хочу ее тревожить. Обдумаю это самъ и, можетъ быть, дѣйствительно мы съ ней уѣдемъ по добру по здорову на Украину. Ликвидирую здѣсь все, выхлопочу украинскій паспортъ и визу и махнемъ туда. Эхъ, хотѣлъ бы я на Донъ, да ничего не подѣлаешь: генералу Каледину калѣкъ не нужно, — вздохнулъ Михайловскій.

Глинковъ отнесся болѣе внимательно къ словамъ Маріи Апполоновны и заторопилъ свой отъѣздъ.хлопоты съ добываніемъ украинской визы оказались очень сложныя, и еще сложнѣе безконечная волокита съ безконечными хвостами въ разныхъ комиссаріатахъ для полученія разрѣшенія на выѣздъ.

Онъ помогалъ въ этомъ дѣлѣ Вероникѣ, такъ какъ ѣхать рѣшено было вмѣстѣ и желательно было всѣ необходимыя для выѣзда документы получить одновременно.

Надежда скорого свиданія съ любимымъ братомъ послѣ долгой разлуки, и радость опять увидать безбрежное пространство голубого южнаго моря, наполняли счастьемъ сердце художницы, и она доживала какъ въ лихорадкѣ послѣднія хлопотливыя недѣли въ непривѣтливомъ Петроградѣ, угрожавшемъ всякими непріятными сюрпризами каждому обывателю, не принадлежавшему къ пролетарскому классу.

Наконецъ насталь канунъ давно ожидаемаго отъѣзда. Съ утра заѣзжалъ Глишковъ, усталый, со встрепанными волосами и отвислыми усами, раздраженный послѣдними хлопотами и безтолковщиной съ доставаньемъ билетовъ.

— Двѣ недѣли, цѣлыхъ двѣ недѣли безсмысленной бѣготни изо дня въ день хуже всякой гончей собаки, чтобы добиться разрѣшенія проѣхать въ свой же русскій городъ! — съ возмущеніемъ вскидывая руки, жаловался Глишковъ. — Берите вещей какъ можно меньше; мнѣ только что сказали, что, не смотря на плацъ-карту, будемъ въ купѣ набиты какъ сельди въ бочкѣ; для вещей мѣста совсѣмъ мало. Я съ Катей поссорился: вздумала кордонку для шляпъ брать! Знаю я, что въ концѣ концовъ, эту кордонку навалать мнѣ же на самую голову. Всегда такъ!.. Все по своему дѣлаетъ... — ворчалъ Глишковъ, очевидно охваченный заблаговременной *Reisefieber*. — Ради Бога будьте завтра на вокзалѣ часа за полтора до отхода поѣзда. Мы еще и тамъ намучимся, ужъ я это предвижу. Скорѣе бы уѣхать отсюда! Вы слышали? Говорять опять начались массовые аресты. Господи, да когда же насъ, наконецъ, въ покоѣ оставятъ?!

— Не скоро, Григорій Вячеславовичъ, не скоро... Что дѣлать, надо набраться терпѣнія.

— Силь не достанетъ, голубушка. — Глишковъ безнадежно махнулъ рукой.

Подъ вечеръ Вероника поѣхала къ своимъ старикамъ теткѣ и дядѣ.

Сидя на кровати среди невообразимѣйшаго хаоса, учиненнаго «патріархомъ», перерывшимъ двѣ корзины въ поискахъ за какимъ то кожанымъ портфелемъ, Анастасія Ивановна, неумѣлыми руками зашивала оборвавшійся подолъ своего платья. Петръ Александровичъ, въ порывѣломъ, сильно запятнаномъ жилетѣ поверхъ чистой сорочки, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ подлѣ

окна и сосредоточенно обдумывать сложный шахматный ходъ, разложивъ на колѣняхъ складную шахматную доску.

— Какъ хорошо, что ты пришла, а то Стася совсѣмъ захандрила сегодня, — встрѣтилъ племянницу старикъ бережно, что бы не смѣстить шашекъ, снимая съ колѣнъ доску и отставляя ее на подоконникъ, тоже сплошь заваленный всякой всячиной.

— Завтра я уѣзжаю въ Крымъ и пришла на прощаніи обнять васъ, мои дорогіе.

— Ну что жъ! Съ Богомъ. Мы приготовили письма, — свежи ихъ и передай тамъ по назначенію.

— Садись поближе ко мнѣ, вотъ сюда на кровать. Милая моя, долго тебя не увидимъ. Это хорошо, что ѣдешь. — Улыбка озарила болѣзненно желтое лицо Анастасіи Ивановны.

— Вотъ, дядя, въ ваше распоряженіе немного всякой оставшейся у меня провизіи: тутъ маленькій пакетикъ съ „eggo“, вотъ сушеный картофель, немного сахарнаго песку, хорошаго кофе, ... вотъ плитка какао, — неважный, а все таки пить можно. — Вероника выкладывала изъ принесенной корзинки небольшіе пакетики и клала ихъ на столъ.

— Да это намъ на цѣлый мѣсяцъ хватитъ! Очень благодарны тебѣ. Вотъ я сейчасъ разожгу пепечку и будемъ съ твоимъ сахаромъ кофе пить. У насъ его давно уже не было.

Петръ Александровичъ, повязавъ рваную скатерть въ видѣ передника, неторопливо, во всемъ соблюдая выработанную для даннаго дѣла систему, началъ колотъ мелкіе щепки для печечки.

— Петръ Александровичъ. — прервала разговоръ съ племянницей Анастасія Ивановна, — завари кофе, который принесла Ника.

— Нѣтъ, не надо. Ужъ ты не беспокойся... я все сдѣлаю.

— Ну, какъ хочешь. Кофейникъ на комодѣ стоитъ...

— Знаю, знаю, ... все будетъ сдѣлано, — убѣдительнымъ тономъ перебилъ старикъ.

Онъ очень не любилъ чьего бы то ни было вмѣшательства въ свои новыя обязанности повара и экономки и рѣшительно отстаивалъ въ этой области полную независимость.

Кофе былъ готовъ не скоро. Вероника расчистила заваленный вещами столъ подлѣ кровати тетки.

— Ты видишь, что за хаосъ, — вполголоса, чтобы не слышалъ начинавшій сильно гложуть мужъ, указывая на вновь появившіяся кучки всякихъ свертковъ и вещей, проговорила тетка. — Перерываетъ всѣ сундуки и корзины и ничего на мѣсто не кладетъ. Скоро нельзя будетъ къ дверямъ подойти ... А начну говорить — сердится ... — жаловалась старушка.

«Патріархъ» поставилъ на приготовленный столъ закоптѣлый кофейникъ съ пригорѣвшими полосами сбѣжавшаго кофе, подаль на блюдцѣ принесенный племянницей сахарный песокъ, нѣсколько ломтиковъ чернаго хлѣба и, улыбаясь, потеръ руки:

— Роскошный ужинъ! Какое интересное мы переживаемъ время! А?

Вероника, съ чувствомъ затаенной гордости и восхищенія, смотрѣла на стараго, горячо любимаго дядю. Его прекрасная, бодрая, свѣтлая старость лучезарнымъ вѣнцомъ окружала, какъ серебро, сѣдую голову, съ длинной такой же бѣлой отъ самыхъ ушей широкой бородой. Во взглядѣ сѣрыхъ глазъ свѣтился пламенный пронизательный умъ. Движеніе и походка были эластичны и бодры, и ничто, ни одна черта не выдавала его восьмидесяти шести лѣтъ. Со спускавшейся ниже колѣнъ дырявой скатертью, смѣшно торчавшей изъ за ушей длинными концами, въ громадныхъ круглыхъ очкахъ на добрыхъ улы-

бавшихся глазахъ, онъ былъ трогательно прекрасенъ сво-
ей неисчерпаемой вѣрой въ прогрессъ будущаго, въ свѣт-
лое будущее Россіи.

— Дорогой ты мой дядька, какъ я тебя люблю! —
вырвалось у Вероники. Петръ Алѣксандровичъ, полу-
чившій строгое англійское воспитаніе, и отъ англичанки
матери — ея кровь, отличался крайней сдержанностью
въ проявленіи чувствъ. На порывъ Вероники онъ отвѣ-
тилъ лишь улыбкой и дружескимъ пожатіемъ руки.

Кофе пили съ большимъ аппетитомъ.

— Дядя, да что же вы такъ мало сахара берете? —
замѣтила Вероника, знавшая, что старикъ былъ большой
любитель сладкаго.

— Нельзя, мой другъ. Я уже отучилъ себя, и не слѣ-
дуетъ соблазняться случайной возможностью.

— Я не согласна съ вами. Если представляется слу-
чай, то отчего не насладиться?!

— Это не разумно, — внушительно проговорилъ «па-
триархъ». —

— Конечно, намъ приходится теперь частенько го-
лодать, но я считаю, что такого рода постъ не такъ ужъ
вреденъ и даже приноситъ извѣстную пользу организму.
Доктора мнѣ говорили, что катарры исчезли, артриты и
сахарныя болѣзни. Безспорно происходитъ, въ силу силь-
наго поста, обновленіе организма.

— Да, но это очень тяжело, и я не думаю, что бы го-
лодъ былъ полезенъ, — вздохнула Анастасія Ивановна. —
А что, дружокъ, уѣхали оба князя Суровы, или еще
здѣсь?

— Уѣхали, тетя.

— Князь Олегъ, съ которымъ я на прошлой недѣлѣ
имѣлъ у тебя продолжительный разговоръ, произвелъ на
меня очень хорошее впечатлѣніе. Очевидно, это силь-
ный, энергичный и не глупый человѣкъ.

— Вы его раньше не знали?

— Нѣтъ, не приходилось встрѣчать. Красивый человекъ. Я долго съ нимъ бесѣдовалъ, и мнѣ очень жаль, что онъ такъ пессимистично настроенъ. Отчего такое недовѣріе въ народную силу, въ логику историческихъ событій? Это очень жаль. Съ душой, отравленной недовѣріемъ и даже нелюбовью къ своему народу — нельзя принести дѣйствительной пользы. Революція — это кипящій котелъ, въ которомъ неминуемо всплываетъ грязная накипь, и не слѣдуетъ эту накипь принимать за вмѣстимое всего котла. Мало по малу она отойдетъ, и Россія окажется обновленной громаднымъ сдвигомъ. Россія не погибла, говорю я: нѣтъ, не погибла. Перекипитъ, перебродитъ, отболѣетъ и подыметъ опять обновленная и очищенная. Вы видите хаосъ, а я уже предчувствую зарождающіеся лучи свѣта. Доживу ли я до момента, когда они брызнутъ яркимъ снопомъ — не знаю, но говорю вамъ — „*fiat lux,*“ *) и онъ будетъ... будетъ для Россіи...

Слова «патріарха» звучали торжественно, какъ слова пророка.

— Жаль, что князь Олегъ не слышитъ васъ, дядя, — проговорила художница, чувствуя, что въ ея сердцѣ подымается какая то неясная отвѣтная волна, что, несмотря на явный упадокъ окружающихъ ея элементовъ, и въ ея сердцѣ живетъ вѣра въ свѣтлое будущее Россіи.

— Ну вотъ, и кофе выпили, — прервала Анастасія Ивановна воцарившееся на минуту молчаніе. — Благодаря твоимъ приношеніямъ роскошно поужинали. Ты, Петръ Александровичъ, какой кофе заваривалъ? Изъ деревянной шкатулки?

— Я совсѣмъ не заваривалъ. Кофейникъ былъ полный, я только вскипятить еще разъ и прибавилъ сгущеннаго молока.

— Какъ, полный? Тотъ кофейникъ, что на подносѣ стоялъ?

— Ну да!...

*) „Да будетъ свѣтъ“.

Анастасія Ивановна всплеснула руками:

— Ахъ, Петръ Александровичъ, вотъ ты всегда такъ! Хоть бы спросилъ! Ты знаешь, что мы выпили? Воду, грязную воду изъ полоскательной чашки, которой я ут-ромъ мыла посуду и слила въ кофейникъ съ оставшейся гущей. Ее надо было вонъ вылить, а ты насъ угощаль.

Старикъ развелъ руками:

— Почему же я зналъ?..

Вероника разразилась хохотомъ:

— Вотъ такъ угощеніе! И съ какимъ аппетитомъ мы пили, и какъ хвалили!

— Какая гадость, ты всегда такъ! — ворчала старушка.

— Если разсудить спокойно, то ничего особенно гадкаго и нѣтъ. Что ты этой водой мыла, Стася?

— Какъ, что? Чашки послѣ кофе, блюдца...

— Ну, вотъ видишь! Строго говоря, ничего не было недоброкачественнаго. Конечно, это не очень аппетитно, но не такъ ужъ страшно, да еще и по теперешнимъ временамъ. Ты какъ думаешь, Ника?

— Милый дядя, когда я подлѣ васъ, то могу думать только такъ, какъ вы, — смѣялась Вероника.

— Ну, вотъ видишь, Стася. Ты одна бунтуешь. Тутъ революція, историческій сдвигъ, несутся лавины, а мы будемъ волноваться изъ за неудавшагося кофе...

— Приготовленнаго изъ помоевъ, — съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ подсказала Анастасія Ивановна.

Вероника поднялась, что-бы уѣзжать.

Старики бодро распрощались съ ней.

— Не очень спѣши возвращаться обратно, — говорили они, обнимая ее. — Тамъ хорошо, а тутъ будетъ, вѣроятно, очень скверно и во всѣхъ отношеніяхъ.

День отъѣзда прошелъ въ такихъ хлопотахъ и суетѣ, что Вероника не имѣла свободной минуты, чтобы побыть одной: то и дѣло трещалъ телефонный звонокъ, заносили письма, съ просьбами доставить ихъ на югъ, передавали

устныя порученія, содержаніе которыхъ было опасно до-
вѣрять бумагѣ. Вероника все выслушивала, все запоми-
нала, однако къ концу дня начала кружиться голова, такъ
какъ дѣла было еще много, а до отхода поѣзда оставалось
часа два. Кое какъ пообѣдавъ, отдавъ послѣднія распоря-
женія оставшейся при квартирѣ старухѣ, взятой изъ бо-
годѣльни, Вероника, уже въ шляпѣ и дорожномъ пальто,
подбѣжала къ телефону, что бы еще разъ проститься со
стариками и Вѣрой Илларионовной, съ которой она очень
тѣсно сдружилась за послѣднее время. Несмотря на мно-
гократный и настойчивый звонокъ, никто не отозвался
изъ квартиры Михайловскихъ, и Вероника съ досадой
опустила трубку, такъ какъ наканунѣ она сговорилась,
что будетъ звонить передъ самымъ отъѣздомъ и была увѣ-
рена, что Вѣра Илларионовна ждетъ звонка.

На Николаевскомъ вокзалѣ, несмотря на громадное
количество пассажировъ, уже не было той ужасающей
давки, которую испыталъ Сергѣй Суровъ послѣ ок-
тябрьскаго переворота. Поѣздъ, шедшій до Орши, все
же вмѣщалъ гораздо большее количество пассажировъ,
чѣмъ было обозначено мѣстъ. Вероника, благодаря зна-
комству, достала мѣста для себя и для Глинковыхъ.
По счастью, ихъ мѣста оказались въ купѣ, а не въ кор-
ридорѣ, который уже былъ полонъ публики, размѣстив-
шейся на своихъ чемоданахъ.

Глинковъ, съ растеряннымъ лицомъ, съ галстухомъ
на боку, выбившимся изъ подъ воротника, съ растегну-
тыми пуговицами жилета, запыхавшійся, мчался по
платформѣ, нагруженный вещами.

— Сюда, сюда, Григорій Вячеславовичъ, — обозвала
его изъ окна Вероника.

— А Катя уже тутъ?

— Нѣтъ еще.

Ну вотъ, такъ я и зналъ! Вѣдь я же говорилъ, что
надо вмѣстѣ ѣхать! Изъ за ея упрямства я всю дорогу

волновался, переплатилъ извозчику и вотъ ее нѣтъ . . . Что же теперь будетъ?! Конечно, она опоздаетъ..

У Глинкова отъ волненія выступили на щекахъ красныя пятна.

Вероника помогала ему разложить вещи, для которыхъ было въ купѣ очень мало мѣста, такъ какъ, вмѣсто четырехъ, помѣщалось шесть пассажировъ. Она тщетно пробовала его успокоить.

— Я вамъ говорю, что Катя опоздаетъ. Это ее манера Что же теперь будетъ, желалъ бы я знать?!

Вероника, привыкшая къ такимъ напраснымъ волненіямъ и тревогамъ мнительнаго и нетерпѣливаго въ поверхностныхъ проявленіяхъ жизни Глинкова, внутренно забавлялась этими скоро проходящими вспышками, отлично зная, что въ глубинѣ своего я онъ былъ уравновѣшанъ. Оставалось четверть часа до отхода поѣзда. Глинковъ чуть ни плакалъ отъ отчаянія, хватался за голову и метался по платформѣ:

— Она опоздаетъ . . . я вамъ говорю, что она опоздаетъ. Изъ за нее и я долженъ буду остаться, — повторялъ онъ, уже готовый обратно вытаскивать вещи изъ купѣ. Въ концѣ платформы показалась, съ двумя чемоданами въ рукахъ, небольшая крѣпкая фигура его невѣстки. Съ крикомъ радостнаго облегченія Глинковъ бросился къ ней.

— Потомъ, потомъ будете бранить меня; надо поскорѣе остальные вещи внести . . . онѣ тамъ, — торопливо остановила она потокъ посыпавшихся на нее упрековъ.

— Какъ: еще вещи?

— Ну конечно. Еще чемоданъ и кардонки.

Глинковъ схватился за гоолву. Едва всѣ вещи были внесены и кое какъ размѣщены, какъ поѣздъ тронулся.

— Теперь можете узнать причину моего опозданія, — умациваясь на диванѣ между двухъ тюковъ, заговорила Глинкова. — Случилась скверная вещь: арестованъ часъ

тому назадъ Михайловскій. Къ намъ заѣзжала въ полномъ отчаяніи Вѣра Илларионовна; она заѣзжала и къ вамъ, Вероника Антоновна, но вы уже уѣхали. Несчастная бросается во всѣ стороны. Я посовѣтывала ей, не тратя времени, поѣхать къ доктору Манухину.

— Боже мой, вотъ несчастіе! За что его арестовали?

— За что?! — пожалъ плечами Глиньковъ, нервно проводя ладонью по взъерошеннымъ волосамъ. — Развѣ кто нибудь знаетъ за, что!

— Несчастливая Вѣра Илларионовна! — поблѣднѣвшими губами прошептала Вероника. — Зачѣмъ все это страданіе?! За что эти рѣвки слезъ и крови?! Кто же, наконецъ, повиненъ въ этихъ ужасахъ?!

— Кто?! Всѣ повинны... Да, да, говорю я вамъ, что всѣ мы повинны; на каждомъ изъ насъ лежитъ вина въ томъ, что мы допустили Россію скатиться въ пропасть. И народъ, и интеллигенція, и буржуазія, — всѣ повинны, каждый по своему.... Понесемъ теперь на плечахъ своихъ тяжелые кресты... будемъ тащить ихъ длинные годы, будемъ падать подъ ихъ тяжестью. Виноваты, всѣ виноваты. Охъ, тяжело это сознаніе!.. — Глиньковъ, съ измѣнившимся отъ нахлынувшей скорби лицомъ, поникъ головой. У Вероники болѣзненно сжалось сердце отъ мысли, что теперь, когда ея дружба всего нужнѣе убитой горемъ Вѣрѣ Илларионовнѣ, поѣздъ съ каждой минутой уноситъ ее все дальше и дальше.

Петроградъ, февраль 1920 годъ.

Н. А. Ланно-Данилевская.